

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
(ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
Открытой научно-практической
конференции

Луганск
2022

УДК 81'1-043.84 (06)
ББК 81.0 я43
А 43

Рецензенты:

- Нередкова С.С.* – заведующий кафедрой русского языка и культуры речи ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», кандидат филологических наук, доцент.
- Дьякова Т.А.* – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», кандидат филологических наук, доцент;
- Дроздова А.В.* – заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат наук по социальным коммуникациям.

А 43 Актуальные проблемы современного языкознания
(20 апреля 2022 года, г. Луганск) / под ред. И.А. Соболевой,
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». – Луганск: Книта, 2022. – 342 с.

В сборнике представлены материалы Открытой научно-практической конференции, состоявшейся 20 апреля 2022 г. на базе кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий филологического факультета ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет».

Сборник адресован лингвистам, специалистам в области когнитивных исследований и межкультурных коммуникаций; преподавателям, учителям, аспирантам, студентам вузов, всем тем, кто интересуется русским языком и проблемами преподавания и изучения русского языка.

УДК 81 (06)
ББК 81Я43

*Рекомендовано научной комиссией
Луганского государственного педагогического университета
(протокол № 10 от 14 июня 2022 г.)*

© Коллектив авторов, 2022
© ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	
Синельникова Л.Н. Об особенностях научного дискурса в цифровой среде.....	7
Соболева И.А. Аксиологический террор современного дискурса войны.....	26
Патроева Н.В. Рассудок и разум в лирическом дискурсе Е.А. Баратынского.....	42
Пономарева Т.А. Современный поэтический дискурс: анализ интертекстуальных явлений.....	51
Шкуран О.В. Аксиологический аспект языковой репрезентации топонима <i>Донбасс</i> в Рунете.....	64
 ДИСКУРСИВНАЯ КАРТИНА МИРА: МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ 	
Синельникова Л.Н. О фронтире и дискурсивных институциональных рамках.....	73
Цурбанова А.Ю. Теоретические основания изучения концептосферы в дискурсологии.....	84
Дзюба В.А. Репрезентация ключевых слов современности в разных типах дискурса (политическом, образовательном, рекламном)	93
Шелехова И.И. Языковая личность студента в конфликтной ситуации общения: когнитивно-дискурсивный подход.....	103
 МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ДР.) И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ, КУЛЬТУРЫ РЕЧИ,	

РИТОРИКИ

Серебряк М.В., Симоненко Л.Н. Символика животного мира в оппозиции «ленивый» – «трудолюбивый» человек в славянской фразеологии.....	112
Жданова М.О. Реализация стратегий дискредитации в передаче В. Соловьева.....	122
Мельничук А.И. Анализ толерантного коммуникативного портрета В.В. Путина.....	132
Левченко А.С. Цветообозначения как элементы культурных кодов.....	138

ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ФРАЗЕОЛОГИЯ, МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС В ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ И ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ

Джинджолия Г.П. Русские фразеологизмы, описывающие состояние сна.....	153
Новоселова В.А. Вуалирующие эфемизмы в современной политической коммуникации.....	170
Титаренко Э.А. Антропоцентрический анализ обобщенно-собирающего значения единственного числа.....	179
Луценко И.В. Лексема «пиар» и её дериваты в современном русском языке.....	187
Кривошапова Н.В. Приднестровские топонимы в лирике А.А. Мельничук.....	193
Катрецкая Д.С. Дискурсивные особенности личных местоимений <i>ты-вы</i>	201

ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО НОВЫХ СМЫСЛОВ. КОДЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ИХ ТРАНСЛЯЦИЯ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ	
Миргородская А.Ю. Коммуникативно-прагматическая характеристика научного текста....	209
Миргородская А.Ю., Понасенко А.В. Система экстралингвистических факторов научного текста...	217
Якименко Л.Н. Особенности функционирования пословиц и поговорок в художественных произведениях.....	227
Котомцев Д.О. Функции паратекста в интеллектуальном романе.....	233
Пономаренко Л.А. Гендерные особенности коммуникации (на материале современной художественной прозы).....	241
ЯЗЫК ИНТЕРНЕТА. СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ	
Дубинина В.А. Прецедентные имена в современном медиадискурсе.....	248
Волобуева С.С. Проблема взаимосвязи языка и современных технологий.....	255
Давидкова Е.П. Деархаизация в речи современного блогера.....	262
Григорьева М.В. Прагматика имени прилагательного в рекламных текстах.....	268
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОГО (КОНТАКТНО- ДИСТАНТНОГО) ОБУЧЕНИЯ	
Зайцева А.В. Возможности электронных	

образовательных технологий в формировании этикетной культуры учеников на уроках русского языка во время дистанционного обучения.....	276
Холодарёва Е.Л. Возможности и проблемы онлайн-обучения русскому языку.....	286
Гринчукова Н.В., Кизилова И.А. Использование мультимедийных технологий и электронных учебных пособий в обучении русскому языку.....	297
Епифанова Т.В. Использование инновационных методов обучения русскому языку в условиях карантина.....	307
Бровкина Д.В. Онлайн-платформы для создания интерактивных уроков по русскому языку.....	316
Деркульская И.А. Применение технологии BYOD на уроках русского языка.....	327
Лях О.Н. Методы и технологии формирования медиакомпетентности школьников на уроках русского языка.....	334
Легина А.В., Сивакова Н.В. Внедрение методов и средств реализации интегрированных уроков в образовательный процесс.....	343
Твердохлеб Е.В. Сторителлинг на уроках русского языка.....	351

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 159.9/378

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Синельникова Л.Н.,
д. филол. н., профессор кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
г. Луганск

***Аннотация.** Цифровая среда оказывает влияние на научный дискурс, требует новых подходов к размещаемому в интернет-пространстве научному тексту с тем, чтобы поддержать интерес к науке и войти в интерактивные отношения с адресатом. Такие формы, как цифровой сторителлинг, научный стендап способствуют сближению поколений и повышают мотивацию к научной деятельности. В цифровой среде формируется профессиональный имидж ученого-преподавателя.*

***Ключевые слова:** научный дискурс, цифровая гуманитаристика, цифровой научный текст, цифровой сторителлинг, цифровая геймификация, цифровой имидж.*

«Вокруг нас – текучий, прозрачный, нестабильный,
сверхбыстрый, гибридный, мерцающий мир...»
(Т.В. Черниговская)

«...всякая наука неотделима от ученых,
которые ее разрабатывают».
(М.К. Мамардашвили)

Необходимость системного анализа научной среды в условиях цифровизации очевидна, но переход от дискуссионного режима с преобладанием

гипотетической модальности неявного знания: «желательно / не желательно», «целесообразно / не целесообразно» – к предложению научно-образовательных действий, апробированных в практике, осуществляется крайне медленно. Идёт борьба между фобическими переживаниями тотальной новизны и желанием реализовать предоставленные цифровой средой возможности. В этом контексте понятна оправданность предложенной Т.В. Черниговской номинации Homo Confusus – человек растерянный, то есть не знающий, как поступить. В то же время накапливаемый учеными-практиками теоретический и практический опыт освоения «цифровой реальности» свидетельствует об изменениях способов представления научных знаний, форм организации обратной связи с адресатом на пути превращения традиционного научного монолога в когнитивный партнёрский диалог.

Цифровая гуманитаристика (Digital humanities) в условиях трансдисциплинарности

Гуманитаристика включает весь комплекс социокультурных научно-практических действий, осуществляемой людьми, имеющими гуманитарное образование и (или) гуманитарный тип мышления, на основе которого формируется научное знание определенного профиля, включающее теорию и рекомендации по её практическому применению. Гуманитарные науки: философия, антропология, психология, социология, история, политология, юриспруденция, лингвистика, литературоведение, культурология, искусствоведение – изучают человека и человеческие отношения в разных общественно-культурных временных средах. Но цифровизация внесла существенные изменения в характер мышления,

нейтрализовала признак антиномичности в отношениях между гуманитарным и техническим мышлением.

Научные картины мира основываются на результатах познавательной деятельности, осуществляемой учеными в течение длительного времени. Философская картина мира формируется на основе осмысления законов человеческого бытия – материального и духовного; культурологическая картина мира фиксирует восприятие жизни через представления, ценности, чувства, выраженные в многообразии культурных практик; художественная картина мира представляет «образ мира», основанный на совокупности художественных средств и концептов и т.д. Меняется представление о мире – появляются новые картины мира. Так, триггером формирования экологической картины мира являются экологические и биосферные угрозы, и этот вид картины мира складывается на основе изучения отношения между природой и антропогенной средой, синтезирует признаки естественно-научной картины мира и гуманитарную мыследеятельность (то и другое включено в концепцию научной дисциплины «Лингвистическая экология»). Эмоциональная картина мира представлена в вербальной, психолингвистической и культурологической презентации (эти подходы соединены в научной дисциплине «Эмотиология»). Каждая картина мира ориентирует на определённый ракурс исследовательского рассмотрения, но всегда, явно или латентно, интегрируется с другими. Наивысший уровень интеграции представлен в массмедийной картине мира, подчинившей себе информационную картину мира – совокупность разнородной информации и в режиме нон-стоп формирующей представление о реальности. Чем выше

степень интегративности, тем больше оснований для перехода от понятия «картина мира» к понятию «дискурсивная картина мира» с такими её характеристиками: актуальная событийность, динамическое развитие, продуцирование новых дискурсивных практик, влияние на выстраивание когнитивных отношений между языком и внеязыковой реальностью и др.

«Картина мира формируется и развивается в опыте под влиянием внешних (социокультурных) и внутренних (индивидуально-психологических) детерминант, обеспечивая адаптацию и самоопределение человека в сложном, меняющемся мире» [8, с. 24]. В современных условиях оптимизация картин мира происходит в условиях цифрового модуля, который обеспечил доступ к медиаконтенту и способствовал переходу от междисциплинарности (перенос исследовательских практик из одной дисциплины в другую) к трансдисциплинарности (формирование новых когнитивных моделей познания, инженерия знаний, их структурирование и визуализация). Пространство оценочных предикатов гуманитарных наук – «школа мысли», «фабрика мысли» расширилось в условиях цифровизации [5].

Словосочетание «цифровая эпоха» в Национальном корпусе русского языка было зафиксировано в 2008 году. В течение относительно короткого времени сформировался и продолжает дополняться обширный ряд номинаций, свидетельствующий о многомерном осмыслении дигитализации в научном дискурсе и в дискурсе повседневности: *цифровая цивилизация, цифровая среда, цифровые ресурсы, цифровое образование, цифровая дидактика, цифровой человек, цифровая*

аксиология, цифровая идентичность, цифровое поколение, цифровая трансформация, цифровое общение, цифровой этикет, цифровая включенность, цифровой гедонизм, цифровой мир, цифровой сторителлинг, цифровой контент, цифровая игра, цифровой след, цифровой актив, цифровые нарративные практики, цифровые профессии, цифровая безопасность, цифровая личность, цифровой университет, цифровое сознание, цифровое поведение, цифровые навыки, цифровая компетентность, цифровая грамотность, цифровая трансформация, цифровая модель, цифровая эволюция, цифровые проекты, цифровая филология, цифровая лингвистика, цифровая риторика, цифровая экосистема, цифровой проректор. Каждая номинация тем или иным образом проявляет онтологические признаки дискурса: картографирование нового знания на основе описания моделей его организации, антропологический уровень осмысления новых дискурсивных практик, наполненность интенциональным содержанием (оценка качества «цифровых событий»).

Исследование проблем цифровой гуманитаристики идёт в нескольких направлениях:

1. Определение природы и свойств цифровизации [3; 12; 21]. Сформировался список утвержденных мировым гуманитарным сообществом цифровых научных действий: выборочная или сплошная оцифровка научной продукции, автоматизация процедур текстологического анализа, создание и изучение лингвистических корпусов (big data – большие данные); формирование цифровых историй в их соотносительности с профессиональными практиками и видами общения во множестве сетевых каналов; создание электронных образовательных продуктов. При

этом важно разграничивать оцифровку (digitizing) – механизм сохранения информации через приведение в электронный вид и цифровизацию (digitalization) – создание нового продукта в цифровой среде. Проблемой самоопределения в этой среде занимаются представители всех гуманитарных дисциплин. Наиболее активны психологи, социологи, педагоги.

2. Рассмотрение цифровых перспектив и рисков цифровизации [11; 14]. Цифровая гуманитаристика внесла изменения в содержание научного дискурса и повлияла на образ жизни представителей науки и акторов образовательной вузовской среды [13].

3. Анализ возможностей цифровая среды в организации современного образовательного пространства в условиях дистанцирования [1; 9; 4; 18; 20]. Внимание к цифровому образовательному пространству активизировалось в период коронавирусной пандемии. Проявлено естественное беспокойство о качестве обучения в онлайн-формате, о сохранении классических академических традиций [7].

Цифровая филология испытывает те же трудности, что и другие гуманитарные науки. «У цифровой филологии, – считает доктор филологических наук И. Пильщиков, – с одной стороны, большое будущее, а с другой стороны, довольно много проблем. Технология развивается быстро, а рефлексия по ее поводу формируется гораздо медленнее. Одна из главных проблем digital humanities – что они должны делать: отвечать на вопросы, которые уже были поставлены в гуманитарной науке независимо от компьютеров, или научиться задавать новые вопросы, которые именно наличие компьютера помогает поставить?» (Игорь Пильщиков: «У цифровой филологии большое будущее» <https://arzas.academy/materials/1161>).

Медленно и проблемно формируется рефлексия по поводу особенностей цифрового научного текста.

Цифровой научный текст: на пути к трансформации

Научный текст – это когнитивно-коммуникативный продукт, из которого извлекается необходимая для адресата информация. В образовательных условиях необходимость, с одной стороны, определяется прагматической мотивацией обучающихся, с другой – установкой адресанта (автора текста) на моделирование адекватного восприятия текста, его понимания. Эта «двойственность» интенций, по нашему мнению, должна оптимизироваться в текстах, осуществляющих научную коммуникацию именно в цифровой среде. Речь идёт не об отрицании традиций в организации научного текста, основывающихся на свойствах научного мышления и научного этоса (о соотношении традиционного научного этоса и современной системы производства научного знания см.: [Виноградова, 2018]), а о приобретении цифровым текстом свойств, согласованных с особенностями многомодульного Web-пространства.

В цифровой среде проявился ряд активно обсуждаемых учеными свойств текстов «новой природы», таких как поликодовость, креолизованность, гибридность (негомогенная в семиотическом отношении структура текста), гипертекстуальность (выход за пределы линейности текста, обеспечивающий его связь с другими текстами), мультимодальность (рационально-логические и оценочно-эмоциональные модусы передачи содержания текста). Все эти свойства можно отнести и к научному цифровому тексту [15], но есть и специфика в формировании нового научного

продукта в отличие от оцифрованного аналогового текста.

Установка на вовлеченность адресата в содержание обучающего цифрового текста приближает его к профессионально организованному научно-популярному стилю, обогащенному новыми информационно значимыми опциями. Пример – книга Марии Бобылевой «Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать» (Москва: Издательство АСТ, 2021). Так, в раздел «Язык определяет сознание?» включена представленная на YouTube лекция М. Кронгауза «О феминитивах в языке: неча на зеркало пенять», к которой можно перейти, сканировав QR-код. Далее штрих-код открывает доступ к популярным телепрограммам, интервью, предоставляет возможность познакомиться с отрывками из отечественных и зарубежных изданий.

Условия цифровой среды позволяют преодолевать нарративную линейность научного текста, вовлечь адресата в процесс интердискурсивности – взаимообмене знаниями через подключение других дискурсов. Представляется, что применение формата «дополненной реальности» книжного текста визуально-аудиальными сюжетами – одно из направлений создания продуктивного образовательного контента.

Размещаемый в интернете научный текст получает возможность войти в поток научного (и не только) дискурса в результате размещения на разных платформах и в социальных сетях. Автор цифровой статьи изначально может включиться в навигационный процесс через гиперссылку синего цвета – «нажмите здесь». Интересная цифровая научная статья имеет все возможности стать постом, если она обсуждается в чатах, на форумах, в социальных сетях, в результате

чего научный текст превращается в некий общий нарратив.

Транскодинг (преобразование файла, переходящего из одного цифрового формата в другой) влияет на процесс чтения и понимания научного текста: меняется оптическая составляющая текста (шрифт, степень сжатости), к его восприятию добавляется статус платформы: состав пользователей, разная обеспеченность контактов и форм обратной связи. Письменный научный текст, размещаясь на разных платформах цифровой территории, формирует собственный гипертекст, и информация о том, на какие сайты попала статья, сколько людей заинтересовала, какие комментарии читателей получила, может быть включена в систему оценок по критериям социального компьютеринга – междисциплинарной области научных исследований использования онлайн-среды для общения и поведения людей в виртуальном сообществе. Цифровые «следы» оценок научных публикаций не подвергались системному описанию, в то время как информация такого рода может быть полезной для разнородных идентификаций: наука / лженаука, актуальное / устаревшее, своё / чужое и даже грамотное / безграмотное.

Нужно ли, создавая цифровой контент и конкретно цифровую статью научного профиля, учитывать читательские привычки пользователей? На наш взгляд, нужно, если такого рода привычки опираются на сенсорно-перцептивные особенности, коррелируют со спецификой восприятия экранного текста (в сравнении с восприятием книжного текста) и согласуются с активными процессами в пространстве коммуникативно-речевых норм. К числу таких процессов можно отнести тенденцию к сжатости текста

(при сохранении его информативной достаточности) через эллиптичность, упрощение синтаксических конструкций, когнитивно значимую метафорику, компрессирующие информацию схемы и другие способы повышения плотности цифрового текста. Важно также обеспечить риторическую модальность в подаче материала в виде риторически отмеченных структур: заголовка, вопросно-ответных блоков, оценок, развивающих критическое мышление (модальность знания и модальность мнения), и многого другого, что накапливается в банке адаптирующихся к цифровой среде учёных, научная деятельность которых связана и с образовательной средой.

Мультиканальность и мультимедийность позволяют сочетать словесный текст с визуальной и аудиальной информацией, что увеличивает число осознанных связей между разными каналами представления знаний. «Мультимодальный текст – это и сайты, и презентации, и системы мгновенных сообщений, и соцсети, каждая из которых функционирует по своим специфическим законам. Знание этих законов делает современного человека более успешным в коммуникации», – считает представитель молодёжной науки, заведующая лабораторией инновационных средств обучения русскому языку Института Пушкина, кандидат филологических наук Мария Лебедева (см.: «Новая грамотность»: что такое мультимодальные тексты» <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=5203>).

Цифровой сторителлинг

Цифровой сторителлинг – искусство увлекательного рассказа относится к числу современных образовательных практик. В цифровой научной коммуникации сторителлинг «превращает

жизнь пользователей в постоянное сотрудничество, позволяя соединить в одном повествовании креативность, экспертность, публичность, эмоциональность и интерактивность [11, с. 50]. Создается возможность включить научное знание в публичную сферу, компенсировать снижение интереса молодежной аудитории к классическому научному контенту в виде длинных перенасыщенных терминологией текстов [6]. сторителлинг как привлекающий внимание рассказ о науке и людях, её представляющих, может основываться на личном опыте ученого, на сюжетах из его биографии. Включение сторителлинга в цифровой научный текст способствует повышению интереса к науке и способствует формированию риторической культуры научного рассказа от 1-го лица. Примеры такого рода рассказов можно найти в книге В.И. Новикова «Любовь лингвиста» (М.: Издательство «Э», 2018). Так, в «разговорной манере», проявляющей высокий уровень эмоционального интеллекта, автор предлагает читателю рассказ об образе жизни замечательного ученого М.В. Панова («Повесть о Михаиле Панове»). В.И. Новиков пишет: «В моё сознание фонема вошла, безусловно, благодаря человеческому контакту с Пановым (с. 304). Сохранение связи поколений в научной среде не менее важно, чем в любой другой.

Цифровая геймификация

О науке можно говорить на разных языках. К числу новых дискурсивных практик, которые могут быть применены в условиях цифрового обучения, можно отнести научный стендап. Цель научного стендапа – популяризировать науку, формировать представление о ней как об интересном и увлекательном действии. Существуют правила этого вида стендапа:

представлять только свои собственные исследования (возможность уйти от плагиата и от перманентного «загугливания»); строго соблюдать регламент (умение структурировать текст, отделять главное от второстепенного); говорить на понятном аудитории языке (формируется стилистическая гибкость, умение согласовывать речь с ситуацией и восприятием адресата) (Подробнее см.: <http://newtonew.com:81/science/science-slam-rocks.>)

В условиях естественного (не скованного формальными ограничениями) речевого поведения и непосредственного контакта с аудиторией, которая имеет право эмоционально реагировать на формы презентации научной информации, говорящий проявляет себя как дискурсивная личность, способная соответствовать условиям «игры». Научный стендап представляет собой новый вид риторической культуры, соотносимой с понятием «новая искренность»: уход от искусственной ограниченности возможностей самопрезентации, изменение стратегий объяснения научного материала в пользу «удовольствия от текста» (Р. Барт) как настроения и состояния, объединяющего говорящего и слушающих.

Естественная ситуация общения способствует креативности в выборе языковых средств, что возможно при условии знания норм функциональных стилей и принципов выбора в условиях «книжности» научного стиля и «устности» коммуникации. Цифровая среда способствует креативности [17]. Научный стендап – пример использования игровых технологий в неигровом контексте. Креативность в этом случае проявляется как умение нестандартно мыслить и нестандартно, но с установкой на понимание аудитории («академический минимализм») создавать устный научный текст. Формирование таких умений способствует когнитивному развитию личности. Исследователи связывают

структурные и лингвистические особенности стендапа с юмором [16], но научный стендап выходит за пределы юмористического жанра. Импровизация допускает шутки, но не доводит их до комизма, насмешливости. В цене креативная атмосфера, которую создаёт умный юмор, юмор со смыслом, то есть остроумие. В этом случае уместно рекомендовать студентам обратиться к публикациям под заголовком: «Учёные шутят», «Филологи шутят», «Лингвисты шутят». Например, в книге «Лингвисты шутят» (М.: Флинта: Наука, 2006) составитель А.К. Киклевич собрал интересный материал о шутках, связанных с научными открытиями и дискуссиями. Пример из этой книги – полная иллюстрация текста, построенного в формате научного стендапа: «Каждый раз, выходя из забегаловки, что на углу Пушкинской площади и Страстного бульвара, я, по обыкновению, икнул и вдруг остановился, сам ещё не осознав, что произошло. Но тут сработала моя феноменальная наблюдательность, которая всегда поражала фундаторов МФШ (Московской фонологической школы): я понял, что икну, я произнёс на месте гласного переднего ряда верхнего подъёма **И** – гласный верхнего же подъёма, но среднего ряда **Ы**. Не **ИК**, а **ЫК**. Но позвольте!! Ведь со ipso, вопреки всем правилам, звук **Ы** оказался в абсолютной инициали, и не в каких-то придуманных *ыкать – ыканье*, а в естественном речевом акте, взятом в его колоритнейшем узоре без всяких там фиглей-миглей книжного языка» (доктор филологических наук В.Д. Левин). В комментарии А.К. Киклевича представлено разъяснение смысла шутки: обыгрывание различий между фонологическими научными школами, поразному определяющими статус фонем **И** и **Ы**.

Заинтересованная в новизне научных размышлений аудитория ценит парадоксальные неожиданные формулировки и ожидает дискурсивно адекватных рассуждений. Так, в основу сценария научного стендапа на

тему «Знакомьтесь: это дискурс! Или нет?») был положен диалог между высказываниями известных людей и неизвестных пользователей Сети: «Всё дискурс» (Жак Деррида); «Человеческий ум сегодня подвергается трём главным воздействиям. Это гламур, дискурс и так называемые новости» (В. Пелевин); Текст – явление off-line, дискурс – явление on-line» (А.А. Кибрик); Дискурс – это сферическое чёрт-знает-что (комментарий в Сети); Немного статистики из сайта ВАК. Из 42 объявлений о защите диссертаций по специальности 10.02.19 слово «дискурс» в названии диссертации содержат 13. Треть. Засилье дискурса. Там всё ещё есть что-то новое? (филолог с научной степенью в фейсбуке). «Двойная экспертность»: оценка присутствующими (с аплодисментами в контактных условиях, лайками и одобрением в чате – в бесконтактных) и комментарий выступающим в качестве спикера преподавателем – обеспечивает продвижение знания о проблеме. Вместо открытого микрофона – поднятая рука в цифровом зуме, вместо ключевых слов, в составлении списка которых студенты и аспиранты, готовящие статьи для публикации, испытывают трудности, – облако слов (тегов) как оригинальной визуализированной формы «сжатия» текста до основных концептов.

Пример облака слов на материале данной статьи
(Рис. 1)

достойно представлять себя в соцсетях, освоение норм цифрового этикета и др.). «Цифровые следы» преподавателя-ученого позволяют составить его «цифровой портрет», в который включаются разные виды деятельности: освоение цифровых форматов широкого спектра (сайты, блоги, твиты); общение в социальных сетях и группах по интересам; запись лекций на YouTube-канале, проведение вебинаров, участие в онлайн-конференциях и многое другое. Все эти формы создают дополнительное дискурсивное пространство для обсуждения современных проблем науки и образования, повышают мотивацию к цифровой активности. Однако их освоение находится на начальном этапе.

Промежуточное резюме. Цифровизация существенно меняет содержательно-концептуальные признаки научного дискурса. Определяются новые правила формирования научного контента и нормы научных коммуникаций в цифровой среде. Апробируется ряд новых форматов научных действий, имеющих экспериментальный характер и пока не получивших официальных педагогических сертификатов. В то же время обсуждаются и находятся на пути к легитимизации тезисы, в сжатом виде определяющие возможности и векторы развития научного дискурса в цифровых условиях: «Цифра» формирует новое научное знание; «цифра» меняет статус и образ жизни исследователей; «цифра» повышает эффективность научно-образовательных действий. Но остается и другая оценочная позиция: «цифра» уничтожает образовательные традиции. Академический мир находится в состоянии поиска и самоопределения.

Список литературы

1. Беляев Г.Ю. Социально-цифровая среда как источник новых возможностей и новых рисков для современного образования / Г.Ю. Беляев // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2020. – № 4 (69).
2. Виноградова Т.В. Этнос науки и современная система производства научного знания / Т.В. Виноградова // Научно-педагогические исследования. Ежегодник. – 2018.
3. Володин А.Ю. Digital Humanities (Цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения / А.Ю. Володин // Вестник Пермского университета. – 2014. – Вып. 3(26).
4. Гребенникова В.М. Новикова Т.В. К вопросу о цифровизации образования / В.М. Гребенникова, Т.В. Новикова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – № 5.
5. Гуманитаристика как школа мысли: сборник научных трудов. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ, 2020.
6. Касперович-Рынкевич, О.Н. Сторителлинг как способ продвижения бренда ученого в социальных сетях / О.Н. Касперович-Рынкевич // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. Форума. Т. 2. – СПб.: Медиатапир, 2021.
7. Колесникова И.А. Регуманитаризация образования: методологическая перезагрузка / И.А. Колесникова // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. — 2020. – Т. 1. – № 2. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
8. Крайнюков С.В. Влияние современных информационных технологий на картину мира человека / С.В. Крайнюков // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 4.

9. Краузе А.А., Шишигин А.В. Риски и возможности социально-цифровой среды в контексте образования: философско-социологическое исследование / А.А. Краузе, Шишигин А.В. // Вестник Вятского государственного университета. – 2021. – № 3 (141).

10. Лисенкова А.А. Философия агрессии в цифровую эпоху / А.А. Лисенкова // Философские науки. – 2017. – № 6.

11. Лисенкова А.А. Цифровой сторителлинг и микронарративы – новые формы репрезентации персонального опыта и коллективного творчества / А.А. Лисенкова // Слово.ру: балтийский акцент. – 2021. – Т. 12. – № 2.

12. Мамина Р.И., Елькина Е.Е. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? / Р.И. Мамимна, Е.Е. Елькина // Дискурс. – 2020. – Т. 6. – № 4.

13. Попова А.В. Цифровая педагогика: к вопросу об изменении роли акторов педагогического процесса / А.В. Попова // Интернет-журнал «Проблемы современного образования». – 2021. – № 3.

14. Романов А.А., Романова Л.А. Дигитальная коммуникация в цифровой парадигме: горизонты ожидания / Романов А.А., Романова Л.А. // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021. – № 1.

15. Северина Е.М. Цифровой текст в пространстве современной культуры / Е.М. Северина // Человек и культура. – 2019. – № 5.

16. Степанова А.В., Квалдыкова Е.В. Структурные и лингвистические особенности стендапа / А.В. Степанова, Е.В. Квалдыкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 5–1 (56).

17. Уразова С.Л. Век цифровой информации: креативность vs. творчество / С.Л. Уразова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22. – № 4.

18. Хамитов Р.М. Цифровизация образования и ее аспекты / Р.М. Хамитов // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 3. URL: <https://scienceeducation.ru/ru/article/view?id=30771> (дата обращения: 16.01.2022).

19. Хрустова Л.Е. Роль формирования имиджа преподавателя вуза в условиях развития цифровых технологий Л.Е. Хрустова // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2020): сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2020.

20. Цифровизация образования: вызовы современности материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020.

21. Ярославцева Е.И. Цифровая гуманитаристика: междисциплинарность стратегий будущего [Электронный ресурс] / Е.И. Ярославцева // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 2. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1191> (дата обращения: 28.01.2022).

УДК 811. 161.1-14'2

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОР СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА ВОЙНЫ

Соболева Ирина Александровна,
к. филол. н., доцент,
заведующий кафедрой русского языкознания и
коммуникативных технологий
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
г. Луганск

***Аннотация.** В статье рассматриваются семиотические процессы современного политического дискурса, отражающие манипулятивные установки участников коммуникации. Проанализированы аксиологические поля противопоставленных концептуальных понятий дискурса войны на Донбассе. Такой аксиологический вектор современного дискурса войны показывает, что враждебная языковая агрессия является его доминантной коммуникативной стратегией.*

***Ключевые слова:** аксиологическое значение, сема, политический дискурс, концептуальное понятие, агональный концепт, языковая агрессия, оппозиционный семантический ряд.*

Семиотическое пространство дискурса войны представляет собой систему знаков, ориентированных на военно-политическое противостояние. В семантике этих знаков отражается жестокая реальность военного конфликта, интерпретированная той или иной его стороной. Каждый дискурс соотносится с определенной концептосферой, представленной суммой концептов, отражающих в языковом сознании соответствующую область объективной действительности. В концептосфере войны важное место занимают

оппозиционные агональные концепты с обобщенным семантическим объемом «мы» – «они».

Исследуя дискурс информационной войны, Л.Н.Синельникова говорит о том, что «...в условиях интенсивно организованной информационной войны происходит «раскручивание спирали» событий, возрастает степень неконтролируемой информационной вариативности... Нарративная цепочка «кто? что? где? когда?», которая в своей целостности должна быть носителем фактологичности и конкретности, перестает свидетельствовать о совпадении с действительностью. В дискурсе информационной войны действуют две основные коммуникативные установки: вытеснение (убрать любые аргументы оппонентов) и замещение (заменить своими, придав им максимально убедительную, вызывающую доверие адресата форму). Информационная война – это прежде всего вербальная война, война языковых знаков как война дискурсов» [6, с. 227 – 246].

Нас интересует «коммуникативная установка замещения» (Л.Н. Синельникова) в оппозиционном ряду «свой – чужие, мы – они» с точки зрения когнитивного диссонанса, «перезагрузки» лексических средств, вектора аксиологической и иной оценочности, характера отношений между эксплицитностью и имплицитностью.

Исходя из того, что в период любого военного противостояния и информационно-психологической войны в эпицентр коммуникации выдвигаются бинарные оппозиции «мы» – «они», «свой, наш» – «чужой, враг» и т.д., где левая (традиционно положительно маркированная) и правая (традиционно отрицательно маркированная) части, мы поставили перед собой цель проанализировать знаковую сущность этих

оппозиционных частей, учитывая то, что они могут меняться местами в зависимости от выбранных языковой личностью координат ценностей.

Агональная социолингвистическая ситуация на Донбассе сформировала свои полярные концептуальные модели, обусловленные социально-политическими, национально-культурными и нравственно-этическими факторами. Безусловно, мы можем говорить о социолингвистической ситуации, находящейся в динамическом состоянии, когда, к сожалению, продолжается военно-политическое противостояние и, следовательно, продолжается переформатирование, перестановка и аксиологические трансформации подобных когнитивных моделей. Интерес представляют и когнитивный потенциал, и словообразовательные модели, и метафорический объем. Но в большей степени интересны, на наш взгляд, аксиологические векторы этих концептов, находящих свое выражение в различных институциональных дискурсах, на которые оказывает влияние система базовых культурных ценностей разных сегментов и форм социума.

Ю. Степанов считал, что «...дискурс существует прежде всего в текстах, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, в конечном счете – особый мир» [7, с. 71]. Для нас важным является осмысление выбора номинаций оппозиции «мы» – «они», «свой» – «чужой», поиск ответа на вопрос: какими лексическими ресурсами создаются корреляционные отношения в этой оппозиции?

Дискурсивный анализ позволяет представить исследуемую оппозицию так: «защитники, ополченцы, воины, бойцы» с одной стороны, с другой, – «силовики, каратели, боевики, оккупанты, захватчики,

националисты, нацисты (нацики), фашисты, укры, укropy, свидомиты (свидомитые), вояки». Каждая из представленных номинаций формирует концепт дискурса войны, «обросший пучками смыслов», оценочными, референциальными, прецедентными, иллюкутивными, персуазивными и иными возможностями. Осознать семантическое ядро этих концептов как языковых знаков помогает, как всегда, словарь.

Так, о наиболее частотном и прецедентном концепте *«ополченец»* в словаре В.И. Даля мы можем узнать из статьи к слову *«ополчать»* – *«ополчать, ополчить (кого), вооружать, делать воином, образуя рать, войско; подымать, восстанавливать против кого, образуя рать, войско; заставить враждовать, биться; составлять полки. Например: Ополченный народ дружно восстал. Ополчимся, станем за землю русскую! Стар и мал ополчается, готовится на брань.*

Ополченье – войско, дружина, рать, особенно народная, собранная по чрезвычайному случаю, народное или земское войско под названием милиции, ополченья ратников.

Опочанин, ополченец – ратник, временный воин земского войска, поступающий, по миновании в нем надобности, в первобытное состояние свое, служащий в ополчании вообще.

Ополчанка – жена ополчанина, ратника» [1, т. 2, с. 682].

В очередной раз удивляемся вневременности великого Даля, так как толкование лексемы *«ополченец»* абсолютно актуально для понимания семантического объема концепта *«ополченец»* в дискурсе войны на Донбассе. Ядерная сема *«воин народного войска, собранного по чрезвычайному случаю»* как нельзя лучше

раскрывает семантику концепта «*ополченец*», чрезвычайно частотно представленного в дискурсе военного противостояния.

Дискурс войны преобразовал эту лексему с архаичным ареолом в обобщенную когнитивную модель, имеющую ярко выраженную, перцептивно-аксиологическую функцию. Прием такого обобщения был описан Т. ван Дейком: существует парадокс восприятия индивидуальных свойств участников дискурса в качестве общих для всей группы и, наоборот, закрепление за отдельным человеком общих свойств группы, которыми он может не обладать в реальности [2, с. 149].

Менее частотно, однако представлен в дискурсе войны концепт «*воин*», также соответствующий высокому стилевому регистру. У В.И. Даля находим: «*Воин (воины, вои), воинственник, воинник, военный, солдат, ватай, ратник. Воинами в отечественную войну нашу называлось особое ополчение, набранное из одних удаленных имений Вел. Княгини Екатерины Павловны*» [1, т.1, с. 230]. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в словарной статье к слову «*воин*» читаем: «*Человек, который служит в армии, воюет, кто сражается с врагом*» [5, с. 93]. Мы видим, что, несмотря на наличие пометы «высокое» у слова «*воин*», толкование не содержит отсылок к высоким стилевым сферам, как у В.И. Даля. Безусловно, в современном дискурсе войны концепт «*воин*» сопряжено с сакральным смыслом «*человек, готовый жертвовать собой во имя защиты других*».

Более нейтрален и соответственно частотно представлен в дискурсе войны концепт «*боец*». В.И. Даль приводит удивительно жизнеспособное для дискурса войны на Донбассе толкование к этому слову:

«Боец, бойчак, бойчиха – искусный в бою, особенно в одиночном, задорный драчун, охочий до боя, драки, боевая, бойкая особа. Например: Кулачный боец» [1, т.1, с. 108]. Действительно, собирательный образ бойца армии ЛНР и ДНР – это чаще всего такой Василий Теркин нашего времени – человек, смелый, верящий в неотвратимость судьбы и победы добра над злом. Ярким примером конкретной реализации такого типичного образа бойца стал реальный боец ДНР с позывным Моторола. Персонаж, сформированный различными медиа, наделен и удачью, и бесшабашностью, и верой в правоту своей позиции.

Особое место в этой парадигме концептов, представляющих сторону оппозиции «наши» занимает номинация *«защитник»*. У В.И. Даля можем узнать, что *«защитник (защитница) – заступник, боронитель, покровитель»* [1, т.1, с. 668]. А в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой содержится такое толкование: *«Тот, кто защищает, охраняет и оберегает кого-то или что-нибудь. Например: защитник слабых, обездоленных, защитники страны, защитники морали, веры»* [5, с. 225]. Безусловно, обе версии толкования находят отражение в современном дискурсе войны. Рядовые жители, проживающие на территории противостояния, действительно видят в ополченцах своих *«заступников, боронителей, покровителей»* [1, т.1, с. 668], а также не только защитников территории, но и *«защитников слабых, обездоленных, защитников морали и веры»* [5, с. 225]. Статус концептуальности у этого ключевого слова любого конфликта укрепляется в современном дискурсе войны за счет семы *«защитники морали и веры»*. В этом, безусловно, отражается глубокий разлом ценностных ориентиров противоборствующих сторон конфликта, когда одна часть в недавнем прошлом

общего государства воспринимается как те, кто посягает на такие высшие для любого народа ценности, как мораль и вера.

Не менее интересен с дискурсологической точки зрения оппозиционный ряд, соответствующий семам «они, чужие, не наши». Одними из наиболее частотно представленных в дискурсе войны на Донбассе являются концепты «*оккупанты, захватчики, каратели*».

Степень «усвоения» и продвижения концепта «*оккупант*» доказывает, к примеру, следующий дискурсивный факт. Не только в политическом или медиадискурсе, но и в официально-деловой речи ЛНР и ДНР закрепилось выражение «*временно оккупированная территория*», то есть те части Луганской и Донецкой областей, которые контролируются украинской стороной.

Каждый из этих трех концептов, как и такие члены оппозиции, как «*фашисты*» и «*нацисты*», словно реанимированы из нашего общего исторического прошлого – времен Великой Отечественной войны. Сейчас, как известно, отдельная часть современного социума, к которой примыкает и официальная власть Украины, пытается переписать историю и сместить акценты в оценке событий этой мировой трагедии. Однако жители Донбасса единодушны в осознании и восприятии этих страниц истории. Немецкие солдаты были и остаются для нас захватчиками, а слова «*фашист*» и «*нацист*» давно ассоциируются с попыткой порабощения и уничтожения.

Интерпретация этих лексем в толковых словарях подтверждает наши дискурсивные наблюдения. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой так трактует эти концептуальные для дискурса войны понятия:

«Оккупант – участник оккупации, захватчик. Например: Изгнание оккупантов.

Оккупация – 1. временное отторжение, захват чужой территории военной силой.

2. Период такого захвата и пребывания гражданского населения на захваченной территории (разг.). Например: Оккупационные войска» [5, с. 449].

«Фашист – сторонник, последователь фашизма, т.е. идеологии воинствующего расизма, антисемитизма и шовинизма, опирающиеся на нее политические течения, а также открытая террористическая диктатура одной господствующей партии, созданный ею репрессивный режим, направленный на подавление прогрессивных общественных движений, на уничтожение демократии и развязывание войны» [5, с. 849].

«Нацист – сторонник фашизма, т.е. германского фашизма» [5, с. 398].

Таким образом, интерпретация трех вышеназванных знаков оппозиции, соответствующих в плане выражения и функциональной направленности семам «они, чужие, враги», представляют собой исторически сложившиеся архетипы нашего сознания, напрямую связанные с событиями Великой Отечественной войны. И «оккупант», и «захватчик», и «нацист» – это некоторые фреймовые ролевые образы, связанные стереотипными для нашей типичной языковой личности сценарием поведения, системой ценностей и психологией восприятия. В понимании и употреблении этих оппозиционных концептов велика роль нашего подсознания, формирующего образы этих архетипов на основании нашего воспитания, образования, ментальности.

Е.И. Шейгал считает что «...действие, поступок становится знаком, если у него появляется второй план, предназначенный «для прочтения» » [8, с. 99]. Безусловно, такие знаки дискурса войны, как «*фашист, нацист, захватчик, оккупант*» связаны для нас, жителей Донбасса, одним семиотическим кодом, сценарием поведения. Они вместили в себя прошлые исторические события и соотнесенные с ними угрозы и испытания настоящего времени. Этот сложный во всех отношениях синтез образовал единый «социокультурный локус», по выражению В.Г. Щукина [9, с. 69-77].

Дискурсивные примеры, демонстрирующие их употребление: «*преступления фашистов в Новосветловке*» (там были убиты медработники местной больницы за то, что оказывали помощь ополченцам); «*зверства оккупантов в Хрящеватом*» (в поселке разрушено 90% всех строений); «*действия нацистов в Чернухино*» (о препятствии эвакуировать местных жителей из поселка и желании использовать их в качестве «живого щита»), – подтверждают о сращивании концептуальных смыслов времен Великой Отечественной войны с оценкой трагических событий на Донбассе в наше время.

Особый дискурсивный интерес, на наш взгляд, представляет такой компонент рассматриваемой оппозиции, как лексема «*нацики*». Примечательность этого языкового знака не только в том, что это – словообразовательный «креатив» в дискурсе войны на Донбассе. Важна коннотативная маркировка этого словообразовательного варианта. В этой лексеме, представляющей семиотическую и словообразовательную трансмутацию слова «*нацист*», мы видим, с одной стороны, снижение коннотативной

нагрузки не степени зла, воплощенного в этом понятии, а отношение к этому злу, как к чему-то постыдному и презираемому. Ярко выраженные иронический потенциал, уничижительная окраска и смеховая составляющая, заключенные в концепте «*нацики*», демонстрируют ту грань, которая позволяет, по мнению Е.И. Шейгал, разграничить денотативные референтные знаки политики, способствующие логическому осмыслению ситуации (*нацисты, фашисты, оккупанты*), от знаков-конденсатов, вызывающих сильную аффективную реакцию, которая ассоциируется с обозначаемой реалией, и концентрирующих в себе и несгибаемый народный дух, и веру в правоту своей позиции, и надежду на победу [8, с. 14-15].

В отличие от сугубо «технических» политических концептов «*нацист, фашист, оккупант*», концепт «*нацик*» демонстрирует целый шлейф образно-оценочных и эмотивных коннотаций, содержащих оценочные смыслы с позиций совпадения когнитивных контуров у членов одной социолингвистической общности.

С концептом «*нацик*» во многом созвучен и перекликается концепт «*укроп*», являющийся полноправным членом рассматриваемой оппозиции «свой – чужой». История его возникновения не так прозрачна, как в рассмотренном ранее случае. Однако можно предположить, что возник концепт «*укроп*» от лексемы, представляющую собой усеченную конструкцию «*укр*» («*укры*»), которая, в свою очередь, отпочковалась от слова «*украинец*» («*украинцы*»). Номинация «*укр*» стала прецедентной в современной украинской истории и украинском дискурсе, так как ее появление связано со скандально известной научной гипотезой о существовании древних укров, живших на

территории Триполья. Мнение украинского социума относительно этой исторической версии поляризовалось, появилось много шуток и анекдотов на эту тему. Например: *Человек произошел от украинца; глобус Украины* и т.д. В языке закрепилось аксиологически и оценочно маркированное слово «укр (-ы)». Видимо, как производный от «укр» возник и политический аффе́ктив, быстро завоевавший статус концепта в дискурсе войны, – «укроп».

Интересно, что «условия игры», связанные с функционированием такой креативной политической номинации, были приняты и оппозиционной стороной. На одном из московских ток-шоу, посвященном обсуждению войны на Донбассе, представитель проукраинской стороны был одет в толстовку с большим трафаретным изображением укропа и надписью «Я – УКРОП!».

Таким образом, концепт «укроп» стал доминантой «заряженного языка» (Т.М. Бережная), активным элементом дискурса войны как одной оппозиционной стороны, так и другой. Примечательно, что схождение в одном знаке двух лексем «укр» («украинец») и «укроп» («растение из семейства зонтичных, часто используемое как приправа в кулинарии»), сделало концепт «укроп» ярким политическим аффе́ктивом, который, по мнению, Дэвида Грэйбера обладает чрезвычайно ценными в политической коммуникации качествами:

- вызывать богатые образные ассоциации, извлекать из памяти яркие картинки прошлого опыта;
- активизировать сильные эмоции, провоцировать желаемую реакцию и тем самым служить сильным мобилизующим средством; обеспечивать быструю категоризацию понятия (вхождение в политическую

картину мира), пропуска его через тот или иной «оценочный фильтр»;

– служить экономным, понятным для масс, и в силу этого быть эффективным обозначением сложных политических реалий, что значительно обогащает процесс коммуникации [3, с. 291-294].

Оба неологизма дискурса войны на юго-востоке (*нацик* и *укрон*) в равной мере обладают вышеперечисленными свойствами, среди которых наиболее важной нам представляется способность осуществлять категоризацию понятия и «пропускать» значение через тот или иной «оценочный фильтр». Кроме того, нам кажется значимым также то, подобные лексические креативы выступают в роли дискурсивных маркеров – знаков событий, интерпретация которых включается в пространство дискурса войны.

Как уже было сказано ранее, в период военного противостояния и информационно-психологической войны, находясь в эпицентре коммуникации, бинарные оппозиции «мы – они, свои – чужие», левая и правая части оппозиции могут меняться местами в зависимости от выбранной системы ценностных координат. Так, к примеру, эта же оппозиция «мы – они, свой – чужой» противоположной (украинской) стороной конфликта формирует иной (противоположный) ряд положительных и отрицательно маркированных элементов: «мы» – *гвардейцы, украинские герои, киборги*; «они» – *сепаратисты, террористы, ватники, колорады, бандиты*.

Совершенно очевидны конгруэнтные дискурсивные процессы, связанные с активным желанием сформировать у адресата радикальные взгляды о сторонах конфликта, культивирование как образа врага, так и образа героя-победителя. Создаются

новые метафорические оценочные номинации, отражающие оценочные и ценностные ориентиры и поляризованные мнения, с целью усиления весомости, когнитивной значимости и обобщенного восприятия модели в качестве групповой схемы.

К таким новым метафорическим образованиям, ставших неотъемлемым компонентом дискурса войны, безусловно, относится и многократно растиражированная дискурсивно-когнитивная модель «киборг» в значении «*боец украинской армии*». Например: *Наши бесстрашные киборги в Донецком аэропорту продолжают держаться несмотря ни на что.*

Каждая метафора, выполняющая дискурсообразующую роль, позволяет представить реальность панорамно, аксиологически субъективировано, диахронично и т.д. С точки зрения когнитивного потенциала метафора является механизмом переосмысления одномерного восприятия явлений и событий в многомерное изображение, т.е. является средством концептуализации действительности.

Видимо, мотивационная база первичного значения слова «киборг» четко не проявлена в сознании украинского адресанта. Корни этой лексемы затерялись в американских блок-бастерах о людях-машинах, не имеющих право на чувства (в том числе жалость, любовь, сострадание и т.д.), а также способность оценивать и анализировать происходящее. «Киборг» в американской фильмографии – это человек-робот, спасающий планету от неминуемой гибели, но переживающий чувство неполноценности и стремящийся стать человеком или приобрести человеческие качества – любить, сострадать и т.д..

В современных словарях иноязычных слов нет лексемы «киборг», однако в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина есть слово «кибер» (сокр. слова *кибернетический*): «Первая составная часть сложных слов, имеющая значение *кибернетический*. Например: *кибер-машина, кибер-пространство*» [4, с. 355].

Следовательно, перенос номинации «киборг» на украинского солдата – это отождествление его с машиной, роботом, обладающим супервозможностями. Но при этом не учитывается то, что любая, самая сложная автоматическая система не может быть совершеннее человека с морально-нравственной стороны. И самые известные американские кинохиты, кстати, доказывают это (например, фильмы «Терминатор», «Пятый элемент» и др.). В связи с этим, сомнительна идея отождествления поступков и действий человека на войне, выполняющего свой воинский долг, с бездушной машиной, выполняющей чью-то волю и заложенную в нее программу действий.

Тиражирование лексемы «герой» в значении «военнослужащий» тоже вызывает вопросы, если рассматривать этот факт как дискурсивную стратегию. Президент П. Порошенко частотно употребляет слово «герой (*герои*)» в значении «*украинские военнослужащие на Донбассе*». Таким образом, происходит обесценивание, нивелировка высоких коннотативных страт этой лексемы.

Слово «*гвардейцы*» также растиражированный элемент украинского дискурса войны. Однако его дискурсивное значение расходится со значениями, зафиксированными в толковых словарях русского языка: «*Гвардия – отборные, лучшие войска. Гвардеец – лучшая, испытанная часть какого-либо коллектива,*

группы» [5, с. 127]; «Гвардия (франц.) – отборное войско по близости государя, щеголевато одеваемое и жалуемое преимуществами. Гвардеец – служащий в полках гвардии» [1, т.1, с. 346]. Украинская армия, воюющая на Донбассе, была названа Национальной гвардией, соответственно каждый солдат этой армии – гвардеец. Говорить о том, что украинская армия «щеголевато одеваемое и жалуемое преимуществами» воинское образование, можно только в сатирическом или пародийном контексте.

Таким образом, произошла дискурсивная подмена понятий, в соответствии с которой, гвардеец – это не представитель военной элиты, наиболее испытанный, квалифицированный представитель гвардии, а обычный военнослужащий армии Украины. Подобные манипулятивные технологии преувеличения, наделения отличительными признаками, – растиражированные технологии, применяемые в рекламном, политическом дискурсе и в шоу-бизнесе, где любой его представитель может претендовать на звание «звезды».

Резюмируя анализ оппозиции «мы – они, свои – чужие» в дискурсе войны на Донбассе, хочется сказать, что только нейтрализация номинаций, называющих противоборствующие силы от открыто враждебных к нейтральным (например: *силы, военные структуры, представители ВСУ, ЛНР, ДНР*) будет способствовать переходу от войны к миру. Безусловно, все члены социума и прежде всего представители властных структур, официальных медиа, должны осознать высокую степень ответственности за каждое произнесенное и написанное слово в дискурсе войны.

Только «перевод» конфликта в рамки предписаний и ограничений действий, в том числе и дискурсивных, может привести к победе здравого смысла и

урегулированию противостояния. Давно пришло время заключить перемирие на метафоры, образы, экспрессымы, пролонгирующие конфликт и провоцирующие стороны на активные действия. Та часть социума, которая анализирует и изучает дискурсивные процессы этой войны, хорошо понимает, что вербализация антагонистических когнитивных смыслов и поляризованных аксиологических полей отражает глубину социально-политической трагедии в Украине.

Литература

1. Graber D. Verbal Behavior and Politics. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1976. – 361 p.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2007. – 944 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
5. Синельникова Л.Н. Лингвистика дискурса информационной войны // Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». Дискурсологія: мова, культура, суспільство: зб. наук. праць. №1/39. Луганськ, Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2014. – С. 227–246.
6. Степанов Ю. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 в. – М., 1995. – 496 с.
7. Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 300 с.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 326 с.

9. Щукин В.Г. Социокультурное пространство и культура жанра // Вопросы философии, 1970 – № 6. – С. 69 – 77.

УДК 801.73

РАССУДОК И РАЗУМ В ЛИРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Е.А. БАРАТЫНСКОГО

Патроева Н.В.,
д. филол. н., профессор,
заведующий кафедрой русского языка
Петрозаводского государственного университета,
г. Петрозаводск

***Аннотация.** Поэтическая гносеология предполагает оппозицию рационального и чувственного как разных ступеней мировосприятия в процессе формирования индивидуально-авторской картины бытия. Русская романтическая «поэзия мысли» предоставляет богатейший материал для исследования сходства и отличия ментальных концептов, в том числе «рассудок» и «разум», в общелитературном языке, философском дискурсе и лирике.*

***Ключевые слова:** лексический уровень поэтического текста, рациональное, познание, мировосприятие, «поэзия мысли».*

Категории «рассудок» и «разум» обычно рассматриваются в гносеологии, логике, философии, психологии как обозначение некоторых способов познавательной деятельности человека [11]. В академическом «Словаре современного русского литературного языка» предлагается следующее

толкование: «Разум... 1. Высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически мыслить...// Ум, интеллект... // Разумность, целесообразность... 2. Способность мыслить, понимать, умственные способности человека... // Нормальное состояние человеческого сознания... 3. Устар. Смысл, значение ч.-л. ...» [10, с.530-532]; «Рассудок... 1. Способность логически мыслить, рассуждать; разум (в 1-м значении)... // Способность осмысленно воспринимать окружающее, сознание... 2. Здравый смысл, рассудочность...» [10, с.851].

Таким образом в первом значении лексемы разум и рассудок оказываются синонимичными, однако вторичные значения их дифференцируют.

В словарях синонимов лексемы рассудок и разум оказываются в одном синонимическом ряду, возглавляемом словом-доминантой ум. Так, по данным «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», ум, разум, рассудок как синонимы обозначают и способность человека думать, понимать, и соответствующий «невидимый» орган [7, с.447-448]. Но если при использовании слова ум акцент делается на процесс получения знания, то при употреблении синонимов разум и рассудок переносится на его результат (уже достигнутое понимание). При этом разум и рассудок ассоциируются с разными ценностями: разум – с высшими этическими понятиями; рассудок – всего лишь со здравым смыслом, расчетливостью.

Словари антонимов [6, с.239] указывают на семантическую полярность членов пар рассудок – сердце, разум – чувство, разум – безумие, но не включают оппозицию разум – рассудок.

Как известно, в художественной речи общеязыковая семантика слова трансформируется, расширяется, обогащается за счет появления «приращений», добавочных «обертонов» смысла. При этом образную парадигму активнее формируют генитивные метафоры с лексемой разум, включающие конкретный по значению метафоризирующий и абстрактный по семантике метафоризируемый компоненты: лоза разума, крылья разума, престол разума, факел разума, солнце разума, свеча разума, светоч разума, светильник разума, свет разума, луч разума, заря разума. При этом отрицательная коннотация встречается очень редко (например, зной разума у Блока) [5, с.453-454].

С учетом указанных обстоятельств, а именно: 1) неоднозначной интерпретации категорий рационального в философской литературе, энциклопедических и лингвистических словарях, 2) способности слов к трансформации узуальной семантики в условиях поэтического контекста – кажется интересным проследить функционирование лексем рассудок и разум в условиях поэтического дискурса – на материале стихотворных произведений одного из ярких представителей романтической философской лирики XIX века – русской «поэзии мысли» – Е.А. Баратынского, автора психологических и медитативных элегий, который, по замечанию «любомудра» Н.А. Мельгунова, «возвел личную грусть до общего, философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества» [2, с.431].

Тайна жизни и смерти, добра и зла, диалектика чувства и разума, законы человеческой судьбы и мироздания, взаимоотношения природы и цивилизации,

сущность познания и поэтического творчества, возможность обретения истины – вот что волновало Баратынского, воспитанного на блестящих образцах просветительской мысли, с юности проявившего «склонность к умственным занятиям» [2, с.130-131] и «искреннюю религиозную любовь к истине» [2, с.254]. «Нам очень нужна философия» [2, с.164], – как-то заметил в одном из своих писем Баратынский, на рубеже 1820-х и 1830-х гг. испытывший влияние шеллингианских идей благодаря знакомству с участниками заседаний московского «Общества любителей» (И.В. и П.В. Киреевским, В.Ф. Одоевским, С.П. Шевыревым, Н.А. Мельгуновым, А.С. Хомяковым и др.). И еще: «Всякой писатель мыслит, следственно, всякой писатель, даже без собственного сознания, философ. Пусть же в его творениях отразится собственная его философия, а не чужая... старые образцы могут сбить с толку, и я указываю на современную философию для современных произведений, как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках» [2, с.207].

Мысль, дума, истина, ум, разум, рассудок – важнейшие для Баратынского-философа понятия, о чем свидетельствуют уже сами заглавия его стихотворений: «Мысль», «Мудрецу», «Истина», «Предрассудок» и т.п. При этом, как показывают наблюдения, «поэт мысли» стремится разграничить содержание лексем (и концептов) разум и рассудок, хотя их поэтическое употребление, конечно же, во многом далековато от строго терминологического, метафизического.

Так, слово рассудок чаще используется Баратынским как синоним здравого смысла, рассудительности, рассудочности (в

противоположность чувству и сердечным влечениям).
Например:

Узнал ли друга ты? <...>
Уж многих слабостей, тебе знакомых, нет,
Уж многие мечты ему чужими стали!
Рассудок тверже и верней... [1, с.58]
Печаль бесплодную рассудком усмири... (110)
Как миг один рассудок побеждает –
По пальцам все она расскажет вам. (213)
Приманкой ласковых речей
Вам не лишит меня рассудка! (85)
Опасны сердцу ваши взоры... <...>
От власти их, когда возможно,
Спасти рассудок я желал. (106)
Я полон сладкою тоской,
Но нет! рассудка не забуду... (120)

Однако поэтический контекст создает условия не только для дифференциации смыслов (что обычно и для нехудожественного текста), но и, напротив, для совмещения, наложения, «мерцания» двух и более семантических оттенков. Так, аппликация, взаимопроникновение значений «здравый смысл» и «способность логически мыслить, рассуждать» обнаруживаются, например, в следующих строках:

Даете цену вы всему:
Рассудку, шалости, уму... (106)
Бывал обманут сердцем я,
Бывал обманут я рассудком... (223)

Эта достаточно высокая степень «неопределенности» поэтического контекста обуславливает богатые возможности для его множественной, неоднозначной интерпретации вдумчивым читателем. По верному замечанию С.Т. Золяна, «значение текста многозначно. Различные

множества пропозиций, описывающие различные множества миров, могут претендовать на то, чтобы считаться значением текста... Случаи, когда тексту может быть приписано только одно «правильное» значение, следует рассматривать лишь как частный случай» [4, с.75]. Неоднозначность и «темнота» поэтических текстов – их «структурное свойство» [9, с.424]; см. также: [8].

Лексема разум чаще употребляется Баратынским в первичном значении ‘высшая степень познавательной деятельности, способность логически мыслить’. При этом автор подчеркивает творческое начало и ценностный характер данного типа рациональности, а также его взаимосвязь со сферой чувств, причастность Божественному Логосу, что дарит мыслящему индивиду ощущение свободы, но неразрывное с моральным сознанием:

*Вотще ей разум дарованья,
И чувств, и мыслей прямота... (163)
Я мыслю, чувствую: для духа нет оков... <...>
И разуму отчет стараюсь в сердце дать! (103)*

Реже в стихотворных произведениях Баратынского встречаем иные лексико-семантические варианты: ‘ум’, ‘индивидуальные умственные способности’:

*Наполни вздохами истерзанную грудь,
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки... (57)
Обширный разумом и сильный, громкий словом...*

(111)

В одном из писем М.П. Погодину Баратынский, вполне в духе идей еще XVIII столетия, высказывается о необходимости постройки всего социального здания на рациональных началах: «Главная моя мысль: человечество состоит из человек, следовательно, в нем развивается человек. Ход их развития один и тот же.

закон его в законе разума человеческого... Изъясняю мысль мою сравнением, ибо более поэт, нежели философ» [2, с. 131]. В реальности же законы общественного устройства, которые должны быть основаны на принципах ratio, согласно идеалам Просвещения, далеки от подлинной гармонии, по мысли лирического героя Баратынского:

*Гляжу на свет и, видя в свете
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильем сверженный закон,
Я слабым сердцем возмущен...* (147)

Баратынского волнуют «вечные» вопросы бытия: способен ли человеческий разум постигнуть суть вещей, законы природ и истории, безграничен ли его потенциал, возможно ли достижение гармонии общественного и индивидуального, макро- и микрокосма на рациональных началах? Так, согласно основной идее стихотворения «Истина», абсолютное знание дается человеку только ценой смерти:

*... некогда обдумывал с роптаньем
Я тяжкий жребий свой,
Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.
«Светильник мой укажет путь ко счастью! –
Вещала. – Захочу –
И страстного отрадному бесстрашью
Тебя я научу...
Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».* (105)

Как показали наши наблюдения, у лексем рассудок и разум, стилистически нейтральных в

общелитературном языке, в поэтическом контексте появляются добавочные оценочные смыслы: разум как высшая способность мышления, связанная с творческим потенциалом личности, получает, как правило, положительный коннотативный ореол; рассудок, наряду с мелиоративной, может получать пейоративную или же шутивно-ироническую коннотацию. Эти дополнительные оценочные семы воспринимаются читателем на фоне достаточно широкого контекста (ср., например, интерпретацию строки «Вот разума великолепный пир!», взятой изолированно и по прочтении антиутопии «Последняя смерть»), иногда целого произведения или всего творчества автора, так как слова разум и рассудок употребляются Баратынским и другими поэтами, как правило, без зависимых компонентов [3, с. 148-151] (оценочных атрибутов-прилагательных, притяжательных местоимений, генитивных форм), за редким исключением: мой разум (105), разум дарованья (163). Лишь однажды у Баратынского слово рассудок сопровождается качественными адъективами, выступающими в функции предиката: Рассудок тверже и верней (58).

Итак, хотя в стихотворениях Баратынского спектр значений лексем разум и рассудок не выходит за границы общеязыкового, системного, декларация поэта «Философ я...» все же не кажется преувеличенной, самонадеянной: не употребляя эти категории в соответствии с той или иной философской традицией, не противопоставляя их как две разные формы мышления, а подчас сливая их воедино, Баратынский обнаруживает воистину философскую прозорливость в противопоставлении рационального как такового, с одной стороны, и природного, жизненного, чувственного, исторического – с другой, предвосхищая

тем самым откровения позднейшей
иррационалистической философии.

Литература

1. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений / Е.А. Баратынский. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.

2. Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Е.А. Баратынский. – М.: Правда, 1987. – 480 с.

3. Васильев Н.Л. Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского / Н. Л. Васильев, Д. Н. Жаткин. – Москва : ФЛИНТА, 2017. – 156 с.

4. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста / С.Т. Золян. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2014. – 336 с.

5. Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии : образный арсенал русской лирики конца XVIII - начала XX в. / Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова. – Москва : АСТ : Астрель : Русские словари : Транзиткнига, 2004. – 667 с.

6. Львов М. Словарь антонимов русского языка / М.Р. Львов. – М. : Рус. яз., 1988. – 380 с.

7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. – М. : Шк. "Языки рус. культуры": Кошелев, 1997. – 511 с.

8. Перцов Н.В. О неоднозначности в поэтическом языке / Н.В. Перцов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 3. – С. 55–82.

9. Ревзина О.Г. Загадки поэтического текста / О.Г. Ревзина// Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – С. 418–433.

10. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. Т. 12. М., 1961. – 1676 с.

11. Соколов А.С. Пути разума: социально-антропологические аспекты типологии рациональности / А.С. Соколов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. – 47 с.

УДК 811:42:82 – 1

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АНАЛИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Пономарева Т.А.,
к. филол. н., доцент
кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ГОУ ВО «ЛГПУ»
г. Луганск

Аннотация. В статье рассматривается специфика интертекстуальности современного постмодернистского поэтического дискурса. Постмодернистская концепция интертекстуальности основывается на феномене цитирования. Присущие современной поэзии новации в структуре аллюзии и реминисценции, заключающиеся в отрыве от исходного значения цитаты, обыгрывании, переосмыслении её составляющих, позволяют говорить об особом типе интертекстуальности в современном постмодернистском поэтическом дискурсе.

Анализ интертекстуальных явлений современного поэтического дискурса проводится на материале творчества Д.А. Пригова.

Ключевые слова: современный поэтический дискурс, постмодернизм, интертекстуальность, Дмитрий Александрович Пригов.

*И куда ни поверни,
здесь аллюзии, цитаты...*

Тимур Кибиров

Одной из ярких особенностей современного постмодернистского поэтического дискурса является активное обращение к «чужому» слову. Нам кажется справедливой мысль о том, что главным принципом постмодернизма можно считать «культурную опосредованность» (В. П. Руднев) [1, с. 77]. Постмодернистский текст являет собой многомерное пространство, составленное из цитат, отсылающих ко многим культурным источникам, допускает бесконечное множество интерпретаций, потерю смыслового центра, создающего пространство диалога автора с читателем и наоборот. «Цитатность со всех сторон объемлет российскую жизнь, как её бесконечная литературность, повторяемость, пробоматываемость, но именно в этом своём торжестве цитата вырывается из кавычек, становится первым и последним словом» [12, с. 478].

Цель данной статьи – анализ интертекстуальных явлений, которые обнаруживаются в современном постмодернистском поэтическом дискурсе.

Многие исследователи (М. Эпштейн, Ю.А. Сорокин, В.А. Маслова и др.) отмечают, что поэзия рубежа веков лишается автора, «для современных стихотворцев понятие авторитетности становится ценнее понятия авторства» [9, с. 54].

По словам М. Эпштейна, «поэзия Структуры приходит на смену поэзии Я» [11]. Для посмодернизма

характерна «смерть автора» (Р. Барт, М. Фуко), «точнее, рассеяние авторства, которое свободно перетекает через границы индивида как суверенного государства, образуя множественные диаспоры» [12, с. 354].

Н. Фатеева отмечает, что для современной поэзии характерно «отрицание самой определённости творящего “Я”» [9, с. 89]. Тогда на первый план выходит непосредственно поэтический текст. Л.Н. Синельникова говорит, что понятия «авангардный прием» и «авангардное стихотворение», которые важно использовать при выявлении типологических закономерностей современного лирического сюжета, помогли бы «перевести внимание *от личности к тексту*» [5, с. 141] (выделено нами. – Т.П.). Интересны рассуждения Дмитрия Пригова о том «благостном времени, ...когда письмо станет не коллективным, а соборным – письмом одного общего текста...» [4]. Особо значимым в таком случае становится понятие интертекстуальности, объединяющее всё поэзию (вспомним бахтинскую теорию полифоничности или понимание Ю.М. Лотманом культуры как совокупности текстов).

Феномен цитирования – основополагающий в постмодернистской концепции интертекстуальности. Присущие современной поэзии новации в структуре аллюзии и реминисценции, заключающиеся в отрыве от исходного значения цитаты, обыгрывании, переосмыслении её составляющих, позволяют говорить об особом типе интертекстуальности в современной поэзии: восприятию мира поэтом-современником через призму мира поэта-классика.

Для рассмотрения некоторых интертекстуальных особенностей современной поэзии обратимся к творчеству Дмитрия Александровича Пригова (1940–

2007) – русского поэта, художника-графика, скульптора, одного из основоположников московского концептуализма.

Интерес к творчеству Д.А. Пригова обусловлено рядом причин.

Во-первых, в литературе XX – XXI веков Дмитрий Пригов занимает своё значительное место. «Его сочинения можно было любить и ненавидеть, принимать и отвергать, но его статус был самоочевиден – имя «Пригов» давно стало словом, оторвалось от текстов, превратившись в символическое обозначение художественной тенденции, школы, направления, эпохи» [2]. По мнению А. Кобринского, «Приговский стиль» стал таким же фактом русской литературы, как «онегинская строфа» [3].

Во-вторых, несмотря на огромное количество его стихов, частые выступления и интервью (прерванные, к сожалению, смертью в 2007 году), многочисленные публикации о нём, Д. Пригов по-прежнему остаётся малоизученным поэтом.

Творческая личность Д.А. Пригова многогранна. «Дмитрий Александрович Пригов – это, как он сам о себе говорил, целый проект, распространяющийся на все грани бытия. И поэт, и скульптор, и художник, и сам человек были лишь элементами целостного проекта – и, соответственно, вели себя так, чтобы эту целостность поддержать и сохранить» [3].

Тот Пригов, который известен сегодня, стал формироваться к началу 1970-х годов. Тогда появился и этот имидж – Пригов Дмитрий Александрович, с именем-отчеством.

Д.А. Пригов, начинавший свою поэтическую деятельность с вполне традиционных стихов, стал затем одним из основателей русского концептуализма.

Поэзия Д.А. Пригова сплошь интертекстуальна, это своеобразный гипертекст, сочетающий лозунги и штампы советского времени, прецедентные имена, известные литературные произведения с их современной интерпретацией.

Ярким примером этой особой интертекстуальности в творчестве Д.А. Пригова может быть одно из самых его известных стихотворений 70-х годов «Широка страна моя родная». Поэт полностью воспроизводит эту официозную песню, написанную в 1936 году В. Лебедевым-Кумачом и И. Дунаевским для фильма «Цирк», вставляя в нее бесконечные ряды собственных уточнений и комментариев.

*Всюду жизнь привольна – без эксплуатации
человека человеком, без национального, расового и
религиозного гнета,*

и широка

*Словно Волга, Дон, Днепр, Днестр, Лена, Кама,
Ока, Индигирка, Нева, Москва-река, Терек, Заравшан,
Кура, Ангара, Сев. Двина, Нижняя и Верхняя Тунгуски,
Обь, Иртыш, Витим, Алехма, Алдан, Истра, Нерль,
Амур, Байкал, Гильменд, Амударья, Сырдарья и др.*

течет,

*Молодым – до 35 лет – везде – в университеты,
институты, техникумы, профессиональные училища,
вечерние школы и институты, аспирантуры,
профессуры и т.д.*

у нас дорога,

*Старикам – женщинам после 50, а мужчинам
после 55 лет – везде у нас почет и бесплатные пенсии
от 60 руб. и выше, вплоть до персональных пенсий для
особо заслуживших большевиков, и все это, не считая
бесплатного лечения, образования, низкой квартирной
платы и платы за коммунальные услуги, и т.п. [4].*

Чем дальше стихотворение, тем больше в него вводится «уточняющих подробностей», так что, в конце концов, возникают строчки длиной несколько страниц. Штампы комментируются ещё большими штампами, лозунги дополняются ещё более абсурдными лозунгами. Механизм деконструкции «сходен с деконструкцией любого мифа, в котором каждый элемент сакрален и его изменение приводит к убийственным для мифа эстетическим и идеологическим результатам...» [3].

Как справедливо отмечает Н.А. Кузьмина, любой художественный текст может быть одновременно и генератором новых смыслов, и конденсатором культурной памяти. Ведь интертекст образуют художественные тексты, которые являются одновременно метатекстами – продуктами текстообразующей деятельности человека, использующими уже существующие произведения, и прототекстами – материалом для создания новых художественных произведений [1, с. 21].

В поэзии Дмитрия Пригова классические тексты становятся такими «генераторами новых смыслов». Яркий пример – приговская интерпретация стихотворения Лермонтова «Сон».

*Долина Дагестана
В полдневный зной в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я
Я! Я! Я! Я лежал – Пригов Дмитрий
Александрович!*

*Кровавая еще дымилась, блестела, сочилась рана
По капле кровь сочилась – не его! не его! – моя!
И снилась всем, и снится, а если не снилась – то
приснится долина Дагестана
Знакомый труп лежит в долине той
Мой труп. А может, его. Наш труп!*

*Кровавая еще дымится наша рана
И кровь течет-течет-течет хладеющей струей*

[4].

Точные цитаты из прототекста сопровождаются вставками поэта-современника: повторяющимся местоимением *я*, полным именем автора, обилием восклицательных знаков в первой части стихотворения. Герой произведения – Дмитрий Александрович Пригов. Поэт и в других стихотворениях часто отдаёт своё имя и биографию своим персонажам (вспомним об общем художественном проекте под названием «Дмитрий Александрович Пригов»). Затем Пригов оставляет актуальный для него мотив сна, но интерпретирует его иначе: делает его всеобщим и продолжающимся в настоящем и будущем времени (*И снилась всем, и снится, а если не снилась – то / приснится долина Дагестана*). Оригинальная строка, в которой Пригов использует несколько местоимений – *мой – его – наш* – подчёркивают всеобщность, всеохватность. Употребляемые глаголы – *дымилась, блестела, сочилась рана; кровь течет-течет-течет* – делают картину натуралистической, ужасающее реальной.

Значительное место в поэзии Д.А. Пригова занимает пушкинский текст – обращение к поэтическому наследию великого поэта.

Пригов-концептуалист не может относиться к Пушкину как к вечно живому классику, требующему почтения и поклонения. «Пригов протёр нам глаза своим жгучим спиртом, заставил взглянуть по-новому на слишком хорошо знакомое...» [8]:

*Я б Пушкина бюст миллионно размножил
И в каждом селенье поставил его,
А вот бы стихи я его уничтожил –
Ведь образ они принижают его.*

Перед читателем – миф о Пушкине, выстраиваемый как коллаж, основанный на переплетении идеологических стереотипов, часто не связанных и нередко противоречащих друг другу [1, с. 86]. Интересно использование слова *бюст*: это не пушкинский памятник, а его советский аналог, который устанавливался «великим» политическим деятелем.

Мотивы пушкинского «Памятника» находим в других стихотворениях Пригова.

*Памятник Пушкину сложивши
Пожитки своих медных дел
Сказал: Вот я в иной предел
Иду, вам честно отслуживши
Лелеять буду там один
Я душу, бедную малютку
Не глядя вверх, где в славе жуткой
Сидит мой прежний господин
А ныне – брат мой оцутимый*

В данном стихотворении «высокий» стиль, которым *всегда* (в усреднённом стереотипном понимании) писал Пушкин, вкладывается в уста обывателя, не понимающего значения того, что он говорит. Для Пригова важно, чтобы читателем было опознано имя Пушкина как «знак, жёстко маркирующий «высокое», а потому принципиально неприемлемое для него самого» [1, с. 92]. Именно поэтому стихи Пушкина, которые не «соответствуют» этому стилю, «принижают» образ поэта.

Ещё одно стихотворение, в котором Пригов использует реминисценции с максимальной степенью отрыва от исходного денотата – пушкинского текста:

*Когда пройдут года и ныне дикий
Народ забудет многие дела
Страх обо мне пройдет по всей Руси великой —*

Ведь что писал! – Но правда ведь была!

То, что писал

Черт-те что писал

И страх какой

И правда ведь была

И страх обо мне пройдет по всей Руси великой

Такая мозаичная раздробленность фразы, многочисленные перебивки и неожиданные добавки [6, с. 364] – характерная особенность приговской поэзии.

Игра с пушкинским текстом (как и языковая игра вообще) – яркая черта идиостиля Пригова. Обыгрывание обывательского стереотипа «Пушкин – это наше всё» находим в стихотворении «Невтерпеж стало народу...»:

Невтерпеж стало народу:

Пушкин, Пушкин, помоги!

За тобой в огонь и в воду!

Ты нам только помоги!

А из глыбы как из выси

Голос Пушкина пропел:

Вы играйте-веселитесь

Сам страдал и вам велю!

Представление о Пушкине как о великом поэте, достойном поклонения, утрируется, доводится до абсурдного *Пушкин, Пушкин, помоги!* Этому способствует лексика и синтаксические конструкции, свойственные устно-разговорной речи. Намеренное нарушение рифмы в последней строке: использование глагола 1-го лица настоящего времени *велю* вместо глагола *велел* подтверждает твёрдую уверенность: Пушкин всегда жив.

Ещё одно интересное перефразирование пушкинского текста:

*Чем больше Родину мы любим –
Тем меньше нравимся мы ей!
Так я сказал в один из дней
И до сих пор не передумал*

Шутовство, ёрничество, так свойственные поэзии Пригова, уступают место серьёзным размышлениям на вечную тему «Поэт и Родина».

Интертекстуальным является и самый знаменитый приговский образ – образ Милицанера:

*Когда здесь на посту стоит Милицанер
Ему до Внукова простор весь открывается
На Запад и Восток глядит Милицанер
И пустота за ними открывается
И Центр, где стоит Милицанер –
Взгляд на него отвсюду открывается
Отвсюду виден Милиционер
С Востока виден Милиционер
И с Юга виден Милиционер
И с моря виден Милиционер
И с неба виден Милиционер
И с-под земли...*

Да он и не скрывается.

Образ Милиционера сравним с образом ожившего Медного всадника, олицетворяющего в поэме Пушкина самодержавие. Милицанер находится в центре Москвы, он сопоставим с высотой московских зданий, поэтому любой человек может видеть его присутствие в своей жизни и знать, что он следит за ним, за каждым его шагом. Не случайно и написание с заглавной буквы – Милицанер, и использование формы, отражающей просторечное произношение этого слова.

Нельзя не согласиться с мнением Н.А. Кузьминой, что «Пушкин по-приговски – это чугунный памятник, который нельзя не заметить: о него постоянно

ударяешься и постоянно отталкиваешься от него. При этом важно ощущение присутствия Пушкина как реального факта *современной* жизни [1, с. 94].

Многие стихи Пригова создают ощущение пародийности. Но пародия ли это? Жанр пародии, как известно, основан на комическом воспроизведении и высмеивании стилистических приёмов какого-либо писателя, на карикатурном подчёркивании и утрировке особенностей его писательской манеры [7]. Возможно, стихи Пригова – пародия, но пародия не языка и стиля автора прототекста. Скорее, это пародия современной действительности с её абсурдными идеалами и лозунгами, пустыми словами.

Поэзия Пригова сплошь интертекстуальна, это своеобразный гипертекст, «метадискурс» (М. Эпштейн), сочетающий штампы и лозунги советского времени, прецедентные имена, известные литературные произведения с их современной интерпретацией. Стихи Пригова невозможно интерпретировать без обращения к крупнейшему культурному пласту. Вместе с тем, его поэзия – это не только пародийные или сатирические стихи, а стихи, вбирающие в себя множество культурных, философских, социальных смыслов.

Таким образом, ярчайшей чертой современной поэзии является интертекстуальность. Для современного постмодернистского поэтического дискурса характерны множественные цитаты-загадки, интеллектуальные игры с читателем, «игры с интертекстуальностью» (Н. Фатеева), основанные на «узнавании» цитаты, мультипликативность, коллажевость. Ведь любая «цитата [позволим себе добавить: и аллюзия, и реминисценция – Т.П.] – это рубильник, включающий у читателя механизм семантических ассоциаций» [1, с. 104], и современные

поэты активно пользуются этим свойством человеческой психики. Прототекст преломляется сквозь призму времени, его энергия соединяется с энергией поэта-современника.

Литература

1. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : монография / Н. А. Кузьмина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та – Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.

2. Зорин А. Памяти Дмитрия Александровича Пригова [Электронный ресурс] / А. Зорин. – Режим доступа :

https://polit.ru/article/2007/07/17/zorin_o_prigove/ (дата обращения 10.04.22).

3. Кобринский А. «Дмитрий Александрович Пригов» как художественный проект [Электронный ресурс] / А. Кобринский. – Режим доступа : <https://polit.ru/article/2007/08/31/prigov/> (дата обращения 09.04.22).

4. Пригов Д.А. Неложные мотивы [Электронный ресурс] / Д. А. Пригов. – Режим доступа : <http://www.vavilon.ru/texts/prim/prigov.html> (дата обращения 20.03.21).

5. Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках : монография / Л. Н. Синельникова. – Луганск : Ред.-изд. отдел облуправл. по печати, 1993. – 188 с.

6. Синельникова Л.Н. Реминисценция как факт континуального видения мира (от Пушкина до наших дней) / Л.Н. Синельникова // Жизнь текста, или Текст жизни : в 3-х т. – Луганск : Знание, 2005. – Т. 1 : Лингвистическая поэтика. – 432 с. – С. 356–366

7. Словарь поэтических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rifma.ru/Poetic-3.htm> (дата обращения 22.03.22).

8. Сорокин В. Воздух слов. О Дмитрие Приговедмиурге [Электронный ресурс] / В. Сорокин. – Режим доступа : http://exlibris.ng.ru/tendenc/2007-09-06/8_prigov.html## (дата обращения 20.03.22).

9. Сорокин Ю.А. Поэтический текст и его коммуникативная тактика (попытка прогноза) / Ю.А. Сорокин // Вестник РУДН. (Серия «Литературоведение. Журналистика»). – 2007. – № 3–4. – С. 54–61.

10. Фатеева Н. А. Директории «По», «От» и... «До», или Poetical Language in Progress / Н. Фатеева // Поэтика исканий, или Поиск поэтики : материалы междунар. конф.-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии», (16—19 мая 2003 г.) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2004. – 592 с. – С. 79—89.

11. Эпштейн М. Манифесты новой поэзии [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Постмодерн в русской литературе. – М. : Высшая школа, 2005. – Режим доступа : <http://www.topos.ru/article> (дата обращения 26.03.22).

12. Эпштейн М. Постмодернизм в России / М. Эпштейн. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 608 с.

УДК 811.161.1'27'24 (477.6)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТОПОНИМА ДОНБАСС В РУНЕТЕ

Шкуран О.В.,

канд. филол наук, доцент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий,
директор Института профессионального развития
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
г. Луганск

***Аннотация.** В настоящей статье представлены результаты становления языковой единицы с сакральной семантикой «Донбасс». Для этой цели были проанализированы русскоязычные информационные источники. Исследование проводилось на базе публицистических материалов и Рунета. Было проведено интеграционное исследование в научных трудах по геологии, в газетах начала XX ст., Национальном корпусе русского языка, поисковой системе Google. По результатам исследования были верифицированы дефиниции языковой единицы «Донбасс», что дало возможность отследить эволюцию от хоронима до номинанта с сакральной семантикой. Фактически медиатексты рассматривают номинант «Донбасс» как единство стандарта и экспрессии, как ценностно-сакральный идеал русской идентичности. Семантическое поле данной языковой единицы наполнено новыми значениями, что дает ей возможность занять статус логоса, соединяющего слово, понятие и смысл.*

***Ключевые слова:** аксиология, языковая единица с сакральной семантикой, ценностно-сакральный смысл, логос.*

Современная аксиолингвистика представлена многообразием исследований, что свидетельствует о повышенном интересе гуманитарных наук к центральным понятиям данного научного направления, напр., сопоставление лингвоаксиологии с другими областями гуманитарного знания освещены в трудах Н. Д. Арутюновой, 1999; Е. М. Вольфа, 1995; Т. В. Маркеловой, 1993 и др.; репрезентацией специфики языковых картин мира занимаются Ю.Д. Апресян 2006, Е.В. Бабаева, 2003, Т.В. Булыгина 1997 и др.; оценочные действия в этнолингвистике представлены в исследованиях Е. Бартминского, 2005; Е. Л. Березовича, 2007; Н. И. Толстого, 1995 и др.; изучением ценностных представлений в культурно-языковой семантике паремиологических и фразеологических единиц занимаются Н.Ф. Алефиренко 2016; М. Л. Ковшова, 2019; В. М. Мокиенко 2019; О. В. Ломакина, 2020, 2021; А. С. Макарова, 2017; О. В. Шкуран, 2021 и др.; описание лингвокультурологических типажей с точки зрения ценностных позиций представлено в трудах В. И. Карасика, 2005; Е. Ф. Серебренниковой, 2008 и др.; особенностям русской картины мира и ценностным ориентациям русского менталитета посвящены исследования В. В. Колесова, 2006; Т. Б. Радбиля, 2017 и др.

Целью данного исследования является аксиологическая характеристика топонима – языковой единицы с сакральной семантикой *Донбасс* в Рунете, разработка уровневой аксиологической репрезентации обозначенной языковой единицы; определение ценностных доминант через эмоционально-оценочные модусы конструкторов в медиапространстве.

Поставленная цель определила следующие задачи исследования: проанализировать аксиологическую сущность и сакральную семантику топонима *Донбасс*, исследовать причины и механизмы языковой сакрализации.

Аббревиатура *Донбасс* вошла в современный русский язык не сразу, пройдя путь от онима *Донецкий угольный бассейн* или оронима *Донецкий горный кряж*. Топоним *Донбасс* имел такую референтную отнесенность, которая претендовала на статус топонима-идеологемы, напр.: 1) природно-ландшафтная область (*реки, флора и фауна Донбасса, заповедная территория Донбасса*); 2) промышленный регион (*шахтеры Донбасса, селения Донбасса, промышленный потенциал Донбасса*); 3) люди, населяющие данный регион (*трудоваго Донбасс, Донбасс никто не ставил на колени, И никому поставить не дано*) и др. Хотя у каждого эпохального периода российской истории существовали свои сакральные смыслы, поэтому данная языковая единица отображала потребность в идеализации представителей рабочего класса. Такая семантика имеет особенности темпоральности, целенаправленности, и, даже, мифологичности: топоним *Донбасс* иллюстрировал образец трудолюбия, служения родине. По мнению М. Бахтина, «выступая в системе языка как «номинативный знак» индивидуализируемого единичного объекта, имя собственное в то же время располагает большим коннотативным потенциалом, будучи аккумулятором, «аббревиатурой» различных смысловых и эмоциональных ассоциаций» [1, с. 27], что и подтверждается активным словоупотреблением данной языковой единицы.

Топоним *Донбасс* является «продуктом» человеческой культуры, он возник в коллективе и

отражает уровень знания и особенности культурных традиций угленосной территории. Исходным предпочтительным значением для данной тополексемы является название промышленного региона. Аббревиатура *Донбасс* приобрела широкое употребление в публицистике в конце 10-х-начале 20-х гг. XX в. на основании общепринятой номинации региона *Донецкий бассейн*, напр.: *Временный комитет Донецкого бассейна* (1917), *Центральный ревком Донецкого бассейна* (1917), *Первый Красной гвардии Донецкого бассейна* (1918). В делопроизводстве, по словам Е.А. Курдюмова, употребляется промежуточная аббревиатурная форма *Донбассейн*, а в 20-х гг. XX в. топонимные номинации употребляются как тождественные – *Донецкий бассейн*, *Донбассейн*, *Донбасс*, напр.: *Донецкий бассейн сдвинут объединенными усилиями партии и донецких рабочих с мертвой точки* или *Задачей партии является закрепление этого сдвига и помощь Донбассу* [4].

По словам К.В. Першиной, «двусловная номинация промышленного региона *Донецкий бассейн* сформировалась еще в период существования Российской империи» [7, с.96], поскольку ряд губерний России входили в состав административно-территориального региона того времени (Екатерининская губерния, частично Таганрогский округ). А вот эллиптизация спровоцирована не административными особенностями, а, возможно, природно-географическими ориентирами.

Е.П. Ковалевский употребил гораздо раньше ороним *Донецкий горный кряж*, затем *Донецкий кряж* от названия реки *Северский Донец* (пр.пр. Дона) в нескольких геологических исследованиях (1829 г.), что

также дало толчок для частого словоупотребления и стремления к трансонимизации лексемы [3].

Таким образом, как внутрилингвистические, так и экстралингвистические факторы обусловили популяризацию эллиптической формы языковой номинации угледобывающего региона *Донбасс* как завершающего звена дериватов, называющих активно развивающийся угленосный центр России, позже Советского Союза, еще позже Украины: *Донец* (гидроним) → *Донецкий бассейн* (природный хороним) → *Донецкий кряж* (ороним) → *Донецкий камменноугольный бассейн* → *Донецкий бассейн* (природно-хозяйственный хороним) → *Донецкий бассейн* (административно-хозяйственный хороним) → *Донбассейн* → *Донбасс*.

Автор одного из медиатекстов Рунета апеллирует к эмоциям читателей, создавая в сознании реципиента при помощи лексемы *реликт* 'явление, сохранившееся от древних эпох' тот многовековой угленосный регион, утративший свое промышленное могущество: *Индустриальный Донбасс – это реликт начала XX века*. (Олег Храбрый. Украина органично воспринимает западные идеи (2004) // «Эксперт», 2004.12.06) [6]. Такой языковой формулировкой создается, как показала действительность, аллюзия, свершившаяся на десятилетие позже.

Современное медиапространство является «когнитивным инструментом для репрезентации и кодирования действительности» [2, с. 11]. Сегодня топоним *Донбасс* употребляется, как никогда, частотно и представлен в интернет-публикациях, являясь репрезентантом языковой сакрализации. По нашему мнению, «это универсальная метакатегория, определяющая ценностно-смысловое существование

гуманитаристики в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в которых присутствует вера и доверие к Богу и миру» [8, с.205].

В ядре единицы нашел вербальное отражение важнейший фактор человеческой конфронтации, определяющий потенциал лексемы: *Хватились только тогда, когда Донбасс уже взорвался, и Киеву остался силовой аргумент без гарантий успеха* (Федор Лукьянов. Сигналы несбыточного времени // «Огонек», 2014) [6]. Метафора *Донбасс взорвался* требует обращения и интерпретации к событийным ситуациям в тексте. Элементы семантического поля данного слова *Донбасс* получают часто неоднозначную оценку явления в жизни людей, проживающих в этом регионе. Ценностно-смысловое содержание мотивирует к получению разнополярных оценок. Но метафоризация топонима *Донбасс* представляет целый многонациональный этнос, жизнь которых по-прежнему зависит не только от позиции политиков, но и от Божьего промысла. Ведь от не прекращающихся плановых обстрелов украинской армии погибают мирные люди. И никто не знает, кто будет следующий в списках погибших.

Поисковая система GoogleTrends отображает динамику популярности тополексемы *Донбасс* за последние двенадцать месяцев 2020 – 2022 гг. на территории России: статус частого употребления размещен на уровне высокого, пик приходится на временные промежутки, совпадающие с активным освещением в СМИ событий в данном регионе [9]. Но мы не исключаем десакральный смысл данного топонима в контексте украинской публицистики личностного, ценностного фрейма, фрейма социальной проблемы.

При конструировании образа Донбасса в медиaprостранстве новостные ленты используют различные коннотации для достижения цели информационной политики, используются конкретные параметры оценки ситуации или события, а аудитория имеет возможность определять причины их последствий, напр.: *Вооруженный конфликт на Донбассе; Россия пошла на прорыв к Донбассу; Битва за Донбасс, Штурм Донбасса* и др. Как видим, вводится эмоциональный аспект в изложения проблемы о мире в данном регионе, поэтому у пользователей новостного контента создается мнение о Донбассе, в котором жители находятся в состоянии постоянной войны. По словам О.В. Ломакиной, данный жанр позволяет говорить «о существовании у современных журналистов своего рода шорт-листа крылатых единиц как самого употребительного разряда фразеологических ресурсов языка, которые активно используются при выборе заголовков» [5, с.97].

Фактически сейчас медиатексты можно рассматривать как единство стандарта и экспрессии. Поэтому семантическое поле языковой единицы с сакральной семантикой *Донбасс* наполнено новыми значениями: ‘территория военного конфликта’, ‘зона гуманитарной миссии’, ‘братский народ России’, ‘Святая Русь’ (*Донбасс превращается в главную цель России; Люди молятся на руинах храмов. Удивительно сильные духом люди! Новороссия будет жить или Донбасс не сдастся – он сильный духом!*) и др.

Таким образом, фрагмент исследования топонима *Донбасс* проиллюстрировал сакрализацию данной языковой единицы в различные исторические периоды и представил собой формат знания и форму познания мира, которые интерпретируются на смысловом уровне,

репрезентируя процесс взаимодействия структур языка и культуры, внеязыкового мира и сознания человека. Формирование ментальных структур в форме «схем коллективного характера», а именно – ороним → хороним → номинант промышленного региона Российской империи, Советского Союза, Украины → зона военного конфликта → часть русского культурного пространства – показал результаты объективного понимания и объяснения номинанта-топонима *Донбасс* как в личном опыте, так и в универсальном осмыслении русского языка. Рунет представляет ценностные доминанты – защита национальных интересов этноса Донбасса, необходимость быть частью русского культурного пространства и русского народа. Это дает право называть топоним *Донбасс* языковой единицей с сакральной семантикой, логосом, соединяющим в себе слово, понятие и смысл.

Литература

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Рус. словари, Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. – 955 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с.
3. Ковалевский Е. П. Горный журнал или Собрание сведений о горном и соляном деле с присовокуплением новых открытий по науке / Е. П. Ковалевский. – СПб., 1829. – Кн. 1. – 315 с.
4. Курдюмова Е. А. Донбасс на подъеме (1921-1925 гг.) Исторический очерк. – Донецк: Донбасс, 176. – 141 с.
5. Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и

критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки, 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 97 – 107.

6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.03.2021)

7. Першина К.В. Топоним Донбасс в номинационном процесс / Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Т.4: Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонДУ, 2018. – С.96 – 97.

8. Шкуран О.В. Сакрально-прагматическая константа в паремии *Не в деньгах [только] счастье*. Научный журнал «Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева». Чебоксары, ФГБОУ ВО «ЧГПУ имени И.Я. Яковлева», 2019. – № 3(103). – С. 204 –211.

9. GoogleTrends [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.google.ru/trends/?geo=RU> (дата обращения: 10.03.2021)

ДИСКУРСИВНАЯ КАРТИНА МИРА: МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

УДК 81-11:82-1/29

О ФРОНТИРЕ И ДИСКУРСИВНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РАМКАХ

Синельникова Л.Н.,

д. филол. н., профессор кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
г. Луганск

***Аннотация:** В статье предлагается адаптировать теорию фронта (подвижной границы, пограничья) к анализу дискурсивной институализации, использовать понятие фронта в качестве типологически значимого исследовательского инструмента. Показаны некоторые векторы фронтальных воздействий на институциональные рамки поэтического дискурса: смена тематических предпочтений, расширение стилистического регистра в сторону «сниженности», тесные связи поэзии с другими видами дискурсов и с социальным контекстом.*

***Ключевые слова:** дискурс, институциональная рамка, фронт, дискурсивные практики, поэтический дискурс.*

Вступление

Дискурс – парадигмально значимый феномен, изменивший ракурс описания языка, речи, текста, интерпретация которых начала последовательно соотноситься с фактами (событиями) жизни, то есть проектироваться на экстралингвистический фон. Благодаря дискурсологическому акценту в отечественной гуманитаристике был поднят пласт новых проблем, предложен постоянно пополняющийся банк дефиниций и алгоритмов дискурс-анализа.

Одновременно появилось множество вопросов: возможна ли общая (универсальная) дефиниция дискурса; как соотнести традиционные подходы к изучаемому материалу и новые методы его интерпретации; какие термины способны обеспечить системность понятийного аппарата в анализе идеальных объектов дискурсологии и разнообразного речевого (текстового) материала; на каких основаниях могут получить легитимность институциональные дискурсы (их количество увеличивается в геометрической прогрессии) и выявлены новые дискурсивные практики.

Сложившаяся в современном гуманитарном пространстве полипарадигмальная ситуация как неконфликтное сосуществование структурно-семантического, антропоцентрического, функционального, когнитивного, прагматического подходов, работа с типологически разным материалом, но с общим инструментарием или, напротив, с идентичным материалом, но с разным инструментарием создаёт широкое поле разновекторных дискурсологических исследований.

Подвижность и разнообразие признаков дискурса заложены в его природе. И тем не менее возникает необходимость увидеть некие значимые изменения в характеристике того или иного дискурса и обозначить прогностический ракурс в матрице институциональных дискурсов. Институциональная договорённость подвергается корректировке, характер которой «подсказывает» направления инноваций и перспективы неожиданно нового превратиться в норму.

Фронтир vs. «рамочный текст»

Фронтирная теория приобретает междисциплинарный характер и, будучи универсальной зоной контакта, обнаруживает эвристический

потенциал, обостряет экзистенциальную составляющую человека и общества [6]. Адаптации теории фронта к широкому кругу проблем культурно-социального характера способствуют такие его характеристики: фронт – граница, разделяющая старое и новое и в то же время создающая контактную зону (зону взаимодействия), которая определяется как зона пересечения, незаконченности и неопределённости, постепенно ведущая к интеграции.

Каждый из институциональных дискурсов: политический, юридический, педагогический, религиозный и др. – имеет, с одной стороны, рамочный (нормативно закреплённый) характер, с другой – проявляется во множестве дискурсивных практик, часть из которых по ряду признаков стремится выйти за пределы институциональной рамки и перейти на фронтальную территорию. Рамка институциональности определена в работах В.И. Карасика и включает такие позиции: участники, хронотоп, цели и ценности (в том числе ключевые концепты), стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы [2]. Эти позиции применяются в многочисленных исследованиях последующего времени как для описания признаков множества институциональных дискурсов в их рамочной нормативности, так и для выявления накапливающихся трансформаций.

Изменения в общественных институтах, появление новых движущих сил социального развития, динамика оценочных стратегий и тактик меняют как социальный контекст, так и сопряжённый с ним коммуникативно-речевой формат, в том числе – жанрово-стилистический. Институциональные новшества квалифицируются как непрерывный процесс количественно-качественных

изменений и преобразований в разных институтах и, соответственно, в институциональных дискурсах.

Появление новых дискурсивных практик свидетельствует о латентном проявлении антиномии: институализация / преодоление институализации. Акцент на дискурсивных практиках, в условиях которых происходит накопление элементов фронтирности, можно отнести к фактору сопротивления дискурсивной институциональности: сумма маркёров может изменить иерархию и наполнение её признаков. Научная история институализации и речевые (дискурсивные) практики вступают в сложные отношения фронтирного характера.

Активно рассматриваются дискурсивные практики в СМИ-дискурсе, в котором улавливаются ранее не замеченные (возможно, в силу их недостаточной проявленности) закономерности и связи. Диалогичность – конструктивное свойство современных журналистских текстов, в которых обнаруживаются новые формы диалогичности. В текстовых реализациях диалогичности выявляются маркёры фронтирного характера, то есть такие, которые свидетельствуют о формировании новых зон контакта с адресатом. Рассматриваются способы включения адресата в монологический текст, проявленные в выборе номинаций, согласованных с тезаурусом и стилистическими предпочтениями адресата, моделировании реплицированного диалога, включающего нужные говорящему реакции на сказанное, – всё это проявляет дискурсивный контекст коммуникации. В современных публичных текстах (устных и письменных) происходит постоянное сопряжение институциональной нормативности и

личной креативности в организации диалога с адресатом.

Динамика обновлений дискурса имеет следствием взаимодействие дискурсов. Интердискурсивность – значимое явление современной дискурсологии, свидетельство взаимодействия не столько текстов (интертекстуальные отсылки), сколько дискурсов, привносящее в текст комплекс признаков «чужих» дискурсов [7]. Дискурсивная гетерогенность реализуется путем построения одного типа дискурса по моделям, присущим другому типу дискурса, и проявляет признаки фронта как переходной зоны от известного и нормативно закреплённого к новому – такому, что выходит за рамки институциональных показателей.

Институциональная рамка поэтического дискурса

Понятие *поэтический дискурс* сложилось в условиях современной научной парадигмы, которая обеспечила возможность создания и продуктивного развития типологической матрицы поэтических текстов по ряду дискурсивно значимых критериев, таких, как: диалогичность (автор – адресат, текст – читатель, текст – предтекст, текст – подтекст, поверхностное содержание и глубинный смысл), высокая степень саморефлексии, специфика коммуникативных тактик (интенциональность, избирательность, рефлексивность). В широком смысле к участникам поэтического дискурса можно отнести критиков, филологов-интерпретаторов, каждый из которых проявляет свой уровень понимания поэзии и имеет свой оценочный нарратив.

В дискурсологически ориентированном научном пространстве понятие *поэтический дискурс* имеет нечёткий статус, и его дефиниции по большей части

являются следствием свойств фактического материала, с которым работают исследователи. В дефиницию институционального дискурса, поэтического в том числе, необходимо включать показатели междисциплинарности как фактора, важного для интерпретации текстового материала [5].

Дискурсивный подход к поэтическому тексту обогатил исследовательский инструментарий описания особенностей текстопорождения и понимания специфики поэтического мышления. В статье «Дискурсивное проявление личности» В.И. Карасик приводит пример интерпретации стихотворного текста, подтверждающий тезис о том, что применение дискурсивного подхода к поэзии может раскрыть новые характеристики как поэзии, так и данного подхода к языку [3]. Поэтический дискурс – это и корпус текстов, объединение которых может осуществляться на разных основаниях: коммуникативном, функциональном, семантическом, каждое из которых может быть персонифицировано (авторский дискурс) и (или) представлено в синхронно-диахроническом измерении.

Институциональный дискурс имеет нормативную рамку, которую можно обнаружить в манифестирующих дискурсе текстах. Рамочный текст – некая устойчивая форма его организации. Рамка включает ряд компонентов, определяющих содержательную структуру текста. Исследователи называют такие компоненты рамки: имя автора, заголовок, подзаголовок, посвящение, эпиграф, предисловие, которое может быть написано самим автором или другими людьми, имеющими отношение к автору или к изданию его труда, и др. Состав и функции рамочных компонентов, их обязательность или факультативность, актуализация одних и нейтрализация

других определяются особенностями социального, физического и художественного времени, его отражением в текстах. В художественных произведениях признаки рамки тесно связаны с жанровыми конвенциями. Наиболее значимой в описании особенностей дискурса и текстов, его представляющих, оказывается интеграционная роль рамочных компонентов.

Поэтический дискурс имеет ряд универсальных, жанрово обусловленных, характеристик, на фоне которых осознаётся индивидуальность. Многие из универсалий могут быть «прочитаны» через понятие «рамочный текст», а отступления от жанровых признаков рамочного поэтического текста формируют в поэтическом дискурсе зону фронта.

От свойств поэтического мышления к свойствам поэтического дискурса

Каждый институциональный дискурс основывается на характерном для него типе мышления о мире. Свойства поэтического дискурса определяются особенностями *поэтического мышления*, в объёмном пространстве которого поэзия и философия не просто движутся навстречу друг другу [1], но давно уже встретились. Более того, сам феномен поэтического мышления возник и укоренился благодаря тому, что объединяет сферу познания и сферу творчества.

Скрещение разных миров – результат трансцендентной ориентации поэта, его стремления дать в единстве видимое и невидимое, реальное и ирреальное, познанное и познаваемое, найденное и преднайденное, осязаемое. Дискредитация коммуникативной нормы – обычное для лирического жанра явление: фразы с измененной логикой обоснования, глаголы, сочетающиеся с «чужими»

референтами, представление невидимого как видимого (сенсорные мистификации), «неполное присутствие» лирического субъекта в лирическом диалоге, провокационные вопросительные конструкции (спрашивают о том, чего не существует с точки зрения физической реальности) и др. – всё это проявляет специфику коммуникации в лирическом повествовании. Понятие *голографическое мышление*, обеспечивающее выход за формально-логические рамки, организующие причинно-следственную картину мира (<https://www.chitalnya.ru/commentary/17609/>), имеет прямое отношение к поэзии.

Исследователи акцентировали связь организации лирического текста с когнитивными структурами, что позволило квалифицировать поэтический дискурс как ментально-коммуникативный феномен [8]. Осуществляя многоуровневую когнитивную деятельность, поэт создаёт новые смыслы в их эмоциональном оформлении. Когнитивный подход к поэтическому тексту обеспечивает возможность соотносить вербальные средства и ментальные категории.

Когнитивный подход обеспечил возможность описания поэтической концептосферы. И в этом описании представлен фронтальный фактор, связанный со спецификой поэтического дискурса: «Для того чтобы короткий поэтический текст «на заданную тему» стал шедевром культуры, поэт должен *в трафаретную картинку* (выделено нами. – Л.С.), существующую в сознании каждого, внести что-то своё, неповторимое, а, возможно, и перестроить, изменить эту картинку. Поэтому в поэтическом тексте не только по-разному актуализируются типичные, стандартные смыслы концепта, но и возникают новые» [9, с. 14].

О некоторых тенденциях нарушения рамочных

предписаний, детерминированных фронтиром

Присутствие автора относится к характеристике «рамки» поэтического текста. Лирический герой маркируется как носитель значимой мысли, искреннего чувства и соответствующего им языкового оформления. Отсутствие прямого авторского высказывания типологически значимо и способствует проявлению признаков фронта. Фронтирные признаки поэзии без лирического героя проявляются в обилии «сниженных» средств языка (жаргонизмов, вульгаризмов, обценной лексики), которые могут соседствовать с книжными словами, то есть попадают в инородную для лирики среду. Прозаизация языка поэзии – следствие объединения в целое ранее разнородных частей и элементов, создающих «зону интеграции». Институциональный тип интеграции влияет на соотношение поэтического и непоэтического в стихотворных текстах и демонстрирует их очевидное сближение.

Интертекстуальные отсылки, семантически дистанцирующиеся от денотата исходной цитаты, осваивают новые пространства применения, изотот процесс также можно квалифицировать как проявление фронта в поэтическом дискурсе. Рамки статьи ограничивают приведение текстовых доказательств. Приведем один показательный пример динамики прецедентности в условиях фронтального пространства, выстраиваемого на основе строчки стихотворения А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека»: «Он прав – опять фонарь аптека...» (А. Ахматова), «Отражены в черной воде скованных рек / Улица, ночь, сто фонарей, десять аптек» (Е. Витковский), «Аптека. Улица. Менты» (О.Иванова), «Ночь, улица, фонарь, аптека. / Депрессия

начала века. / Не этого, сто лет назад. / А я тоскую наугад» (П. Шмаков).

Культурологи обращают внимание на постмодернистскую трансформацию «ходовых» поэтических строчек и превращение их в коды городской культуры. Знаменитая блоковская фраза заняла своё место в семиотике города и вошла в «аптечный топос». «Игра интертекстами в рамках постмодернистского сознания привела к разрушению онтологического смысла блоковского стихотворения, его трансцендентного смысла, сохранив поверхностную сферу входящих в него знаков...» [4, с. 62].

Заключение

Институциональный параметр выстраивания типологии дискурсов фиксирует относительно устойчивое положение дел. Институциональная нормативная рамка, необходимая на определённом этапе разработки дискурсивной парадигмы, не может и не должна удерживать развитие теории. Появляются «несистемные» опыты описания материала, способные влиять на систему. Внимание исследователей к изменениям в общественных институтах, проявленным во множестве дискурсивных практик, – закономерный и неизбежный процесс движения научной мысли. «Угроза аутентичности» институциональному дискурсу усматривается в накапливающихся изменениях в структуре и формах позиционирования общественных институтов, в миграции дискурсивных практик, в интердискурсивной динамике жанрово-стилистических свойств и особенностей.

Понятие «рамочный текст» ориентирует на институциональную норму, понятие «фронтир» – на внимание к компонентам, не укладывающимся в нормативную рамку. Частотность «зарамочных»

конструкций и языковых средств может свидетельствовать о накоплении новых признаков и критериев институциональной нормы.

Определение места поэтического дискурса в системе дискурсов остаётся проблемой. Практическая часть проблемы, ориентирующая на изучение системы текстов и описание стратегий текстопорождения, нуждается в новых аспектах исследования с тем, чтобы получить новые данные, касающиеся эволюции поэтического сознания, поэтического языка и в целом поэтического дискурса.

Литература

1. Азарова Н.М. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст) / Н.М. Азарова : монография. – М.: Логос/Гнозис, 2010. – 496 с.
2. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
3. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности / В.И. Карасик // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 56–77.
4. Осипова Н.О. «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (мифосемиотика городского пространства в повседневном культурном сознании) / Н.О. Осипова // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. – 2008. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 62–66.
5. Синельникова Л.Н. Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация: монография / Л.Н. Синельникова: монография – М.: ИНФРА-М, 2019. – 267 с.

6. Синельникова Л.Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках / Л.Н. Синельникова // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – Т. 24. – № 2. – С. 467–492.

7. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О.В. Соколова: монография. – М.: Гнозис, 2014. – 304 с.

8. Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы / И.А. Тарасова: монография // М.: ИНФРА-М, 2019.

9. Чумак-Жунь И.И. Поэтический концепт и его статус в типологии концептов / И.И. Чумак-Жунь // Научные ведомости БелГУ. – 2009. – № 14 (69). – С. 11–20.

УДК. 811'42'37'27

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В ДИСКУРСОЛОГИИ

Цурбанова А.Ю.,
ассистент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
ГОУ ВО «ЛГПУ»,
г. Луганск

Аннотация. В статье описаны различные подходы к определению концепта, существующие в современной лингвистике, даны теоретические основания изучения концепта в дискурсологии. Приведены различные определения термина концепт, предложенные учеными, а

также краткое описание роли концепта в построении картины мира человека.

Ключевые слова: *концепт, когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, лингвокультура, этнокультура, концептуальный анализ.*

В последние годы приоритетными становятся лингвокультурологические, психолингвистические и этнопсихолингвистические исследования языкового сознания на основе нового комплексного подхода, который отличается направленностью на выявление этнокультурной специфики языкового сознания представителей различных лингвокультурных общностей. В связи с вышеперечисленным на первый план в системе лингвистических исследований вслед за понятием «дискурс» выходит «концепт», получивший широкое распространение и использование в лингвистических исследованиях на рубеже XX – XXI веков.

Нужно сказать, что концепт является одним из основных понятий в когнитивной лингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии, этнопсихолингвистике, психолингвистике и имеет довольно важное значение. Этот термин также используется в философии, культурологии, литературоведении, герменевтике, лингводидактике и т.д. Постепенно возникло отдельное направление – лингвоконцептология, непосредственно связанная с изучением национальной картины мира, языкового сознания.

Появление данного направления связано с тем, что каждый язык по-своему членит мир и определяет способ концептуализации реальности, который является уникальным и неповторимым, характерным только для

определенной лингвокультуры. С другой стороны, на особенности восприятия реальности и языковое сознание носителей того или иного языка оказывает влияние культура, в которой соответствующий язык сформировался и функционирует.

С.Г. Воркачев отмечает, что лингвоконцептология «почти за четверть века своего существования превратилась в состоявшееся и зрелое научное направление, обладающее своим собственным категориальным аппаратом и наработанными исследовательскими методиками» [3, с. 11]. В научной литературе существует достаточно большое количество толкований понятия «концепт», а также методов его исследования. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что в центре внимания исследователей находятся не только теоретические основания концепта (Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.З. Демьянков, А.П. Бабушкин, Н.А. Болдырев, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, А.А. Залевская, Н.А. Красавский, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин и др.), но и специфика организации и функционирования отдельных концептов (Г.И. Милованова, А.В. Полина, Е.А. Мошина, Л.Э. Кузнецова, Н.Н. Рухленко, Т.Н. Новоселова, О.А. Куданкина, Т.И. Бадмаева, Т.В. Лунева, Л.В. Адонина и др.). Также получило освещение лексико-семантическое наполнение концептов в различных типах дискурса (И.П. Черкасова, И.А. Воробей, М.А. Ткачев, А.И. Емельянова, И.А. Ткаченко и др.). Тем не менее при всех достижениях современной науки в данном направлении понятие «концепт» по-прежнему не имеет точного и четкого определения в связи с его междисциплинарностью. Чтобы полностью раскрыть

сущность концепта, его смысловое содержание, следует обратиться к истории его исследования.

Одним из первых к изучению концепта обратился С.А. Аскольдов в статье под названием «Концепт и слово». Он писал следующее: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 269]. В то же время цитируемый нами автор утверждает, что концепт может заменять не только реальные объекты, но и некоторые аспекты объекта или реальных действий, а также психические функции, конкретные представления. Исследователь обращает внимание на тот факт, что заместительная роль концепта в области мышления совпадает по значению с разными типами замещения, которые действуют в сфере реальных жизненных отношений, являющихся многочисленными [1, с. 270]. В контексте данной статьи С.А. Аскольдов размышляет о природе когнитивных понятий, изучению которых он посвятил отдельный раздел. Образно выражаясь, ученый говорит о том, что понятия – «это почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей», некий акт, который намечает довольно определенную «мысленную обработку (анализ и синтез) конкретностей определенного рода», «эмбрионы мысленных операций, которые в своем раскрытии могли бы занять часы, дни, иногда месяцы» [1, с. 272-273]. Особое внимание уделено концепту познания, который, по мнению С.А. Аскольдова, всегда связан с некой множественной идеальной или реальной предметностью. Исследователь также определяет слово как органическую часть концепта [1, с. 276-279].

Д.С. Лихачев, напротив, придерживается несколько иного мнения относительно понятия «концепт», объясняя смысл его существования не самим

словом, а его каждым словарным значением по отдельности. Автор считает, что концепт является неким «алгебраическим» выражением значения, применяемым как в письменной, так и устной речи, поскольку, по мнению исследователя, «охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его» в силу различных причин [8, с. 150-151]. Д.С. Лихачев акцентирует свое внимание на заместительной функции концепта, облегчающей языковое общение, благодаря контекстуальной обусловленности. При этом следует отметить, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [8, с. 151].

Лингвистическая теория концепта в настоящее время активно развивается многими исследователями [6, с. 228]. В.А. Маслова отмечает, что концепт «переживает период актуализации и переосмысления» [9, с. 128]. По мнению В.З. Демьянкова, «своеобразная мода на термин концепт в научной и художественной литературе XX – XXI вв. указывает на интерес к реконструкции тех сущностей в жизни человека, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, не задумываясь над их «истинным» (априорным) смыслом» [5, с. 607].

Концепт имеет междисциплинарный статус. Основой взаимодействия являются постулаты о взаимосвязи языка и культуры. Еще В. фон Гумбольдт установил, что каждый язык имеет уникальный взгляд на мир [4, с. 80].

Проблема соотношения языка, культуры и мышления вызывает интерес многих философов и лингвистов. В.И. Карасик считает язык одним из ключей к культуре общества и внутреннему миру человека [6, с.46]. В.А. Маслова пишет о тесной связи, существующей между культурой и языком, который «прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее». По мнению цитируемого нами автора, язык не ограничивается отражением реальности, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек [9, с. 141]. З.Р. Хачмафова утверждает, что «язык и культура становятся неразрывным целым. В каждом национальном языке определено мировоззрение народа и его миропонимание, осознаваемое в контексте культурных традиций» [12, с. 118]. Г.Г. Слышкин высказывает следующее суждение о принципиальном отличии концепта, которое «состоит в том, что он, служа основой синтезного исследования языка и культуры, сам не лежит непосредственно ни в языковой (как логоэпистема), ни в культурных сферах, ни в них обеих одновременно (как лингвокультурема)» [10, с. 102]. По мнению автора, концепт представляет собой ментальную единицу, элемент сознания, которое, в свою очередь, выступает в качестве посредника между культурой и языком. В дополнение к вышеперечисленному, Г.Г. Слышкин отмечает, что «исследование взаимовлияния языка и культуры будет заведомо неполным без этого связующего их элемента» [10, с. 98].

Исследователи также отмечают, что переживания в коллективном и индивидуальном сознании концептуализируются в соответствии с определенными точками отсчета, включая язык как концентрат

информации, компоненты содержания которого образуют лингвокультурный код, единицами которого являются концепты. Перцептивный образ, на котором базируется концепт, функционирует как вектор конфигурации смыслов, которые характерны для предметной области термина. [6, с. 122].

В связи со сложной организацией концепта исследователи предлагают его различные определения. Д.С. Лихачев высказывает мнение, согласно которому, «концепты – это скрытые в тексте заместители мысленных функций, некие потенции значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его опытом» [8, с. 6].

По В.В. Колесову, «концепт – это зерно первосмысла, семантический «зародыш» слова» [7, с. 50]. Исследователь утверждает, что концепт становится реальностью мышления и речи, образно заключенных в слове, потому что он существует так же реально, как язык, фонема, морфема. Концепт не подлежит никаким изменениям в семантике словесного знака, которые, направляют мышление носителей данного языка, определяют их выбор и создают возможности языка и речи. И в отличие от изображения, символа, понятия, «концепт не расширяется каким-либо вопросом, ибо именно он – и точка отсчета, и завершение процесса на новом уровне семантического развития живого в языке; он и есть источник всеобщего смысла, который организуется в системе отношений множественных форм и значений» [7, с. 50–51].

А.П. Бабушкин рассматривает концепты как структуры для представления знаний. Он понимает концепт как единицу коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и

хранится в вербально обозначенном виде в национальной памяти носителей языка [2, с. 223].

Р.М. Фрумкина обращает внимание на то, что концепт представляет собой объект концептуального анализа, смысл которого – «проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке» [11, с. 3]. По мнению цитируемого нами исследователя, концептуальный анализ – это «отнодь не какой-то определенный метод (способ, техника) экспликации концептов. Более уместно было бы говорить о том, что соответствующие работы объединены некоторой относительно общей целью, а что касается путей ее достижения, то они оказываются весьма разными» [11, с. 3].

Подводя итог, концептуальный анализ – это исследование, для которого концепт является объектом анализа. Смысл анализа концепта – это познание объекта из мира реальности.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность / С.А. Аскольдов: антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267-280.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин // – Воронеж, 1997. – 330 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология и её терминосистема (продолжение дискуссии) С.Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. – № 3(49). – С. 10–18.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

5. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В.З Демьянков // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606-622.
6. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик – Гнозис, 2010. – 351 с.
7. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... / В.В. Колесов. – Спб.: «Златоуст», 1999. – 386 с.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Д.С. Лихачев Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. – 540 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / В.А. Маслова – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 208 с.
10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография/ Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
11. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [Текст] / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – 1992. – № 3. – С.3.
12. Хачмафова З.Р. Интертекстуальность как отражение лингвокультурного сознания женской языковой личности [Текст] /З.Р. Хачмафова // Вестник АГУ. Серия «Филология и искусствоведение», 2012. – С. 261-267.

УДК 811.161.1'38

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ
СОВРЕМЕННОСТИ В РАЗНЫХ ТИПАХ
ДИСКУРСА (ПОЛИТИЧЕСКОМ,
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ, РЕКЛАМНОМ)**

Дзюба В.А.,

учитель русского языка и литературы
ГОУ ЛНР «Краснодонская средняя школа №24
имени Героя Советского Союза И.В. Туркенича»,
г. Краснодон

***Аннотация.** Статья посвящена комплексному анализу ключевых слов современности, представленных в политическом, образовательном и рекламном дискурсах. Проанализированы существующие методики изучения ключевых слов современности, определена их роль в сравнении с модными словами/ключевыми словами текущего момента.*

***Ключевые слова:** ключевые слова современности, модные слова, репрезентация ключевых слов, дискурс.*

Лексика представляет собой динамичную и открытую систему, отражающую происходящие преобразования в политической, духовной, социальной и экономической сферах жизнедеятельности на языковом уровне. Точно и ярко социальные корректировки демонстрирует эволюция ключевых слов – слов, которые находятся в конкретный период истории в центре внимания носителей языка.

Актуальность исследования обуславливается необходимостью всестороннего изучения лексем, способных отобразить основные изменения во всех сферах жизнедеятельности, служить маркерами эпохи,

на примере представленности ключевых слов современности в политическом, образовательном и рекламном дискурсах.

Объектом исследования являются лексемы, охарактеризованные как ключевые слова современности.

Предметом исследования стали функциональные характеристики ключевых слов современности в политическом, рекламном и образовательном дискурсах.

Цель исследования: рассмотреть специфику представленности ключевых слов современности в политическом, образовательном и рекламном дискурсах; выявление особенностей их функционирования.

Согласно указанной цели были поставлены и решены следующие **задачи:**

1) проанализировать существующие методики изучения лексических единиц, демонстрирующих изменения во всех сферах жизни общества;

2) определить лингвистический статус и роль ключевых слов современности в сравнении с модными словами/ключевыми словами текущего момента;

3) обозначить основные критерии идентификации ключевых слов современности;

4) описать особенности ключевых слов современности на примере их представленности в политическом, рекламном и образовательном дискурсах.

Теоретическую базу исследования составили работы ученых: Н.С. Валгиной, Т.В. Белашапковой, А. Гофмана, Ю.С. Мельника, Е.А. Земской, И.Ю. Шачковой, А. Вежбицкой, Н.Г. Журавлевой, М.А. Кронгауза, Ю.С. Степанова, И.Т. Вепревой,

Т.Г. Добросклонской, Е.А. Щегловой, А. Прокофьевой, Ж. Маторе.

Научная новизна исследования и полученных результатов состоит в следующем:

1) аргументирован лингвистический статус ключевых слов, детализированы характеристики близких терминов (модных слов, ключевых слов текущего момента, ключевых слов эпохи и т.д.);

2) обозначены основные критерии идентификации и разработана методика выделения ключевых слов современности;

3) выявлены и описаны функциональные характеристики ключевых слов современности в политическом, рекламном и образовательном дискурсах

Теоретическая значимость исследования состоит в обозначении важнейших критериев выделения ключевых слов современности, что позволит в дальнейшем установить причастность того или иного слова к данной группе. Помимо этого, детализированы сущностные характеристики близких терминов (модных слов, ключевых слов текущего момента, ключевых слов эпохи и т.д.). В работе обозначены лингвистические и функциональные особенности ключевых слов современности на примере их представленности в политическом, рекламном и образовательном дискурсах.

Практическая значимость исследования связана с перспективой использования результатов в лексикографии, например, при составлении словаря ключевых слов. Представленные материалы могут быть использованы при проведении курсов и семинаров по активным процессам в лексике, в дисциплинах «Деловая коммуникация», «Риторика», «Введение в языкознание», «Практикум русского языка»,

«Исследовательская деятельность в лингвистики», «Лингвокультурология», «Теория коммуникации», «Современный русский язык», «Активные процессы в современном русском языке», «Русский язык и культура речи», «Стилистика и литературное редактирование». Материалы могут применяться при изучении разделов «Стилистика» и «Культура речи» школьного курса предмета «Русский язык» в 10-11 классах, при подготовке материалов для научно-исследовательских работ на лингвистическую тему.

Термин «ключевое слово» сегодня используется в разных областях знаний: информатике, психологии, библиотечном деле, литературоведении, культурологии, лингвистике. Его широкое распространение отчасти можно объяснить тем, что оно имеет метафорическую основу (образ ключа как средства, возможности для понимания, разгадки чего-либо).

В лингвистике в настоящее время понятие ключевых слов не имеет единой трактовки. Можно выделить три подхода к изучению данного явления.

Во-первых, ключевые слова рассматриваются с позиций социолингвистики: это слова, отражающие основные экономические и социальные изменения, политическую актуальность события, к которому относятся.

Ж. Маторе дает свое определение: «ключевые слова» – лексемы, способные передать суть «идеологической надстройки общества» [10, с. 13].

Во-вторых, изучаются слова, не столько связанные с политически значимыми событиями, которые становятся на определенное время бурно обсуждаемыми, сколько отражающие социальные, культурные, ценностные ориентиры общества конкретного времени (когнитивный подход).

Терминологически такие слова обозначаются как «ключевые слова эпохи» и «модные слова».

М.А. Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва», говоря о «ключевых словах эпохи», акцентирует внимание на следующем: «про эти периоды можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха» [5, с. 14]

В-третьих, в работах лингвистов анализируются слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры (лингвокультурологический подход). Для их обозначения используются термины *«ключевые слова культуры»*, *«константы культуры»*, *«устойчивые концепты культуры»*.

Таким образом, приходим к выводу, что ключевые слова призваны идентифицировать особенно важные, обобщающие, опорные для данной культуры слова в тексте. Этот набор способен дать высококачественное описание его содержания, способное обеспечить емкое представление и сохранение его смысла в памяти.

Многочисленные исследования в области лингвистики дали возможность выявить существенные различия между понятиями «модное слово» и «ключевое слово текущего момента», что привело к попыткам их разграничения.

Модные слова, исходя из основных критериев современности, – «своеобразная хроника общества, сигнал социального времени, источник информации о политической, экономической и культурной жизни общества» [4, с. 49].

Ключевые слова современности – новый виток развития модных слов и ключевых слов текущего момента, которые за продолжительный период, расширяя смысловое значение, фиксируясь в

лексикографическом резерве и приобретая репрезентацию в разных типах дискурса. Основные критерии ключевых слов современности – это универсальность и массовость.

Одним из главных признаков ключевых слов современности считается их представленность в разных типах дискурса.

Стоит отметить, что в наше время «дискурс – это реализация языковой системы в определенных формальных и семантических структурах, обладающих в зависимости от социально-временной детерминированности различной степенью продуктивности и служащих социуму в качестве инструмента познания мира» [1, с. 215].

Ключевые слова современности могут стать фундаментальными для конкретного дискурса. В распространении ключевого слова важную роль играют массмедиа: зачастую именно через СМИ слова становятся популярными носителям языка. На этом этапе слова, которые претендуют на включение в группу ключевых слов современности, начинают увеличивать область своего функционирования, становятся важными и злободневными процессе общения, получают свойство наддискурсивности.

Т.Г. Добросклонская утверждает, что в СМИ «быстрее, чем где бы то ни было, находят отражение и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности, все те процессы, которые оказываются характерными для современного речеупотребления» [12, с. 191].

Для комплексного описания ключевых слов современности были рассмотрены их репрезентации в политическом, образовательном и рекламном дискурсах. С одной стороны, указанные типы дискурса

отобраны, как самые известные в социуме, с другой – как абсолютно разные по ряду критериев.

Например, политический дискурс в широком понимании отождествляется с языком публичной сферы и включает риторику политических деятелей и обозревателей, статьи в массмедиа и специализированных изданий. При узком понимании политического дискурса к нему относятся выступления политиков, программы партий, предвыборные дебаты, партийные программы.

Образовательный дискурс является совокупностью текстов, которые объединены тематикой, имеющей отношение к образовательной деятельности человека, и вмещает в себя такие понятия, как учебный дискурс, педагогический дискурс, научно-образовательный дискурс и др. Также в образовательный дискурс входят такие его подвиды, как образовательный дискурс дошкольных учреждений, школьный образовательный дискурс, вузовский, дискурс непрерывного образования.

Рекламным дискурсом можно назвать совокупность рекламных текстов, целью которых является не только привлечение внимания аудитории, но и побуждение к действию.

Продемонстрируем особенности функционирования в политическом, образовательном и рекламном дискурсах ключевых слов современности, которые представляют три группы: давно заимствованное слово (*продукт*), исконно русское слово (*услуга*) и относительно новое заимствованное слово (*онлайн*).

Так, слово продукт в политическом дискурсе в большей части смыслов применяется как составляющая словосочетаний *национальный продукт*, *валовой внутренний продукт* и *валовой национальный продукт*. Слово широко представлено в значении

«неопредмеченный результат чего-либо» (мультфильм как продукт, банковский продукт и др.), «предмет питания» (сходить за продуктами) [11]. В образовательном дискурсе большинство нововведений (новые тенденции работы, какая-либо динамика) именуется проектами: на сайте филиала «Центр развития образования» ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» есть раздел «Проект профессионального развития» [12]. Зачастую применяется выражение *проект по изучению* чего-либо; немаловажными становятся выявление и поддержка проектов, результативность и эффективность проектов. В рекламном дискурсе называются конкретные виды продукта, наиболее распространенными из которых являются туристский и банковский. Многие сайты содержат рубрики под названием «*Каталог продуктов*». Маркетологи благодаря прилагательным *уникальный, эксклюзивный и новый* создают выгодный образ конкретному товару или услуге, что, в свою очередь, привлекает потенциального покупателя.

В политическом дискурсе популярными словосочетаниями со словом *услуга* являются *медицинские услуги, образовательные услуги, качество услуги, доступность услуги, государственные услуги* [11]. Высокая частотность применения словосочетания *образовательные услуги* отмечается в образовательном дискурсе, но оно не имеет в большинстве контекстов оценочного смысла. В рекламном дискурсе слово *услуга* занимает одну из лидирующих позиций, сегодня эту лексему можно увидеть практически на каждом сайте, в каждом бизнес-аккаунте в социальных сетях. Описание услуги часто выражается в виде подобных формулировок: *услуга по чему-либо или чего-либо (услуга по изготовлению мебели на заказ, услуга по*

перевозке грузов и т.д.). Имя прилагательное является частью оценочной структуры рекламного текста, средством создания положительного образа того, что рекламируется: самые качественные услуги, удобные услуги и др.

События, связанные с коронавирусной инфекцией, привели к трансформации в языковой сфере. В разных типах дискурса наблюдается повышение частотности употребления слова *онлайн*. Например, в политическом дискурсе контекстов употребления этого слова стало намного больше (*онлайн-собрание, онлайн-фестиваль, онлайн-режим, онлайн-формат*). В образовательном дискурсе, в связи с переходом образовательных учреждений на дистанционную форму обучения, частотными оказываются выражения *слушать/смотреть онлайн, провести онлайн-урок, консультация по предметам онлайн, выполнить задание онлайн*. В рекламном – *заказывай онлайн, покупай онлайн; обслуживаем онлайн*; в роли аналитического препозитивного прилагательного добавляется к существительным *проект, продукт, услуга, обучение, магазин* и т.д.

В целом анализ репрезентации ключевых слов современности в разных типах дискурса показывает, что в большинстве случаев их можно позиционировать и как ключевые (опорные) слова определенного типа дискурса. Наиболее последовательно это проявляется в политическом и образовательном дискурсах. В рекламном дискурсе ключевые слова современности зачастую проявляют семантическую опустошенность, играют роль средства речевого воздействия, помогая достичь цели рекламного послания.

Литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Добросклонская Т.Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов / Т.Г. Добросклонская // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2005. № 3. – С. 48.
3. Журавлева, Н. Г. «Модное» слово: к вопросу о содержании понятия / Н.Г. Журавлева // Научная мысль Кавказа. – 2009. – №2. – С. 132 – 137.
4. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз –М.: Знак, 2008. – 232 с.
6. Мельник Ю.А. Социолингвистические проекты «Слово года» как источник сведений о неологических процессах в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 201ж. 206 с.
7. Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Медиясловарь ключевых слов текущего момента: лексико-семантическое поле «коронавирус» // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В.Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2020, стр. 190-202
8. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс и факт причинности // Язык и наука XX века: сб. ст. М.: РГГУ, 1995. С. 35-73.
9. Шачкова И.Ю. Семантика «ключевых слов эпохи»: эпоха Т. Блэра, 1997-2007: дис. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2008. 208 с.

10. Matore G. La Methode en Lexicologie. Domaine Francais. Paris, 1973. 126p.

11. Сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения – 12.03.2022).

12. Филиал «Центр развития образования» ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rcro.su> (дата обращения – 13.03.2022).

УДК 811·276.3-057.87:316.48

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СТУДЕНТА В
КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД**

Шелехова И.И.,

учитель русского языка и литературы

ГОУ ЛНР «Антрацитовский учебно-

воспитательный комплекс №1»,

магистрант 2 курса

направления подготовки «Отечественная

филология. Русский язык и литература»

ГОУ ВО «ЛГПУ»

г. Луганск

***Аннотация.** Данная работа посвящена изучению языковой личности в конфликтной ситуации общения с учетом этнокультурных, социокультурных и индивидуальных особенностей студента. Анализируются следующие составляющие языковой личности: степень речевой агрессии информантов, вербальные и невербальные средства реагирования на оскорбления; средства выражения намеренного оскорбления (знакомого – незнакомого –*

малознакомого) адресата; средства выражения ненамеренного оскорбления адресата речи.

Ключевые слова: *языковая личность, конфликтная ситуация общения (конфликтный коммуникативный акт), степень речевой агрессии.*

Характерной тенденцией развития языкознания на современном этапе является изучение проблемы человеческого фактора в речевой деятельности. Антропоцентризм предопределил ведущую роль человека в процессах порождения и использования речи.

Понятие «языковая личность» в современной науке является междисциплинарным термином, объединяющим интересы лингвистов, психологов, культурологов, социологов, философов.

При всём многообразии подходов к изучению языковой личности актуальной представляется разработка типологии языковых личностей, построенная на основе выявленных отличий в речевом поведении в различных коммуникативных ситуациях. Согласимся с точкой зрения А.Г. Фомина, который считает, что индивидуальные особенности речевого портрета личности в наибольшей степени проявляются в речевых ситуациях, содержащих элементы психологического напряжения [4, с. 314]. Вслед за Л.В. Корновенко, к числу таких ситуаций отнесём межличностное столкновение, основанное на языковой агрессии, вызывающей конфликтную ситуацию общения [1, с. 1240].

Когнитивный подход к исследованию речевого поведения заключается в выявлении взаимосвязи совершающихся в сознании человека, участника коммуникации, мыслительных процессов и языковых

явлений, которые неотделимы от мышления (А.Н. Баранов, В.И. Герасимов, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, Е.С. Кубрякова, В.В. Красных, Л.Г. Лузина, Ю.Г. Панкрац и др.) [3, с. 20].

Цель данной работы – изучение языковой личности в конфликтной ситуации общения с учетом этнокультурных, социокультурных и индивидуальных особенностей студента.

Для описания ситуации общения вообще (и конфликтной ситуации общения в частности) в коммуникативной лингвистике традиционно используется понятие «коммуникативный акт» (КА).

В структуре коммуникативного акта исследователи выделяют следующие компоненты: 1) личность отправителя; 2) личность получателя, 3) код, 4) тема, 5) канал связи, посредством которого передается сообщение, 6) обстановка или социальная ситуация [5, с. 193–230].

С учетом прагматической природы высказывания в рамках социально-ролевых и межличностных отношений И.П. Сусов представляет коммуникативный акт в виде развернутой пропозиции типа: *Я (говорящий) – сообщаю – тебе (слушающему) – в данном месте – в данное время – посредством данного высказывания – о данном предмете – в силу такого-то мотива или причины – с такой-то целью или намерением – при наличии таких-то предпосылок или условий – таким-то способом* [2, с. 9]. Данная модель соотносится со структурой коммуникативного акта, предложенной Р. Якобсоном, и фиксирует все основные компоненты КА. Они характеризуются наибольшей устойчивостью, необходимой для регламентации общения в любых ситуациях, и в то же время

достаточной вариативностью, позволяющей реализовать общение с учетом конкретных условий [3, с. 36].

В конфликтном коммуникативном акте (ККА) происходит игнорирование одного или нескольких компонентов. Столкновение интересов, несовпадение установок, противоречие целей, лакуна в пресуппозициональных знаниях одного из коммуникантов, несовпадение «фонда знаний» (Н.Д. Арутюнова) – любое из этих условий может повлечь за собой разрушительные действия одной из сторон по отношению к другой и привести к конфликту [3, с. 37].

Таким образом, основными причинами создания конфликтной ситуации общения (конфликтного коммуникативного акта) являются: нарушение стереотипа определенной ситуации общения, что вызывает обман коммуникативных ожиданий и, соответственно, может привести к конфликту; нарушение коммуникативных норм адресатом и (или) адресантом; несовпадение речевых целей коммуникантов; речевые стратегии и тактики.

С целью выяснения степени конфликтности / толерантности языковой личности студента, а также выявления реакции на предполагаемые высказывания-оскорбления было проведено анкетирование среди студентов и магистрантов филологического факультета Луганского государственного педагогического университета (всего опрошено 30 информантов в возрасте от 18 до 23 лет).

Предложенные вопросы дали возможность выявить следующие составляющие языковой личности: степень речевой агрессии информантов, вербальные и невербальные средства реагирования на оскорбления; средства выражения намеренного оскорбления

(знакомого – незнакомого – малознакомого) адресата; средства выражения ненамеренного оскорбления адресата речи.

Анализ результатов анкетирования позволил сформулировать следующие положения.

Большинство респондентов своё отрицательное отношение к оскорблению в общественном транспорте выразили бы невербально (*буду молчать и не вступать в конфликт; промолчу; стараюсь игнорировать* и под.). Данную реакцию можно аргументировать тем, что студенты не хотят привлекать к себе внимания, не любят «разборок» в общественных местах, считают, что кричать в присутствии многих людей неудобно. При выражении вербальной реакции на оскорбление в общественном транспорте преобладают стратегии и тактики кооперации, а не конфронтации (*отвечу человеку, но не буду оскорблять его в ответ; стараюсь не вступать в конфликты; пытаюсь устранить конфликт мирно* и под.).

В ситуации «Дома» явного доминирования в реагировании на оскорбление не выявлено: приблизительно равная часть информантов свое отрицательное отношение к оскорблению в конфликтной ситуации общения выразила невербально. Большинство студентов стремятся не разжигать конфликт (*промолчать, уйти, найти компромисс, уступить*), что можно объяснить уважением, любовью к родным людям. Другая часть испытуемых защищается в виде отстраняющихся фраз, не отвечая открытой грубой лексикой.

В ситуации «В кругу друзей» информантами предложены различные варианты реагирования. Часть респондентов (45 %) выразят свою реакцию невербально (*промолчу и уйду; не вступаю в конфликт и*

не отвечаю в ответ агрессивной лексикой; на все оскорбления в мой адрес я реагирую нейтрально, стараясь не прислушиваться к тому, что говорят; прекращаю общение), часть (40 %) – вербально, стараясь не развивать конфликтную ситуацию (спокойно объясняю свою точку зрения и готова выслушать других; попытаюсь обсудить сложившуюся ситуацию). Незначительная часть информантов (5 %) предпочтут стратегии и тактики конфронтации (если возникает конфликтная ситуация, то скорее всего выйду на конфликт).

Второй вопрос анкеты позволяет выявить средства выражения намеренного оскорбления адресата в зависимости от возраста и близости отношений между коммуникантами. В роли адресата выступают: подруга/друг, близкий человек, незнакомый/малознакомый сверстник, незнакомый взрослый человек.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что намеренное оскорбление напрямую зависит от степени близости, родственных отношений с адресатом. Близких людей, друзей студенты стараются не оскорблять, или это происходит ненамеренно. Оскорбление во многом зависит и от эмоционального состояния говорящего. В отношении к близким людям чаще всего используются намеки, незлые шутки, колкости, очень редко – грубая лексика. Намеренное оскорбление зависит и от разницы в возрасте между коммуникантами. При этом сверстника оскорбляют чаще не открыто: шутка, намек, ирония, или не оскорбляют вовсе. Намеренное оскорбление незнакомого взрослого человека отсутствует. Грубость проявляется только в ответ, в качестве защитной реакции.

Третий вопрос анкеты: «Были ли в вашей жизни ситуации, когда вы не хотели обидеть, оскорбить человека, а он обиделся? Если «да», то на какое слово, выражение?» – позволяет определить средства выражения ненамеренного оскорбления.

Информантами отмечены следующие ситуации общения, в которых происходит ненамеренное оскорбление: когда один собеседник неправильно понял слова другого; когда неправильное истолкование действий собеседника привело к созданию «неудобной» ситуации; когда адресат (например, ребенок) не знал значение слова, употребленного говорящим, что привело к созданию конфликтной ситуации; когда при разговоре ненамеренно были использованы грубые слова, говорящий «перегнул палку» (*в переписке с подругой, я написала ей «перестань агриться». Она восприняла это как указ и полностью не поняла смысл жаргонизма «агриться» в данном контексте*); когда прозвучала неудачная шутка (например, «глупая», «тупенькая», «дурачок», «та мы глупые и тупые», «шутки у тебя так себе», «мда», «дурак», «дурочка», «придурастый», «идиотка», «гений», «противный», «гадкий», «сволочь», «скотский») (*слово было сказано в шутку, но человек неправильно понял её или я неправильно выразилась*); когда человек обиделся на тон, на грубую манеру общения (*обижались не на слова, а на саму интонацию, когда я говорила. Хотя никакого негативного подтекста я не хотела закладывать, я просто высказывала свое мнение*) и некоторые другие.

Таким образом, материалы исследования позволяют утверждать, что в конфликтной ситуации общения значительным большинством информантов проявлена низкая степень речевой агрессии. Реакция на оскорбление незнакомых людей (в общественном

транспорте), знакомых /малознакомых сверстников (в университете), родных выражается преимущественно невербальным образом; открытая конфронтация наблюдается редко, что обусловлено этнокультурными, социокультурными особенностями (этикетом общения, уважением к родным людям, высоким уровнем культуры). Реакция студентов на оскорбление в кругу друзей выражается чаще всего вербальными средствами, редко используется грубая лексика, чаще информанты предпочитают «отшутиться». Намеренное оскорбление напрямую зависит от разницы в возрасте, от степени близости, от эмоционального состояния, индивидуальных особенностей студента. Ненамеренное оскорбление чаще зависит от неправильной интерпретации коммуникативной тональности звучащего текста или неверного истолкования его смысла; от несовпадения желаний и эмоционального состояния коммуникантов в определенный момент общения; от неумения (нежелания) говорящего учитывать культурные запросы адресата, его воспитание, когда говорящий использует бранные выражения (даже в шутку), что не является нормой для оппонента.

Литература

1. Корновенко Л.В. Языковая личность студента (на примере конфликтной ситуации общения) // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В. И. Карасика; отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов / Л.В. Корновенко. – Кемерово – Волгоград: ВГСПУ, 2013. – 1370 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2). – С. 1240–1246.

2. Сузов И.П. Прагматическая структура высказывания / И.П. Сузов // Языковое общение и его единицы : сб. науч. тр. – Калинин : Изд-во КГУ, 1986. – С. 4–18.

3. Третьякова В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт монография / В.С. Третьякова. – Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 231 с.

4. Фомин А.Г. Особенности межличностной коммуникации в ситуации конфликта // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов (Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г.); ред. Е.Ф. Тарасов / А.Г. Фомин. – Калуга : ИП Кошелев (Издательство «Эй-дос»). – С. 314–315.

5. Якобсон Р. Речевая коммуникация / Р. Якобсон // Якобсон Р. Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ (СОЦИОЛИНГВИСТИКА,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА И ДР.) И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ
ПРОБЛЕМ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ, КУЛЬТУРЫ
РЕЧИ, РИТОРИКИ**

УДК 811.16'373.7'42

**СИМВОЛИКА ЖИВОТНОГО МИРА В
ОППОЗИЦИИ «ЛЕНИВЫЙ» –
«ТРУДОЛЮБИВЫЙ» ЧЕЛОВЕК В
СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Серебряк М.В.,

канд. филол. наук, доцент
кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»;

Симоненко Л.Ю.,

канд. пед. наук, доцент
кафедры государственного управления
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В.Даля»

***Аннотация.** Статья посвящена сравнительному анализу символики животного мира, выполненному в оппозиции «ленивый» – «трудолюбивый» человек. Для исследования привлечены фразеологизмы трех славянских языков. Определение ключевых символов, а также выявление общих и отличительных черт их реализации во фразеологии является целью исследования.*

***Ключевые слова:** символ, концепт, фразеологизм, семантика.*

Культура – это «символическая вселенная» (Ю.М. Лотман), в которой сквозь призму национального языка выражается особая национальная ментальность. Символ позволяет проникнуть в невещественный мир смысловых идей, образов, стереотипов, эталонов той или иной культуры. По словам Л.Н. Федосеевой, «через символы мы можем открыть сокровенную часть культуры – живущие в бессознательной сфере и объединяющие людей в единое лингвокультурное общество смыслы» [11, с. 99]. Таким образом, научный интерес представляют базисные когнитивные структуры освоения знаний, которыми человек оперирует в процессе мышления и с помощью которых выстраивается языковая картина мира. При этом национально-культурная специфика таких символов во всем их многообразии обнаруживается безусловно при сравнительном изучении.

В славистической науке исследование концепта «труд» обусловлено тем, что его культурно-концептуальное содержание отражает многовековое представление о важнейшем виде человеческой деятельности. Концепт «труд» достаточно детально изучен в исследованиях российских ученых (М.А. Еремина [4], Г.В. Токарев [10], К.А. Жуков [6] и др.). На материале украинского языка данный концепт изучен Л.А. Кулишенко, Л.Н. Яременко [7], Л.Ф. Щербачуком [12] и др., на материале польского языка – И.М. Мирошниченко [8], Г. Вильк и др.

Цель нашего исследования – с помощью сравнительного анализа фразеологического материала выявить общие и различные черты символики животного мира в оппозиции «ленивый» – «трудолюбивый» человек в трех лингвокультурах.

В окружающем мире человечества много животных стало субъектом и знаком человеческой идей и представлений. Так как у каждого народа свои культурные традиции, бытовые обычаи, исторические условия и религиозные побуждения, поэтому языковые знаки, которые выражают символики животных для разных народов, может быть, могут вызвать неодинаковые эмоциональные фантазии, каждый народ вкладывает свой вкус и своё мышление в символики животных.

Тема труда интересовала человечество достаточно давно, подтверждением чему являются многочисленные фразеологизмы, пословицы, поговорки. Представление человека о труде всегда опирается на культурно-исторические традиции, а фразеология – «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [9, с. 9]. Поэтому особый научный интерес представляет сравнительный анализ устойчивых единиц, раскрывающих логику носителя языка, воплощающих его метафорические представления о трудовой деятельности в ярких образах и символах, близких народному сознанию.

В анализируемых языках обнаружено достаточно много универсальных образов-символом, имеющих высокую фразеоактивность и сходную семантику.

Среди насекомых стандартными, закреплёнными во многих фразеологизмах символами трудолюбия являются образы *пчелы* и *муравья*.

Символика пчелы как трудолюбивого существа зафиксирована достаточно давно у различных народов. Широкое распространение у славян она получила благодаря христианству, в котором пчела предстает символом деятельности, прилежания, трудолюбия, порядка. Например, в ветхом завете в Притчах

Соломона читаем о поучении мудрости: *...пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари и престолюдины...* (Притчи 6:6). Св. Амвросий сравнивал церковь с ульем, а христианина – с пчелой, которая неустанно трудится и остается преданной своему улью.

Данный символ зафиксирован многими текстами у восточных славян: в частности, в «Изборнике Святослава» (1073 г.), сборник поучительных изречений «Пчела» был переведен с греческого в XII в. Культурологически значимыми являются текст басни Г. Сковороды «Пчела и Шершень», название журналов «Северная пчела», «Трудолюбивая пчела» (А.П. Сумарокова) и др. В словаре В.И. Даля видим, что образ пчелы связан с трудом во благо других людей, а особенно церкви: *работать как пчела, И на себя, и на людей, и на Бога (церковь) трудится. Не на себя пчела работает. Пчела Божья угодница (доставляет воск на свечи).*

Современные данные корпуса русского языка подтверждают, что образ пчелы связан с трудолюбием и встречается в художественных текстах: *«Каждый, как пчела, ежедневно обязан принести, для общей пользы, каплю своего мёда в бездонный улей света». // И.Гончаров Хорошо или дурна жить на свете?*

В украинском и польском языках существуют подобные выражения: укр.: *працювати як (Божа) бджілка*, польск.: *pracowity jak pszczóła*. Однако, анализ контекстного употребления свидетельствует, что в большинстве современных текстов преобладает значение *больно жалить*. Думаем, что это вполне закономерный сдвиг семантики в восприятии насекомого городскими жителями. В польском языке

видим, что более многочисленными являются выражения с таким смыслом: *nie darmo i pszczoły żądło, nie dokuczaj pszczole, bo żądłem ukole.*

Символическое значение концепта *муравей* во многом объясняется его биологическими особенностями – малостью, делающей муравья как бы минимальной счётной единицей, множественностью, коллективностью, способностью таскать большие тяжести.

Мифологические представления о насекомом не отражают его способности трудиться, однако в малых фольклорных жанрах, сказках, баснях муравей представлен как образ трудолюбивого человека. В Библии трудолюбие муравья отмечено как добродетель в тех же притчах Соломоновых: *«Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою».*

В русских пословицах видим отражение данного смысла: *Муравей невелик, да горы капают, Мал муравей телом, да велик делом, Муравей не по себе ношу таскает, да никто ему «спасибо» не скажет. Трудолюбив как муравей.* Весьма выразительной в этом смысле, конечно, является басня «Стрекоза и Муравей».

Корпус русского языка подтверждает устойчивость данного образа. В основном в контекстах газетных статей, художественных произведений муравей упоминается в двух символических значениях – это трудолюбие и множественность. Например, *Господь сотворил ради человека не только животных, предвидя, что после грехопадения он будет в них нуждаться, но и мух и комаров, дабы они укусами излечивали его от гордыни, а муравьёв и пауков – для*

подачи ему примера трудолюбия. // А. Я. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976).

В украинском языке муравей также является примером трудолюбия: *працьовитий як мурашка*. В польском языке существует выражение *pracowity jak mrówka*, однако, в отличии от восточнославянской семантики в польском языке зафиксировано переносное значение слова: *mrówka* – человек, который переносит через границу (пересекая ее много раз в течение дня) небольшие, разрешенные законом, объемы товаров, которые потом отдает торговцам или продает с прибылью сам. Однако такое значение наделено уже отрицательной коннотацией, чаще всего связанное с торговлей товарами с ограничением. В целом в словарях преобладают фразеологизмы со значением множественности: *jak mrówek*.

Стереотипные представления о лени вербализованы в образах-символах насекомых: *трутень, сонная муха*.

Трутень – Образ *трутня* является универсальным для трех языков: (русск.: *Трутням праздник и по будням; жить трутнем*), *жити/ бути трутнем*, польск: *skończony truteń, uważać kogoś za trutnia*.

В польской фразеологии лень ассоциируется с образом вши: *leniwy jak wesz* «про очень ленивого человека».

Среди животных наиболее устойчивыми символами тяжелого труда у восточных славян являются *вол, бык, лошадь*.

В русских и украинских пословицах эти животные олицетворяют врожденную физическую силу, терпеливый труд. Суровые условия жизни и тяжелый физический труд особенно в поле дал основу для

сравнения труда человеческого и домашнего тяглого животного. Сравним:

Русск: *Вола в гости зовут не мед пить, а воду возить. Пахать как лошадь. Быть как ломовая лошадь. Рабочая лошадка.* Корпус русского языка также подтверждает частотность употребления данного значения в виде устойчивого сравнения *пахать/работать как вол, лошадь*.

Укр: *Працювати (робити), як віл [у ярмі]* – дуже важко й багато працювати.

В польском языке символ *вола/быка* является амбивалентным:

– *pracowity jak wolek, wół roboczy* «человек, который тяжело работает», *harować jak wół* «трудиться как вол»

– *leniwy jak wół (byk), ktoś leży martwym bykiem* «про очень ленивого человека».

В польском языке ярко представлен как символ трудолюбия *osёл (harować jak dziki osioł, ośli trud* «тяжелая, изнуряющая работа»), в украинских и русских фразеологизмах данный образ практически не представлен со значением «трудолюбие», но является символом «упрямства, глупости, невежества».

Лошадь ассоциируется у поляков с трудолюбием, однако образная основа фразеологизма иная, чем у восточнославянских выражений – *chodzić jak koń w kieracie* (*ходить как конь в кересе* – «о трудолюбивом человеке»).

Также нетипичными для восточнославянской лингвистической традиции являются образы **барсука, тигра, моли**: *żyć jak borsuk* «много работать»; *mól książkowy* «трудолюбивый студент»; *zasuwać jak lew i sto tygrysów* «тяжело, изнурительно работать».

Яркими образами ленивого человека в польской фразеологии выступают животные *kot* и *pies*: *pracowity jak kot na piecu, leniwy jak stary kot* «про очень ленивого человека».

Образ *nca* характеризуется амбивалентными ассоциациями:

– *leniwy jak pies, taki do roboty jak pies do galasu* «про очень ленивого человека», *pies na so* «бездельник»,
– *pracować (harować) jak pies* «тяжело работать»,
psi chleb «тяжелая, изнуряющая работа».

Среди названий птиц и рыб ярких образов, совпадающих в трех языках, не зафиксировано. Однако существуют определенные модели фразеобразования, которые являются типичными для реализации значения «трудолюбивый» или «ленивый человек»: *szukać wron, gaw łowiti, strzelać gawrony* «бесполезно тратить время, лениться»; *rozbić się w czymś jak baran w апельсинах, rozumieć się jak zając w арифметиці, znać się na czymś jak gęś na szafianie* «быть непрофессионалом в чем-либо».

Интересным представляется польское выражение *niebieski ptak* «лентяй, человек, живущий за чужой счет», которое, конечно, у представителей русской и украинской лингвокультуры не вызывает подобных ассоциаций.

Таким образом, следует отметить, что во фразеологии, содержащей признак отношения к труду, отражена система ценностей славянских народов, а также их стереотипные символы-образы, с помощью которых носители языка пытаются выразить высокую степень реализации определенной характеристики человека и его отношения к труду. Сказанное выше позволяет заключить, что этнолингвистический анализ славянской фразеологии со значением «трудолюбивый»

– «ленивый» может быть результативным средством для характеристики значимого фрагмента традиционной языковой картины мира данных народов.

Литература

1. Автайкина Л.Ю. Национально-культурные особенности передачи концепта «счастье» во французских и русских фразеологизмах и поговорах // Научный альманах. – 2015. – № 10-4(12). – С. 469–473.

2. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.

3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

4. Еремина М.А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – 204 с.

5. Жданова Н.В. Национальная специфика концепта «судьба» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2006. – 19 с.

6. Жуков К.А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира: На материале русской и английской паремиологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2004. – 26 с.

7. Кулішенко Л.А., Яременко Л.М. Асоціативне поле концепту «щастя» (на основі українських фразеологічних одиниць) // «Філологічні трактати». 2019. – Том 11. – № 1. – С. 49–56.

8. Мирошниченко І.М. Фразеосемантичне поле «праця/неробство» в польській мові автореф. дис. ...

канд. філол. наук. К.: Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України, 2006. – 32 с.

9. Телия В.Н. Русская фразеология Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

10. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. Волгоград: «Перемена», 2003. – 213 с.

11. Федосеева Л.Н. Символы в русском лингвокультурном сообществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvol-y-v-russkom-lingvokulturnom-soobschestve/viewer>

12. Щербачук Л.Ф. Концепт *праця* в українській фразеології: етнокультурний аспект // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. 2011. – Вип. 25. – С. – 524–526.

Источники

Білоноженко В.М., Гнатюк І.С. и др. Словник фразеологізмів української мови / Відпов. ред. Винник В.О. К.: Наукова думка, 2003. – 788 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Аст-пресс книга, 2006. – 784 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal>

Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. К.: Довіра, 2006. – 703 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/>

Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981 – 1984, Т. 3. 1985. – 752 с.

Словник української мови : в 11 т. / головн. редкол. І. К. Білодід. К.: Наук. думка, 1970–1980. Т 7. 1976. 723 с.; Т. 8. 1977. 927 с.; Т. 9. 1979. – 917 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://sum.in.ua/>

Bryk.pl. Cytaty, przysłowia o pracy [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.bryk.pl/wypracowania/pozostale/przedsiębiorczość/11474-cytaty-przysłowia-o-pracy.html>

Wikisłownik. Aneks: Przysłowia polskie – praca [электронный ресурс]. Режим доступа. https://pl.wiktionary.org/wiki/Aneks:Przys%C5%82owia_polskie_-_praca

Wielki słownik języka polskiego / Instytut Języka Polskiego PAN. Redaktor naukowy: P. Źmigrodzki [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://wsjp.pl/index.php?szukaj=praca&pwh=0>

УДК 81

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ПЕРЕДАЧЕ В. СОЛОВЬЕВА

Жданова М.О.,
ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
г. Луганск

Аннотация. Проанализированы особенности реализации стратегии дискредитации на материале эпизода телевизионной авторской программы В. Соловьева «Поединок» от 28 февраля 2012 года, в котором в качестве коммуникантов, продуцирующих оскорбительные речи, выступают А. Пугачева и В. Жириновский. Для установления общей коммуникативной интенции (стратегии) текста выполнен последовательный анализ речевых тактик с параллельным применением лексико-семантического анализа. Рассматривается комплекс речевых тактик и приемов, специфические языковые средства, обеспечивающие реализацию стратегии дискредитации.

Ключевые слова: устная непосредственная коммуникация, стратегия дискредитации, речевые тактики, вербальная агрессия, речевой акт.

В настоящей статье реализация стратегии дискредитации рассматривается на материале эпизода телевизионной авторской программы В. Соловьева «Поединок» от 28 февраля 2012 года, в котором в качестве коммуникантов, продуцирующих оскорбительные речи, выступают А. Пугачева и В. Жириновский. Востребованность этого канала массовой коммуникации обусловлена тем, что именно на телевидении наиболее ярко проявляется манипулятивная природа языка, его воздействие на массовое сознание, а вышеупомянутая передача является ярким образцом политического языка. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования, поскольку изучение алгоритмов выявления в спорных текстах негативной информации, в том числе посредством анализа реализации различных конфликтных коммуникативных стратегий, является на сегодняшний день весьма перспективным для

юрислингвистики и методики производства лингвистической экспертизы.

Цель статьи – выявить и проанализировать специальные языковые средства, на которых основаны речевые приемы (средства экспликации), обеспечивающие функционирование речевых тактик в рамках стратегии дискредитации.

Для достижения цели исследования были применены методы структурно-семантического и коммуникативно-прагматического анализа.

Дискредитация – распространение заведомо ложных, неточных или (намеренно) искаженных сведений в печатном или иным способом размноженном тексте либо в средствах массовой информации, чтобы нанести вред деловой репутации хозяйствующего субъекта [2, с. 143]. Коммуникативное намерение субъекта дискредитации – во-первых, поставить дискредитируемое лицо на непривлекательное место в социальной или деловой системе ценностей, результат – потеря лицом прежней привлекательности и значимости своего социального или делового образа в глазах наблюдателя; во-вторых, задеть чувства самого адресата (обидеть, унижить человека, выставить его в смешном либо неприглядном свете), результат – утрата им положительной самооценки. Достижение вышеперечисленных интенций определяет успех стратегии дискредитации.

Для достижения цели статьи обратимся к анализу исследуемого материала. Участниками конфликтной ситуации выступают В. Жириновский и А. Пугачева. Социальный статус конфликтеров находится примерно на одном уровне: оба являются известными лицами государства, они близки по возрасту, а различает их гендер и профессиональная сфера: она – известная

эстрадная певица, он – политический деятель. Также есть посредник – это ведущий программы «Поединок» В. Соловьев. Его обязанность – направлять дебаты в нужное конструктивное русло. Отметим и наличие свидетелей конфликта. Это группа лиц, присутствующих в студии в качестве реальной публики и виртуальные зрители – массовая телевизионная аудитория.

Форма передачи сообщения – устная (дебаты, спор, диалоги), присутствует видеоряд, поэтому можем говорить также о невербальных средствах общения.

Для того чтобы установить общую коммуникативную интенцию (стратегию) текста, выполним последовательный анализ речевых тактик с параллельным применением лексико-семантического анализа [4].

Хотя прямая коммуникация начинается с вопроса Пугачевой, адресованного Жириновскому, стоит обратить внимание на реплику Жириновского, обращенную М. Прохорову: *«Что вы пришли сюда с сестрой, с певичкой и с актером? Это ваша партия?»* В процессе дебатов Жириновский говорит о сторонниках М. Прохорова нелюбезные вещи. Так, он называет А. Пугачеву (прослеживаем четкую адресацию) «певичкой», стремясь тем самым сыграть на понижение оппонента. В Большом толковом словаре русского языка профессора С.А. Кузнецова [1] лексема «певичка» имеет помету разговорное, пренебрежительное и трактуется как «певица, исполнительница легкомысленных, пошлых песенок, куплетов». На понижение стилистического регистра указывает суффикс субъективной оценки -ичк-, который имеет уничижительно-пренебрежительное значение согласно «Русской грамматике» (1980) [6; 7] и

классификации суффиксов предложенной, предложенной В.В. Виноградовым в источнике «Русский язык» [3]. В данном случае была интенция обидеть, высказана позиция: твой статус ниже моего («я, возможно, будущий президент»).

Дальше обратимся к непосредственной коммуникации конфликтеров.

Пугачева задает вопрос, рассчитанный на студийную аудиторию и телезрителей: *«Владимир Вольфович, думаю, вы со мной согласитесь, что президент страны – это лицо страны. Пример для подражания, пример для массы граждан нашей родины. У меня такой вопрос: когда вы хамите, ну, ладно мне, я к этому уже привыкла от вас, вы что хотите доказать? Когда вы врете нагло в эфире этой программы – зачем?.. Если бы вы стали президентом, вы бы поменяли свою линию поведения?»*

В первой части вопроса реализована тактика подчинения и самопрезентации с помощью манипулятивного приема присоединенности («вы со мной согласитесь»; «ладно мне, я к этому уже привыкла от вас»), направленного на склонение оппонента к действиям по правилам говорящего. Также использована тактика развенчания притязаний через косвенное обвинение Жириновского в том, что он является отрицательным «примером для подражания, примером для массы граждан нашей родины». Также в форме риторического вопроса реализована обвинительная импликатура: *Вы хамите* и *Вы нагло врете*. Согласно Большому толковому словарю русского языка Кузнецова: «Хамить (Разг.) – вести себя грубо и нагло, по-хамски», «Врать (Разг.) – 1. говорить неправду; сочинять небылицы; лгать, обманывать» [1]. Оба слова имеют помету разговорное, что позволяет

говорить о снижении стилистического регистра (использована инвективная лексика). Вопросы, по сути, являлись не столько вокативами, сколько декларативами: «Когда Вы врете, – зачем? Это пробел в воспитании? Когда, не дай Бог, вы станете президентом, Вы измените линию поведения?». Пугачева изначально выбирает для себя тактику убеждения публики в некомпетентности Жириновского как президента, а также обвиняет его в нарушении норм морали.

Жириновский парирует следующим образом: *«Я веду себя так, как считаю нужным. Мне имиджмейкеры не нужны. Мне разрешение, как Михаилу (Прохорову) никто не давал создавать партию, я ее сам создал»*. Таким образом, он старается придерживаться стратегии убеждения аудитории и телезрителей в том, что он является самым достойным кандидатом на роль руководителя государства. Стоит отметить, что кроме основной тактики самопрезентации реализована еще и тактика обвинения третьего лица (обвиняет Михаила Прохорова в невозможности принятия самостоятельных решений).

Пугачева в форме риторического вопроса, который является косвенным речевым актом с иллокутивной функцией сообщения, имплицитно обвиняет Жириновского в склонности к нарушению правил нравственного и морального поведения: *«Значит, это природное, да?»*. К тому же, утверждает, что это качество заложено в данной личности от рождения и не может быть изменено (по Кузнецову: «Природный – 3. присущий от рождения; врождённый» [1]). Таким образом, сама дает отрицательный ответ на первый заданный вопрос: *«Если бы вы стали президентом, вы бы поменяли свою линию поведения?»*. Это может быть расценено как вторжение в личное пространство,

рассуждения касаются психологических качеств личности.

Жириновский использует прием словесной атаки: «*Молчите! Я с партией...*». Продолжает: «*Вы молчать должны сидеть. Все! Вы вопрос задали – я отвечаю так, как я считаю нужным. Не нравится, убирайтесь вон! Сейчас охрана выведет*». Глагол в форме повелительного наклонения, или императива, обозначает попытку говорящего самим своим высказыванием каузировать (заставить) Пугачеву совершить некоторое действие (*Молчите!*). Повелительное наклонение, таким образом, выражает иллокутивный акт, который называется директивом. Выражение *убирайтесь вон!* согласно «Толковому словарю ненормативной лексики русского языка» Д.И. Квеселевича имеет помету фамильярное, которая указывает на неприличную форму (негативная коммуникема). Поэтому в данной реплике реализована тактика очернения. Кроме того использован прием противопоставления: «*Я с партией...*», а вы нет (ваша партия недостойна и неполноценна), вас «*Сейчас охрана выведет*» – реализована тактика развенчания образа певицы, указывает на ее безавторитетность.

Императивные высказывания перформативны, то есть представляют собой речевые акты, которые одновременно являются поступками. Реакцией на такое высказывание, как правило, является действие. По этой причине данное императивное высказывание не является успешным, коммуникативные цели речевого акта не выполнены. Пугачева отвечает: «*Не хамите мне*». «*Не уберусь. Назло вам не уберусь. Не ори на меня, будущий президент. Я вам не Алла Борисовна. Вы меня уже назвали певичкой*». «*Я думала, что вы труженик, политик, хитрый человек, а вы просто клоун*

и псих». Прослеживается нарушение норм вежливости посредством перехода с Вы на Ты, утрачивается почтительность к адресату, устанавливается отношение фамильярности. Односторонний переход на Ты – грубейшее нарушение этикета, так как воспринимается как проявление бесцеремонности, попытки продемонстрировать подчиненное положение собеседника. Этот переход объединяется с ироничной формой обращения «будущий президент», таким образом, имплицитно высказано явное сомнение в возможности Жириновского стать президентом. Прослеживается коммуникативная тактика обвинения в бестактном поведении и нарушении максимы вежливости. Далее отсылка к предыдущим обидам и реализация тактики очернения посредством высказывания субъективного негативного отношения и употребления инвективных лексем:

клоун (бранн.) – о человеке, разыгрывающем в обществе роль шута (Фразеологический словарь Михельсона [5]);

псих (разг.-сниж.) – психически неуравновешенный или больной человек (Большой толковый словарь русского языка Кузнецова [1]).

Жириновский утверждает: «Я такой, какой я есть. В этом моя прелесть» – тактика самопрезентации.

Пугачева противостоит: «Вы позор нашей страны» – тактика обвинения. Согласно Большому толковому словарю русского языка Кузнецова «Позор – 1. постыдное, унижительное для кого-л. положение, вызывающее презрение; бесчестье» [1].

Жириновский развенчивает образ оппонента (Пугачеву), других первых лиц государства, провоцируя у Пугачевой обиду (переходит на личности): «Вы, артисты, как последние проститутки ложитесь под

любого руководителя за деньги! Вы легли под Брежнева, под Горбачева, под Ельцина, под Путина». Формальное построение фразы касается целой группы людей – артистов вообще. Политик пытается при помощи косвенного речевого акта уйти от ответственности, но адресация четко прослеживается, это доказать помогают невербальные средства (кинесика позволяет выявить ориентированность Жириновского на конкретного собеседника – Пугачеву). Использована инвективная лексема «Проститутка – 1. женщина, занимающаяся проституцией; публичная женщина. 2. Разг. О ком-, чём-л. продажном, крайне беспринципном» (Большой толковый словарь русского языка Кузнецова [1]) с последующей аргументацией. Реализована коммуникативная тактика очернения.

В следующей фразе Жириновский объединяет тактику угрозы, демонстрируя при этом свое более высокое социальное положение по сравнению с Пугачевой («*Завтра въеду в Кремль, вы все будете лежать*») и тактику самодискредитации, пытаясь выдать за норму общественно осуждаемое поведение (*а я буду на вас плевать и вытирать ноги*). *Позор вам, Позор!* – говорит Жириновский, выставляя на позор Пугачеву и других артистов. По Кузнецову: «Выставить на позор (сделать предметом всеобщего поругания, унижения, осуждения; обесславить» [1]. Реализована тактика обличения в слепом следовании любой власти, а также предпринята попытка вызвать всеобщее неодобрение по отношению к Пугачевой, обесславить ее, а следовательно и всю партию оппонента М. Прохорова. Завершая свое выступление, Жириновский достигает победы в данной коммуникативной ситуации, противопоставляя себя шоу-бизнесменам и подчеркивая свои альтруистические цели по отношению к народу.

В. Жириновский активно использует методы и приемы актов речевой агрессии для того, чтобы продемонстрировать свое превосходство над собеседником, спровоцировать его на эмоциональные реакции и на ответные негативные высказывания. А. Пугачева и сама провоцирует развертывание агрессивных речевых актов, направленных на нарушение норм речевого этикета.

Таким образом, все коммуникативные приемы и тактики направлены на реализацию общей двуполярной стратегии – дискредитировать оппонента.

Можно предположить, что и Жириновскому, и Пугачевой, и ведущему ток-шоу выгодна возникающая словесная перепалка, которая является частью манипулятивного речевого акта. Каждый из них использует прямые и косвенные коммуникативные ходы дискредитации. Конечно, такие речевые стратегии и тактики имеют манипулятивные цели, например, выведение из психологического равновесия. По сути, каждый участник телевизионных дебатов (это же, прежде всего, шоу) исходит из того, что выставление кого-либо в смешном виде не требует доказательств. Эмоциональная окраска зачастую заменяет аргументы и факты. Многие речевые ходы коммуникантов теледебатов предполагают использование негативной характеристики личности, ее отрицательной оценки через намек.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.

2. Большой юридический словарь / под ред. В.Н. Додонова, В.Д. Ермакова, Крыловой М.А. и др. – М. : Изд. дом «ИНФРА-М», 2001. – 790 с.

3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.

4. Меликян В.Ю. Материалы программы «Лингвистическая экспертиза» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-learning.sfedu.ru/course/view.php?id=729> (Дата обращения: 21.12.2021).

5. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. – Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – СПб. : тип. Ак. наук, 1896–1912. – 2208 с.

6. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 789 с.

7. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис. – 714 с.

УДК 84561.33.3_58.359

**АНАЛИЗ ТОЛЕРАНТНОГО
КОММУНИКАТИВНОГО ПОРТРЕТА
В.В. ПУТИНА**

Мельничук А.И.,
ассистент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
ГОУ ВО «ЛГПУ»,
г. Луганск

***Аннотация.** Коммуникативный портрет В.В. Путина представляет собой совокупность лексических, синтаксических, морфологических особенностей, направленных на создание комфортной психологической обстановки общения, облегчению восприятия речи, показывающих лидерскую позицию В.В. Путина, отражающих собственное мнение политика. В статье приведен анализ речи В.В. Путина в Лужниках, демонстрирующий особенности речи президента.*

***Ключевые слова:** коммуникация, коммуникативный портрет, толерантность, лидер.*

Сегодня СМИ являются частью политической системы общества и оказывают влияние на политические процессы. Развитие механизма обратной связи, то есть наличие формальной возможности влияния или выражения своего мнения со стороны слушателей, зрителей и читателей, придает масс-медиа характер не однонаправленной коммуникации [1].

Существует множество приемов лингвистического, языкового манипулирования, предполагающих использование для обозначения одних и тех же явлений эвфемизмов, а также слов, имеющих иной оценочный оттенок. Так, например, человека, ведущего вооруженную борьбу за создание самостоятельного национального государства, различные СМИ в зависимости от политических пристрастий называют борцом за свободу, сепаратистом, террористом, партизаном, боевиком.

Для каждого информационного жанра, наряду с общими приемами манипулирования, существуют и специальные. Телевидение, например, для формирования у зрителей отталкивающего чувства по отношению к неугодным политикам использует

непривлекательные ракурсы их показа или соответствующим образом монтирует заснятые кадры. Для скрытого внушения массам определенных политических идей оно нередко организует шумные развлекательные шоу и т.д.

Таким образом, сегодня необходимо уметь создавать и поддерживать положительный образ политика в глазах СМИ, особенно важно для политика уметь правильно использовать языковые особенности в речи, так как это создает его языковой портрет через призму СМИ.

Во-первых, это лексические особенности, обусловленные стремлением избавить речь политика от двусмысленности и приблизить ее к языку СМИ. В связи с этим, использование сложных терминологий носит негативный характер через призму масс-медиа и вызывает необходимость объяснения лексического значения. Но необходимо отметить, что в период экономического кризиса сложно ограничить использование в речи экономической терминологии и экономических фразеологизмов: *«государственная собственность, ценообразование по газу, тело долга, процент по кредиту, потребители, транзит, выход из кризиса, базовый инструмент формирования»*. При этом объяснение сложной терминологии происходит с помощью таких элементов языка СМИ, как языковая игра, сравнения, метафоры: *«Для того чтобы уйти от этого состояния, вне зависимости от того, что происходит внутри самой Украины, нужно диверсифицировать потоки и транспортные возможности доставки от производителя в России до потребителя в Европе. Нужно эти транзитные страны лишить иллюзий. Если хотите, как говорится, нужно лишить девушек иллюзий – у женихов есть выбор»* [2].

Во-вторых, это морфологические особенности, подчеркивающие социальную роль В.В. Путина как главу РФ, представляющего российское общество (такой особенностью является преимущественное использование местоимения «мы»), а также обусловлены стремлением В.В. Путина действовать по мере появления проблем (такой особенностью является использование преимущественно настоящего и прошедшего времен глаголов). Например, выступление президента в Лужниках, 18 марта 2022 г.: *«Мы знаем, что делать дальше. Нужно было вытащить Крым из униженной позиции, униженного состояния».*

Языковой портрет В.В. Путина через призму СМИ имеет ряд особенностей, направленных на демократизацию обстановки встреч с представителями масс-медиа, показывающих президента как человека слова, имеющего собственные взгляды, уважающего СМИ. Речь В.В. Путина структурирована, диалогична, не многословна и имеет причинно-следственную связь.

Во встречах с представителями различных социальных групп В.В. Путин зачастую употребляет разговорную лексику, которая не нарушает общепринятых литературных норм, но которой свойственна определенная свобода: *«перебор»*, *«прикрыли»*, *«рухнула»*, *«слухи»*, *«Минобороны»*, *«кошмарить»*, *«много позитива»*, *«льготники»*, *«прикормленные организации»*, *«полная чушь»*, *«ерунда»*, *«голодомор»*, *«блокада»*, *«военная операция»*, *«крайние националисты»*, *«бардак»*. Использование этой особенности создает более комфортную психологическую обстановку, способствует установлению диалога, помогает лучшему восприятию речи, говоря с людьми на «одной волне», президент демонстрирует общность, толерантность к

окружающим. Через призму общества оценивается положительно, так как снимает психологический барьер «подчинения власти», способствуя восприятию В.В. Путина в первую очередь как личности [2].

Наличие экспрессивно-оценочная лексики показывает собственное отношение к объектам высказывания, отличается живостью и меткостью изложения: *«самый теплый привет экипажу», «ярким примером», «добрые традиционные отношения», «великолепная погода», «сестренка», «наши войны плечом к плечу», «прикрывают как родного брата»*. Характерны экспрессивные слова для публицистического и разговорного стиля речи, что сближает с помощью стиль изложения В.В. Путина с обществом, вызывая ряд положительных откликов.

Еще одной яркой лексической особенностью, помогающей установлению диалога с обществом, являются общеупотребительные фразеологизмы: *«свет в конце тоннеля», «золотая середина», «выражаясь суконным языком плаката», «цепляться за прошлое», «от перемены мест слагаемых сумма не меняется», «стереть с лица земли», «растекаться мыслью по древу», «это наша земля»*. Эти фразеологизмы, как правило, являются элементом фольклора. Наличие такого элемента в языковом портрете личности политика показывает не только знание народного творчества, но и сближает В.В. Путина с представителями общества, внося в официально-деловые отношения элементы интимности [3].

В.В. Путин для создания образности своих высказываний достаточно часто употребляет различные тропы. Одним из самых наиболее часто употребляемых являются эпитеты: *«светлый, красивый праздник», «человек дельный и очень опытный», «острая*

проблема», «тяжелое и страшное преступление», «великое государство». Они не только помогают лучшему восприятию высказываний, но и отражают собственное мнение говорящего.

Также элементами речевого портрета В.В. Путина являются синтаксические особенности, обусловленные стремлением структурировать речь, придать ей наглядность, образность, выразить собственное мнение.

Использование вводных конструкций через призму общества, как и через призму оппозиции и СМИ, акцентирует внимание на особых моментах, способствует восприятию информации, а также отделяет сущность вопроса от комментариев, выражается личная оценка В.В. Путина в отношении данного вопроса или каких-либо действий: *«безусловно», «я думаю», «конечно», «очевидно», «собственно говоря», «абсолютно уверен», «разумеется», «откровенно говоря», «во-первых», «во-вторых».*

Такой элемент речевого портрета личности политика как использование прямой речи через призму общества говорит об открытости данной личности: *«Мне один приятель в прежние годы говорил, когда я ставил перед ним какие-то сложные вопросы: «Ты шо, с глузду зъехал, чи шо?» Прощу прощение за произношение, может, оно и неправильное, но перевод такой: «Ты что, с ума сошел?»*

Таким образом, коммуникативный портрет В.В. Путина через призму общества представляет собой совокупность лексических, синтаксических, морфологических особенностей, направленных на создание комфортной психологической обстановки общения, облегчению восприятия речи, показывающих

лидерскую позицию В.В. Путина, отражающих собственное мнение политика.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь [электронный ресурс] URL: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/2245-суггестия>
2. Юпатов А.И. Массмедийный дискурс [Электронный ресурс] / А.И.Юпатов. — Режим доступа к ресурсу: <http://discoureanalysis.org/ada7/st43.shtml>
3. Яремченко Ю.В. Война как она есть [Электронный ресурс] / Ю.В.Яремченко.— Режим доступа: <http://podrobnosti.mk.ua/2015/11/17/poroshenko-o-dnr-i-lnr-ih-deti-budut-sidet-v-podvalah.html>. (Дата обращения 10.04.2022).

УДК 811.161.1

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Левченко А.С.,

студент 4 курса специальности «Отечественная
филология. Русский язык и литература»
Института последипломного образования
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
г. Луганск

***Аннотация.** В статье рассмотрена роль фразеологизмов, которые повлияли на восприятие цветовой картины мина индивидуумом. Проанализирована связь культуры русского народа с символикой цвета. Рассмотрена реализация цветообозначений в отдельных лексемах, фразах, идиоматических выражениях и других словесных средствах.*

Особое внимание читателя привлекает разнообразие цветовой картины мира, как составной части концептуальной картины мира, так и лгвоцветовой картины разных этносов.

Ключевые слова: *цветообозначение, символика цвета, фразеологизм, культура, лингвистическая картина мира.*

Современная лингвистика все чаще обращает свое внимание на роль цветовых значений не только как культурных характеристик нации, но и лингвистических особенностей роли цвета в восприятии человеком окружающего мира. Феномен цвета является предметом изучения многих фундаментальных наук, но до сих пор цвет не имеет общего понятия как в рамках какой-либо одной науки или даже целого направления. Это объясняется тем, что цветная картина мира состоит из сочетания науки, искусства, социальной и духовной сфер, а также богатейшего наследия русского народа, т.е. она пронизывает все сферы человеческой деятельности. Речь, насыщенная цветообозначениями, напоминает ограненный алмаз, играющий бесчисленными переливами разноцветных вспышек.

Проблема языкового восприятия цвета заинтересовала ученых уже в середине XIX века. В дальнейшем эта область оказалась наиболее пригодной для проверки гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира – Б. Уорфа, так как цветовое пространство удобно для изучения: любой цвет может быть однозначно определен в терминах объективных физических измерений (по тону, яркости, насыщенности) [3, с.14]. Американские культурантропологи Б. Берлин и П. Кэй в своем труде «Базовые термины для обозначения цветов: универсальность и эволюция» обращали внимание не на

границы между цветами, а на центр – на то, что они называли фокальными цветами [1, с. 39].

Концепция Б. Берлина и П. Кэя имеет как восторженных сторонников, так и яростных противников. За прошедшие годы собрано множество экспериментальных доказательств не только её универсальности, но и недочетов. Значительную поддержку теории оказали однозначные результаты проверки универсальности фокусных цветов, полученные Э. Хайдер (Рош). Фокусные цвета оказались более закодированными, чем нефокусные, то есть их названия были короче и понятнее, и испытуемые, говорившие на двадцати трех языках, запомнили их раньше. Более того, исследователь обнаружил, что фокусные цвета запоминались точнее, чем нефокусные цвета, даже теми испытуемыми, в языке которых для них нет названий [3, с. 16]. Таким образом, фокусные цвета заняли важную нишу в кодировании, что повлияло на дальнейшее развитие цветообозначения.

Русские цветовые обозначения были довольно подробно изучены российскими лингвистами: А.А. Брагиной, Н.Г. Туревич (их работа посвящена составу цветообозначений и их семантической структуре); Л.А. Качаевой, А.С. Панкратовой, С.М. Соловьёвым (изучали стилистические функции цветообозначений); В.А. Москович, В.А. Юрик (сопоставительный анализ). Работы этих авторов многогранны. Так как они базируются на психологическом эксперименте, есть основания отнести их к психолингвистическим исследованиям. Главной работой Р.М. Фрумкиной, связанной с цветообозначением, является ее монография «Цвет, смысл, сходство». Особое внимание автор уделяет

психологическим корреляторам семантических отношений слов: синонимии, антонимии, принадлежности к одному или разным семантическим полям. Исследователь отмечает, что существует определенная традиция изучения значений цвета: она лингвистическая, но также психологическая и культурно-антропологическая. Р.М. Фрумкина резюмирует, что в результате исследования этот фрагмент лексики приобрел новый особый статус. Сформировался круг знакомых вопросов и определенный набор методов анализа. В своем анализе исследователь использует метод собственно лингвистической лексической семантики и опирается на направление лексической семантики, связанное с именем Ю.Д. Апресяна, – на «описание глубинных смысловых отношений и разработку метаязыка семантического описания». В то же время книга написана в русле психолингвистических исследований семантики, базирующихся на эксперименте [3, с. 18].

Цвет – одна из основных категорий культуры, которая «фиксирует уникальную информацию о цвете окружающей природы, уникальности исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира» [5, с. 111]. Поскольку цвет является неотъемлемой частью культуры, он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, интерпретаций, цвет становится воплощением разнообразных моральных и эстетических ценностей.

Изучая вербализацию цветового восприятия, лингвисты делят цветовые значения на две группы: основные и оттеночные.

Кроме того, существуют структурно сложные цветовые обозначения (цвета меда, цвета морской

волны) и сравнительные обороты (щеки, похожие на цвет мака), которые обычно расположены на периферии цветового микрополя.

При описании названий цветов в лингвистике исследователи сталкиваются с целым рядом проблем. Одной из основных проблем является именно классификация цветowych прилагательных. Культура человечества реализуется в конкретных культурах различных сообществ, в том числе этнических групп или этносов. Используя, часто употребляемое определение культуры назовем все то, что можно отнести к этнической культуре. Материальная культура: пища, одежда, здания, транспортные средства, утварь, орудия труда, орудия труда, тип хозяйства, ремесло. Духовная культура: комплекс знаний о мире, этических, эстетических, правовых понятий; обычаи и ритуалы, верования и религия, поведенческие модели и ролевые стереотипы, этикет, мифы, фольклор, язык. Конечно, четкой границы между материальной и духовной культурой нет, они тесно связаны друг с другом. Например, церковная утварь относится к предметам материальной культуры, но она имеет в основном символическое значение, поскольку их основная функция – быть частью определенного обряда, у которого собственные цветowe обозначения, укоренившиеся во многих поколениях. В культуре все взаимосвязано, и было бы совершенно неправильно разделять эти аспекты культуры. Вот почему культура оказывается невероятно сложным объектом для изучения. Все еще более усложняется тем фактом, что сам исследователь также является носителем определенной этнической группы, класса, группы и т.д. культуры, а потому не свободен в своих взглядах и оценках. Он часто предрасположен замечать те

элементы чужой культуры, которые не похожи на соответствующие элементы его собственной культуры, оставляя такие вещи без внимания как нечто само собой разумеющееся. В нашем мире человек становится художником, благодаря избытку красок. Он наслаждается разноцветьем цветов, яркой синевой неба, нежной зеленью весенней листвы, ослепительной белизной снега, насыщенными красками ранней осени. Его возбуждают грозовые пурпурные облака, темнота ночного неба и яркость звезд. Исходя из всего вышесказанного, мы понимаем, что не зря цвет издавна вызывал у человека разные чувства и особый интерес. Это казалось необъяснимым, и именно поэтому цвет стали символизировать, ему стали придавать магические свойства, изучать весь спектр оттенков.

Анализируя символику цветов и оттенков, укorenившихся в языковом сознании русского народа, легко понять, что каждый цвет вызывает в сознании человека определенные ассоциации. Группа основных цветовых значений в современном русском языке состоит из двенадцати цветовых оттенков (колоративов) – белый, черный, синий, голубой, красный, зеленый, желтый, коричневый, розовый, фиолетовый, серый, оранжевый. *Белый* цвет – символ вечности, веры, чистоты и свободы. *Черный* предвещает смерть, горе и тоску; это цвет зла, греха, раскаяния и искупления. *Красный* – цвет жизненной силы и ярости, пролитой крови; мученичества, страданий и боли; безудержного насилия и ненависти. *Желтый и золотой* – цвета, символизирующие солнце, зерно; цвет силы, славы, вдохновения, предчувствий и озарений. *Синий* – это знак вечности, цвет истины, справедливости и стойкости. *Зеленый* – цвет бессмертия, плодородия, весны и надежды. *Сиреневый* – цвет потери, памяти,

верности. *Фиолетовый* – цвет скорби и раскаяния. *Коричневый* цвет – знак неприятия мира, мирской суеты и благ. Пурпур означает силу и власть.

Фразеологические единицы напрямую взаимодействуют с культурными значениями. «Фразеологизм – особый знак языка: в его семантику «вплетена» культурная семантика, или культурная коннотация, которая создается характеристикой фразеологизма к предметной области культуры. Культурная интерпретация фразеологии объединяет лингвистическую семантику и культурную коннотацию в единое целое, культурные значения «вплетаются» в собственно лингвистическую семантику, и формируется особое фразеологическое значение, которое можно назвать культурно-лингвистическим значением. Фразеология в полной мере реализует способность человека выражать свое отношение к происходящему в мире. Как создатель оценки, как выражение эмоций, говорящий (и слушающий) раскрывает свою культурную позицию... В результате культурологической интерпретации фразеологии в процессе её употребления формируется важнейший компонент культурно-языкового значения фразеологии, содержанием которого является ценностно-эмоциональное отношение к происходящему» [6, с. 48].

Лишь небольшое число фразеологических единиц этой структуры имеют собственное номинативное значение и идентичны существительным с точки зрения их грамматических свойств. Это обороты терминологического характера, а также название болезней, природные, бытовые объекты и явления: *белый камень* «известняк», *белые мухи* «падающие снежинки», *зеленое вино* «народ об алкогольных напитках», *черное золото* «нефть», *красный лес*

«хвойный лес», *белое вино* «светлое виноградное вино» [2, с. 196].

Фразеологический состав русского языка, пословицы и поговорки являются благодатной почвой для наблюдения за символами, поскольку их национально-культурная направленность создает предпосылки для фиксации символического значения, помогает выявить национально-языковую составляющую – символ, не препятствует воспроизведению универсального (архетипического) в языковой символике [4, с. 12].

На народную символику повлияла жизнь людей, которые ее создали; цветовая символика в этом отношении не является исключением. Большинство народов одинаково относились к белым и черным. И это нетрудно понять: *белый цвет* – цвет дня, *чёрный* – ночи. Именно в этом и прослеживается связь белого цвета с добром, а чёрного – со злом. Противопоставление белого и черного часто встречается и в русских пословицах: «Белая деньга про чёрный день», «Рыло черно, да совесть бела». «Свет бел, да люди черны», «Чёрного кобеля не отмоешь добела», «Работа черна, да денежка бела» и другие. Белый цвет в первую очередь сравнивается с черным [7, с. 98], [3, с. 243].

Слово «белый» входит в большое количество фразеологических единиц русского языка. Белый – святость, чистота, невинность, Божественный свет.

Белое духовенство – это часть православного духовенства, которая не дает обетов строгого воздержания, безбрачия и в отличие от черного (монашеского) духовенства. Более тридцати устойчивых сочетаний включают в себя слово «белый»: *белый билет* – «свидетельство об освобождении от военной службы»; *белая ворона* – «о человеке, резко

выделяющемся среди других, непохожем на окружающих; *белая горячка* – «тяжелое психическое заболевание, возникающее вследствие алкоголизма и сопровождающееся бредом и галлюцинациями»; *белое духовенство* – «часть православного духовенства, которая не дает обетов строгого воздержания, безбрачия и т.п. в отличие от черного (монашеского) духовенства»; *белое железо* – «оцинкованное листовое железо»; *белая баня* – «изба (баня), имеющая печь с дымоходом, выведенным через крышу наружу, в отличие от черной – курной (избы, бани); *белая магия* – «по средневековым суеверным представлениям: колдовство с помощью небесных сил»; *белые ночи* – северные летние ночи, когда вечерние сумерки непосредственно переходят в утренние без наступления темноты»; *белая олимпиада* – зимние Олимпийские игры»; *белый (либо божий) свет* – мира, земной шар со всем существующем на свете»; *белые стихи* – «нерифмованные стихи»; *белый уголь* – «вода как источник энергии»; *белый хлеб* – пшеничный хлеб из высоких сортов муки; среди (среди) бела дня – «днем, когда светло»; *довести до белого каления, дойти до белого каления* – крайне раздражить, вывести из себя; прийти в состояние крайнего раздражения, выйти из себя»; *сказка про белого бычка* – бесконечное повторение одного и того же, рассказ о том же самом»; *черным по белому (написано)* – совершенно четко, ясно [10, с. 265], [7, с. 98].

Но черный цвет у многих народов ассоциируется с трауром, с несчастьем (*Белое венчалное, черное – печальное. Рубашка беленька, да душа черненька*). Многие народы придерживаются обычая носить черную одежду на похоронах. В это был вложен определенный смысл: живые не хотели вызывать зависть мертвых

яркостью своих одежд. В погребальных обрядах многих первобытных народов используется белый цвет, хотя он символизирует жизнь и добро. Казалось бы, здесь какое-то противоречие. На самом деле это вполне логично. В конце концов, умерший приобретает положение влиятельной потусторонней силы, или, другими словами, становится богом. Место – кладбище, пустырь, река, монастырь. Вне времени. Цветовая гамма – светло-голубая.

Многие выражения со словом «черный» до нас не дошли, хотя и существуют в диалектах. В словаре В.И. Даля приведено множество фразеологизмов и пословиц с этим словом, в том числе и устаревших: «чёрное бельё»; «с чёрными руками, да за хлеб»; «Напился, чернее матушки грязи» («грязный, нечистый, замаранный»); «чёрное дело» («худое, подлое»); чёрная работа («тяжёлая, грубая работа»), чёрный день («несчастный, пора бед, нужды»); «В черный день не мирись, не кумись – ссора будет. Чёрный день придёт, приятели откинутся»; чёрный глаз («недобрый, завистливый»); «Чёрный глаз опасен. Бойся чёрного да карего глаза. С чёрными в лес не ходи, с рыжими бани не топи»; чёрные мысли («мрачные, печальные»); чёрные концы («что прячут») и многие другие. Владимир Иванович указывает в значении слова «черный» на противоположность слову «белый» и вообще «цветной» и приводит такие пословицы: «Черна коровка, да бело молоко»; «Работа черна, да денежка бела»; «Чёрен, да задорен, бел, да не смел» [2, с. 298].

Фразеологизм между ними пробежала чёрная кошка, или чёрная кошка дорогу перебежала может означать «неприятности». Кстати, не только черная кошка предсказывала несчастье, неудачу: встреча с

попом и монахом, одетыми также в чёрное, предвещает беду [10, с. 105].

В наши дни вера в магию угасла, но мы все ещё признаем, например, символику цветов. Языковая картина мира – это совокупность знаний, зафиксированных в языковой форме. Концептуальная система, отображаемая в виде языковой картины мира, представляет собой культурный опыт в форме языковых знаков. Антропоцентричный подход рассматривает язык как достояние его носителя, реализуемое в когнитивно-коммуникативной деятельности.

Процесс категоризации реальности тесно связан с языком и его особенностями, но «цветные» картины мира существуют как у нации, этноса, так и у отдельного человека. Они реализованы в виде цветовых обозначений в отдельных лексемах, фразах, идиоматических выражениях и других словесных средствах, поэтому в словаре любого языка всегда есть достаточное количество названий цветов.

Рассматривая всевозможные нюансы семантического поля, языковеды зачастую не предусматривают глубинный исторический и культурный опыт человека, которому характерно постоянная тенденция называть окружающие его предметы и явления. Каждый язык по-своему разделяет мир и характеризуется особым способом категоризации и концептуализации действительности, являясь средством формирования и существования знаний и представлений человека о мире, язык отражает и закрепляет в слове результаты когнитивной деятельности человека. Подобными вопросами занимается сформировавшаяся к середине XX века когнитивная лингвистика [9, с. 134].

Источниками данного направления стали бурное развитие лингвистической семантики, формирование лингвистической прагматики и теории текста. То, как люди видят мир и разделяют его, во многом обусловлено их активным отношением к реальности, осознанием языка как творческой деятельности, как процесса, в котором язык одновременно предстает в символической форме, как знаковая система, поскольку, используя знаки, язык способен сжимать и расширять знания и информацию до бесконечности [5, с. 176].

Проблема универсального восприятия цвета и обозначения его оттенков как фрагментов цветовой картины мира достаточно важна. Мир изначально познается всеми органами чувств. Он появляется в цвете, а не черно-белым. Различные оценки, определенные нормы и установки человека во многом связаны с цветом. Воспринимая цветовую картину мира, каждый носитель языка опирается не только на абсолютный цвет, но и на выразительное чувство восприятия определенного цвета, отмечая, часто на интуитивном уровне, ассоциативные знаки, которые визуализируют слово в языке: существует столько миров, сколько существует мыслящих индивидуумов. Эти миры поражают своим разнообразием. Некоторые из них маленькие и тесные, другие огромные, красочные кажутся рядом с серыми и безрадостными. В них звучат звонкие, веселые голоса, в одних царит вечная непогода, другие наслаждаются неизменно прекрасной погодой [6, с. 177].

Лингвоцветовая картина мира реализуется в виде цветовых значений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах, органично включается в лексическую систему языковой картины мира. Образно

и в тоже время весьма точно сказал Я. Парандовский: «в каждой душе мир преломляется в тысячецветных радугах чудесного блеска» [6, с. 34].

На примере названий цветов и принимая во внимание их особенности в разных языках, можно увидеть, что даже такое, казалось бы, беспристрастное и общее для всех людей ощущение цвета отражается по-разному и образует сложную систему в каждом языке. Другими словами, как цветовая картина мира, которая является неотъемлемой частью концептуальной картины мира, так и языковая цветовая картина разных этнических групп разнообразны.

Цветовое зрение человека формируется в разных климатических условиях и при разном образе жизни. Кроме того, концепция цвета менялась на протяжении веков и продолжает совершенствоваться.

Подводя общие итоги анализа фразеологических единиц с метафорой, следует сделать вывод, что фразеологические единицы являются традиционными в русском языке, они принадлежат к самому близкому кругу человеческих интересов, обладают высокой степенью образной продуктивности. Метафоры любой сферы имеют исключительное значение для изучения языковой цветовой картины мира, поскольку они являются основным источником большинства цветowych прототипов. Таким образом, цветové фразеологизмы отражают как характеристики человека, так и его состояние, и его характер, жизнедеятельность и быт, а также формируют его восприятие жизни, наиболее ярко проецируют жизненный опыт. Основная часть проанализированного блока исследования состояла из фразеологических единиц, стилистически нейтральных, промежуточных, общеупотребительных. Стилистически нейтральные фразеологизмы преобладают среди

выражений со сравнительными словосочетаниями «черный как», «белый как», «красный как». Позиция народа по отношению к определенному цвету определяется историей культуры, бытом и образом жизни данного народа, его традициями, нормами и социальными взглядами на цветолингвистическую картину мира. Итак, мы видим, что большинство ученых сходятся во мнении, что фразеологизмы должны характеризоваться следующими важнейшими параметрами: раздельнооформленностью, номинативностью, устойчивостью, идиоматичностью и коннотативностью. Устойчивые единицы с компонентом цветовых значений играют очень важную роль во фразеологическом фонде русского языка. Система наименования цветов достаточно развита, каждый отдельный цвет используется при описании самых разнообразных явлений окружающей действительности.

Литература

1. Berlin V., Kay P. Basic Color Terms / пер. с англ. Berkley and Los Angeles: // University of California Press, 1969. – 354 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 2003. – 1685 с.
3. Завьялова Н. А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России / Н. А. Завьялова. – Екатеринбург : /Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 320 с.
4. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / Сост. В.И. Зимин, А.С. Спирин. 2-е изд. – Ростов н/Д: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2005. – 826 с.

5. Жаркынбекова Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики / Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ // Братислава, 1999. – 415 с.

6. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: Отдел теоретического и прикладного языкознания Учреждения Российской академии наук Института языкознания, 2009. – 29 с.

7. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. – М.: Азбука-классика, Авалонь, 2005.

8. Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни: Пер. с польского. М., 1990. – 248 с.

9. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. – М.: Русский язык, 1984.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1999. – 1462 с.

**ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ФРАЗЕОЛОГИЯ,
МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС В
ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ И
ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИКАХ**

УДК 811.161.1

**РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ,
ОПИСЫВАЮЩИЕ СОСТОЯНИЕ СНА**

Джинджолия Г.,
к. филол. н., доцент кафедры русского языка
Западнечешского университета (Чехия)

***Аннотация.** Статья посвящена изучению русских фразеологизмов, описывающих состояние сна. В них отражены традиционные народные представления о том, что происходит с человеком в этом состоянии, как он воспринимает мир.*

«Сонные» фразеологизмы свидетельствуют, явно или косвенно, о сжатии и расширении времени во сне. Пространство сна воспринимается как незнакомое место, в которое можно вернуться, чтобы «подправить». Сон – «открытие границы» [27, с. 306] в иной мир, элементы которого интерпретируются как прогноз на будущее. Толкование сна может строиться на основе переворачивания смысла, созвучия слов и др.

Во сне человек становится «думным», «думает не свою думу» или «не в своем уме». Его ментальное состояние трактуется как «чужое», вызывающее «несанкционированное» речепорождение.

Сон во фразеологизмах наделяется взаимоисключающими характеристиками, рассматривается то в координатах смерти, то в координатах жизни.

Ключевые слова: *фразеологизм, картина мира, когнитивная способность, значение, смысл, символическое значение, персонификация, категоризация пространства и времени.*

Феномен сна привлекает пристальное внимание исследователей. Эта тема имеет долгую историю, большую литературу и множество решений. Онтологический статус сна – предмет обсуждения философов и психологов (обзор литературы: [18, с. 281–284]).

Сновидения активно изучаются в аспекте фольклористики, этнолингвистики, семиотики, а также поэтики и корпусной лингвистики. Анализируются снотолкования, мотив сна в фольклорных и художественных текстах, рассказы о снах и т. д. Народные толкования снов и их мифологические основания изучал Н.И. Толстой [27, с. 303-310]. По его мнению, народные представления о сне могут быть сведены к пяти основным положениям: «1. Сон противопоставляется не-сну, яви, повседневной, обычной жизни. 2. Сон – перевернутая явь, явь наизнанку, обратная, повседневно не зримая сторона жизни; сон – видимый фрагмент обычно невидимой "параллельной" жизни. 3. Сон как смерть. Сон равносителен смерти. Как смерть, по народным представлениям, не является концом жизни, а лишь переходом ее в другое состояние, так и сон есть временный переход в другое состояние, в "параллельную жизнь". 4. Сон как "тот" свет. Сон – посещение того света. 5. Сон – это также открытие границы между настоящим и будущим и в то же время

настоящим и прошедшим. Отсюда восприятие сна как предсказания, предзнаменования, пророчества, отсюда вера в вещий смысл снов» [27, с. 306].

Иномирное пространство сна показано в работе С.М. Толстой [25, с. 463–473]. Круг вопросов, относящихся к этой теме, затронут в ряде работ А.В. Гуры: сон в славянской культурной традиции [4, с. 119–122], регламентация поведения человека в связи со сновидениями [2, с. 79–93], славянские сонники (источники и параллели) [3, с. 325–328] и др. Механизмы семантизации снов (противопоставление, сходство, метонимия, обобщение, сложные мотивации) выделила С. Небжеговская-Бартминьская [15, с. 81–92]. Сон рассматривается как семиотическое окно [11, с. 219–226; 23].

Слово *сон* играет чрезвычайно важную роль в творчестве разных поэтов. О роли этого слова в русской поэзии начала XX века писала Н.А. Кожевникова [9, с. 61–62]. Изучению концепции сна в современной поэзии посвящена работа О.И. Северской [21, с. 461–473]. По ее мнению, язык сна – это символический язык, по структуре близкий к поэтическому языку [21, с. 462]. Поэтика сна в русской литературе – предмет исследования в работах Б.С. Кондратьева, О.Ю. Славиной, О.В. Федудиной, И.В. Изотовой, М. Нахапетян, Е.Ф. Теперик и др.: сны в художественной системе Ф.М. Достоевского [10]; поэтика сновидений в русской прозе 1920-х годов [22]; поэтика сна в романах «Петербург» А. Белого, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Приглашение на казнь» В. Набокова [29]; представление сновидений в прозе А.П. Чехова [8, с. 435–448]; мотив сна в творчестве И. Бродского [14, с. 217–224]; поэтика литературных сновидений [22, с. 12–16].

Лингвистическому анализу корпуса устных рассказов детей и подростков о своих сновидениях посвящена монография «Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса» [16]. Жанровая специфика рассказов о снах охарактеризована в монографии Е. В. Сафронова [20]. Опыт лингвистического описания текстов сновидческих примет и рассказов о снах представлен в работе Т.С. Садовой [19]. А.Б. Мороз и Н. В. Петров анализируют рассказы о сновидениях в фольклоре Русского Севера [13].

Народные представления о состоянии сна – важный фрагмент традиционной картины мира. **Цель статьи** – изучение этого состояния, воплощенного в русских фразеологизмах. Термин «фразеологизм» мы понимаем в широком смысле, включая в него пословицы и поговорки.

Материалом исследования служат следующие лексикографические источники: «Пословицы и поговорки русского народа» [5] и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [6], «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зиминой [7], «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой [1], «Большой словарь русских народных сравнений» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [12] и др.

«Сонные» фразеологизмы отражают изменение таких когнитивных способностей человека во сне, как восприятие и категоризация пространства и времени.

Восприятие пространства. Фразеологизмы подтверждают тезис П. Флоренского о том, что сознание «не совсем чуждо двойственному восприятию» пространства во сне. По его словам,

сновидение «насыщено смыслом иного мира, оно – почти чистый смысл иного мира, незримый, невещественный, непреходящий, хотя и являемый как бы вещественно... Сновидение есть общий предел ряда состояний дольных и ряда переживаний горних, граница уточнения здешнего и оплотнения тамошнего. При погружении в сон, в сновидении и сновидением символизируются самые нижние переживания горнего мира и самые верхние дольного: последние всплески переживаний иной действительности, хотя уже предназначаются впечатления действительности здешней» [30, с. 16–17].

В «сонных» фразеологизмах пространство описано через заполняющие его предметы и лица (*мужичок, мордвин* и др.). Часто фигурируют различные наименования еды, а также «вещи», относящиеся к крестьянской среде, хозяйственной деятельности человека: *кисель, маковники, хомут, коровий след, масло* и др., которые локализованы в снареальности и метонимически связаны с предметным миром яви, образуя с ним единое целое: *Видел мужичок хомут во сне – не видать ему клячи довеку; Видел во сне коровий след: ин наяву маслом отрыгается; Во сне видел маковники, так во сне и ешь*. В приведенных примерах снапредмет и прогнозируемое событие в яви связаны по принципу противоположности смысла (*видел – не видать*): *хомут* антонимичен *кляче, коровий след – маслу* и т. д.

Пространство сна для сновидца может быть неизвестным, незнакомым, чужим: *Знаю, где ночую, но не знаю, где сплю*. Один из способов «обустройства» нового места, его «обживания», превращения в «свое» – «внесение» в снареальность своих предметов, которых «там» нет, управление сном: *Видел мордвин во сне*

кисель, так не было ложки; положил за пазуху ложку – не видел киселя. «Драма» сновидца заключается в неудачной попытке вернуться в одну и ту же снареальность, в «старое» место, в невозможности «сцепления» элементов «этого» и «того» пространства. Отметим динамичность действия, быструю смену «кинематографических» картин, основное место в которых занимает предметный код. Плохой сон можно «перевернуть» на добрый, если в него вернуться и «подправить»: *Не хорош сон, сказала старуха: дай полтинник, поправлю.* Мотив управления сном во фразеологизмах не случаен. Он вписывается в общую систему славянских народных верований. Как показал А.В. Гура, не только сновидения «провоцируют определенные поступки человека», который их видел, но и «человек своим поведением влияет на сновидение, на их характер и функцию», между ними «может быть и двусторонняя связь, взаимовлияние» [2, с. 80]. Так, с целью вызвать в сновидении суженого «произносили заклинания, встряхивали постель, трижды стучали по кровати, ставили под кровать или клали под подушку различные предметы: кольцо, яблоко, кусок свадебного каравая, нож, гребень, метлу, хлеб и соль, мужской пояс, землю из-под ноги или с неизвестной могилы, различные растения» [2, с. 84]. «Поляки Серадзского воеводства верили, что увидеть овец во сне предвещает счастье, и, чтобы ночью приснилось такое сновидение, старались вечером при виде возвращающегося с пастбища овечьего стада пробежать через середину стада. Словенцы считали, что сон будет вещим, если в полночь поесть рыбы» [2, с. 84].

Восприятие времени. Сновидение имеет «особую, не сравнимую с дневною, меру времени, "трансцендентальную"» [30, с. 5-6]. «За краткое, по

внешнему измерению со стороны, время можно пережить во сне часы, месяцы, даже годы, а при некоторых обстоятельствах – века и тысячелетия» [30, с. 5]. В сновидении время «может даже, выворачиваясь через самого себя, по переходе через бесконечную скорость, получать обратный смысл своего течения. А между тем, время действительно может быть мгновенным и обращенным от будущего к прошедшему, от следствий к причинам, телеологическим, и это бывает именно тогда, когда наша жизнь от видимого переходит в невидимое, от действительного – в мнимое» [30, с. 5-6].

Фразеологизмы, описывающие состояние сна, выражают идею сжатия и расширения времени во сне. Примером сжатия времени, его «оплотнения», компрессии может быть фразеологизм *Мало спал, да много во сне видел*. Весьма интересные для нас наблюдения, касающиеся этого фразеологизма, мы находим в «Иконостасе» П. Флоренского [30, с. 5]. Слова *много во сне видел* косвенно свидетельствуют о повышенной концентрации событий и чувств во сне. Небольшой отрезок времени, проведенный «там» (*мало спал*), равен значительному по продолжительности времени «здесь». И наоборот: *Много спал, да мало во сне видел*. Низкая «плотность» событий, заполняющих «то» время, может быть показателем его замедления и расширения. Во фразеологизме *За сон не ручись* выражена идея непредсказуемости времени во сне: «не знаешь, долго ли проспичь и что пригрезится, какими событиями время будет наполнено». «Сонные» фразеологизмы принципиально проспективны, связаны с идеей будущего. Происходящее во сне (событие) интерпретируется в них как прогноз на будущее. Такие единицы похожи на приметы. Например, выпадение

зуба толкуется к смерти близкого или постороннего человека: *Зуб во сне выпал с кровью* (событие) – *умрет кровный* (прогноз); *Зуб во сне выпал* (событие) – *умрет кто-то* (прогноз). Мотив смерти в толковании сна о выпадении зуба связан с общей идеей разрушения и распада применительно к человеку [25, с. 466].

Речемыслительные способности. «Сонные» фразеологизмы фиксируют различные «дисфункции мышления». Сновидец пребывает в измененном состоянии сознания [17, с. 107-110]. Это объясняется тем, что сознанию в сновидении одновременно даны «оба берега жизни, хотя и с разною степенью ясности. Это бывает, вообще говоря, при переправе от берега к берегу, а, может быть, еще и тогда, когда сознание держится близ границы перехода» [30, с. 18].

Во сне человек становится «думным», «думает не свою думу» или «не в своем уме». В «думных» фразеологизмах состояние сна отождествляется с состоянием опьянения: *Хмельной да сонный не свою думу думают; Во хмелю да во сне человек сам в себе неволен; Сонный да пьяный – божевольный (не в своем уме)*. Особое ментальное состояние, в которое погружен сновидец, названо словом *дума*. *Дума* – это глубокая всепоглощающая мысль (толковые словари). Думы обычно бывают тягостными, безрадостными: «думы в отличие от мыслей текут медленно, тяжело. Благодаря этому слово *дума*, как правило, предполагает определенное содержание мыслей – обычно это трудная жизнь субъекта или кого-то из его близких, трудные жизненные положения и т. д. При этом субъект не столько пытается понять что-либо, сколько сосредотачивается на одних и тех же привычных ему безрадостных мыслях, снова и снова возвращается к одним и тем же ситуациям, людям и т. п. Думы

исключают какие-либо сознательные усилия субъекта – они текут совершенно независимо от его воли» [28, с. 553–554].

Состоянию сна свойственно «несанкционированное» речепорождение, которое будет иметь негативные для сновидца последствия в яви: *Во сне проговорился, а наяву поплатился*. В некоторых славянских регионах считается, что, если человека, который разговаривает во сне, «взять за мизинец, он расскажет всю правду» [4, с. 120]. Речевые нарушения человека в яви ассоциируются с состоянием сна как образцом таких нарушений: *говорить (бормотать, повторять, твердить) как во сне* («о чьей-либо замедленной, бессвязной речи») [12, с. 644].

Сон как эталон неполной определенности и неопределенности. Сон во фразеологизмах может быть не только предметом изображения, но и объектом сравнения, становится образцом для выражения таких смыслов, как «неясно воспринимаемое, очень неопределенное, ускользающее» (*расплывчатый / смутный как сон*), «нечеткость, неясность, расплывчатость воспоминаний» (*вспоминать / вспомнить / помнить как во сне; припоминать / припомнить как сквозь сон*), «видимое неясно, расплывчато» (*ровно во сне видеть*), «неясно воспринимаемое на слух» (*доноситься / донестись / слышать / слушать как сквозь сон*). Приведенные примеры извлечены из «Большого словаря русских народных сравнений» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [12, с. 644-645].

Сон=смерть и сон=жизнь. Сон во фразеологизмах рассматривается в координатах жизни и смерти. По словам С.М. Толстой, восприятие сна «как временной смерти и смерти как вечного сна относится к

универсальным стереотипам культуры и находит многообразное выражение в языке» [25, с. 463]. В корпусе «сонных» фразеологизмов много примеров, свидетельствующих об устойчивой связи «сон=смерть». Так, считается, что долго не проживет человек, который много спит: *Кто больше всех спит, тот меньше всех живет; Много спать – мало жить: что проспано, то прожито.* Сонный уподобляется мертвецу: *Спит как мертвый (мертвецким сном); Сон смерти брат; Сонный, что мертвый; Уснешь, что умрешь; Уснул – помер; Спит человек – не живой.* Прямым знаком смерти может быть «поведение» человека в состоянии сна, например, глубокое и быстрое дыхание толкуется к смерти: *Если сонный отпыхивает, то умрет.* Распространена во фразеологизмах противоположная связь – «сон=жизнь». Сон лечит, «молодит» и продлевает человеку жизнь: *Сон – лучшее лекарство; Сон дороже лекаря; Сон дороже золота; Сон лучше всякого богатства; Выспишься – помолодеешь; Выспался – будто вновь народился; Не дашь старику после обеда соснуть часок – сократишь его срок.* В наделении сна как «смертными», так и «жизненными» чертами проявляется его семантическая амбивалентность и двойственность отношения к нему.

Сон как граница между мирами.

Фразеологизмы отражают традиционные народные представления о границе. Идея границы имеет древние корни, связанные с традиционными народными верованиями славян [26, с. 97–115]. Граница – это одна из кардинальных идей и категорий традиционного сознания. Она разделяет две стороны чего-то, и нахождение на границе очень опасно для человека [26, с. 97–115].

Сон – «открытие границы» [27, с. 306] в иной мир, откуда человек может получить какие-то знаки своей судьбы: *Вещий сон не обманет; Сон правду скажет, да не всякому; Как сон в руку.*

Зоонимические образы. «Сонные» фразеологизмы «населены» различными животными: *лиса, наседка, соловей, собака* и др., которые наделяются символическими значениями, закрепленными за ними в народной культуре: *Лиса одним глазом спит, а другим кур считает; Наседка одним глазом спит, а другим коришуна видит; Наседка одним глазом спит, а другим цыплят сторожит; Спать соловьиным (будким) сном; Собака приснилась – к другу.* Лошадь в сновидениях толкуется как предсказание лжи: *Лошади приснились – ложь будет.* Сцепление «снопредмета» (*лошадь*) и связанного с ним события в яви (*ложь*) не имеет прозрачной мотивации. Вполне возможным нам кажется сближение слов на основе созвучия, которое их «скрепляет»: *лошадь – ложь.*

По народным представлениям, нельзя будить сонного пса, поскольку он «потеряет память» и укусит: *Сонного пса не буди – укусит.* Этот запрет применяется и по отношению к спящему человеку. Зная мифологическую трактовку этого запрета, можно понять, почему опасно его будить. Как отмечает А.В. Гура, во многих славянских регионах распространена идея отделения души от тела во сне [4, с. 119–121]. Во время сна душа «временно покидает человека в зооморфном облике и путешествует по местам, которые человек видит во сне» [4, с. 119–121]. Нельзя «резко будить крепко спящего человека (болг.), переворачивать его тело во время сна, так как его душа

не сможет найти пути назад (укр. ровен.), лишится памяти, рассудка (укр. ровен., болг.)» [4, с. 119–121].

«Физическая дисфункция». В «сонных» фразеологизмах просматриваются представления о «физической дисфункции» в состоянии сна: *Спать без задних ног* («очень крепко, беспробудно»). Это выражение возникло на основе наблюдений за животными. «После тяжелой работы лошадь ложится и спит, расслабив задние ноги. Если попытаться поднять ее, она будет вставать на передние ноги, но задние ее не будут слушаться» [1, с. 404–405; 7, с. 86]. К этой группе можно отнести фразеологизмы со значением «вялые, замедленные, неловкие движения»: *двигаться как сонный, делать что-то как сонный, ходить как сонный, двигаться как во сне, ходить как во сне* [12, с. 644–645] и др.

Персонификация. Сон во фразеологизмах может выступать как субъект действия (*сон ходит, нападает, валит с ног* и т. д.): *Ходит сон по сеньюшкам, дрема по новым; Прошлась дрема по сеньюшкам, а до нас не дошла; Сон и богатыря свалит с ног; Спячка напала, всех покатоком поваляла.* Сон ассоциируется с ленью: *Пришел сон из семи сел, пришла и лень из семи деревень.* О тесной их связи, «родстве» свидетельствуют фразеологизмы: *Сонливый да ленивый – родные братья; Кто ленив, тот сонлив; Солнце на ели, а он еще в постели; Сон не богатит; Много спать – дела не знать (добра не видеть).* «Ленивые» смыслы могут выражаться с помощью зоонимического кода: *Спящий пес зайца не поймает; Ранняя пташка червяка клюет, а поздняя и зерна не найдет; Ранняя пташка носок очищает, а поздняя глаза продирает.*

Сон и бессонница. Сон и бессонница связаны с представлениями о чистоте и нечистоте совести. По

определению В.И. Даля, совесть – это «тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка» [6, т. 4, с. 256]. Совесть – орган этической, нравственной (само)оценки человека, который не дает спать и видеть сны: *У кого совесть нечиста, у того подушка в головах вертится; Перинка совести не замена; Совесть спать не дает; Больше спишь – меньше грешишь; Нечистая совесть спать не дает.* Во фразеологизмах называются другие причины бессонницы: *Не живется, так и не спится; Кто много спит весной, у того зимой бессонница бывает; Богатому не спится – воров боится.* Когда совесть чиста и не «дают грехи», человек спит *сном праведника, как молодой бог.*

Для описания бессонницы используется как предметная лексика (*подушка, перинка* и др.), так и зрительная: *Сна – ни в одном глазу; Хоть глаз коли, а заснуть не может; Целую ночь не может сомкнуть глаз.*

Подведем итоги.

Народные представления о состоянии сна, воплощенные во фразеологизмах, – важный фрагмент традиционной картины мира.

«Сонные» фразеологизмы отражают изменение таких когнитивных способностей человека во сне, как восприятие и категоризация пространства и времени. Пространственно-временные «сдвиги» проявляются в повышенной концентрации «тамошнего» времени событиями и чувствами, ускорении и сжатии времени, его замедлении и расширении, в «двойственном восприятии» [30, с. 16-17] пространства во сне и др.

Меняются ментальные способности человека во сне. Он становится «думным», «думает не свою думу» или «не в своем уме». В «думных» фразеологизмах

состояние сна уподобляется состоянию опьянения: *Хмельной да сонный не свою думу думают; Во хмелю да во сне человек сам в себе неволен* и др.

Многообразное выражение во фразеологизмах находит связь сна со смертью и с жизнью. Характерно восприятие сна как приближения смерти (*Много спать – мало жить: что проспано, то прожито*), распространено прямое уподобление «сон=смерть» (*Сонный, что мертвый; Сон смерти брат*), которое, как показано в ряде работ, является устойчивым стереотипом в народной культуре [27, с. 306; 25, с. 463]. Вместе с тем сон наделяется лечебными свойствами и трактуется в координатах жизни («сон=жизнь»): *Сон – лучшее лекарство; Сон дороже лекаря; Выспишься – помолодеешь* и др.).

Сон рассматривается в призме зоонимических образов, которые нагружены важными символическими значениями, закрепленными за ними традицией (*Лиса одним глазом спит, а другим кур считает; Наседка одним глазом спит, а другим коршуна видит*).

Сон и бессонница во фразеологизмах осмысливаются через оппозиции чистый – нечистый, вера – грех, трудолюбие – лень, доля – недоля и др., посредством которых утверждаются этические идеалы и ценности.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
2. Гура А.В. Регламентация поведения человека в связи со сновидениями / А.В. Гура // Образ человека в культуре / под ред. С.М. Толстой. – М. : , 2018, с. 79-93.

3. Гура А.В. Славянские сонники: источники и параллели / А.В. Гура // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики / ред. А.М. Молдован. – М. : Ин-т русского языка, 2018. – С. 325–328.
4. Гура А.В. Сон / А.В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995-2012. – Т. 5. – С. 119-121.
5. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – СПб. : Диамант, 1997. – 544 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1981–1982.
7. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В.И. Зимин. – М. : АСТ-Пресс, 2010. – 729 с.
8. Изотова И.В. Представление сновидений в прозе А. П. Чехова / И.В. Изотова // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд в будущее / ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2011. – С. 435–448.
9. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н.А. Кожевникова. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
10. Кондратьев Б.С. Сны в художественной системе Ф. М. Достоевского. Мифологический аспект / Б.С. Кондратьев. – Арзамас : АГПИ, 2001. – 266 с.
11. Лотман Ю.М. Сон как семиотическое окно // Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М. : Гнозис, 1992. – С. 219-226.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.

13. "С четверга на пятницу..." Рассказы о сновидениях в фольклоре Русского Севера / Сост. А.Б. Мороз, Н.В. Петров и др. – М. : Редкая птица, 2020. – 440 с.

14. Нахапетьян М. Мотив сна в творчестве И. Бродского / М. Нахапетьян // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции. – М. : Сэфер, 2006. – С. 217-224.

15. Небжеговская-Бартминская С. Конституционные ценности польского народного сонника / С. Небжеговская-Бартминская // Эволюция ценностей в языках и культурах. – М. : Пробел, 2011. – С. 81-92.

16. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / ред. А.А. Кибрик, В.И. Подлесская. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 736 с.

17. Руднев В.П. Измененные состояния сознания // Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – С. 107-110.

18. Руднев В.П. Сновидение // Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – С. 281-284.

19. Садова Т.С. Сногадания и рассказы о снах в русском речевом обиходе. Лингвистические заметки / Т.С. Садова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2021. – 144 с.

20. Сафронов Е.В. Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты / Е.В. Сафронов. – М. : Лабиринт, 2016. – 542 с.

21. Северская О.И. «Сны языка огромны...» (Концепция сна в современной поэзии) / О.И. Северская // Логический анализ языка.

Лингвофутуризм. Взгляд в будущее / ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2011. – С. 461-473.

22. Славина О.Ю. Поэтика сновидений (на материале прозы 1920-х годов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Ю. Славина. – СПб., 1998. – 21 с.

23. Сон – семиотическое окно. Сновидение и искусство. Сновидение и текст / ред. И.Е. Данилова. – М. : ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1993. – 148 с.

24. Теперик Е.Ф. О поэтике литературных сновидений / Е.Ф. Теперик // Русская словесность: научно-методический журнал. – 2007. – №3. – С. 12–16.

25. Толстая С.М. Иномирное пространство сна // Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – С. 463-473.

26. Толстая С.М. Семантические категории языка и культуры. Очерки по славянской этнолингвистике / С.М. Толстая. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.

27. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества / Н.И. Толстой. – М. : Индрик, 2003. – 624 с.

28. Урысон Е.В. Мысль, идея / Е.В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 551-556.

29. Федунина О.В. Поэтика сна в романе: «Петербург» А. Белого, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Приглашение на казнь» В. Набокова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. – 21 с.

30. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству / П. Флоренский. – СПб. : Русская книга, 1993. – 364 с.

УДК 81`27

ВУАЛИРУЮЩИЕ ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Новоселова В.А.,

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка
Института филологии Петрозаводского
государственного университета,
г. Петрозаводск

***Аннотация.** Актуальность темы диктуется сложными отношениями в сфере международных контактов. Чтобы снизить напряжение в обществе и избежать коммуникативных конфликтов, в речевой практике политиков и государственных деятелей используются эвфемизмы, вуалирующие негативные процессы реальной действительности. Исследование выполнено в русле политической лингвистики, которая рассматривает политическую коммуникацию как предмет речевой деятельности. Цель работы – описать лексическое значение и способы выражения социальных мейотических эвфемизмов и языковых единиц с диффузной семантикой и проследить их вуалирующую функцию в политическом дискурсе.*

***Ключевые слова:** политический дискурс, вуалирующие эвфемизмы, мейотические эвфемизмы, градуальная семантика, градуальная оценка, оценка, диффузная семантика.*

В последнее время в обществе участились акты агрессивного национализма, терроризма, нетерпимости, насилия, ксенофобии, расизма, дискриминации по национальным, этническим и религиозным признакам. В контексте современных внешнеполитических условий

участники политического дискурса должны руководствоваться принципом политкорректности, предполагающем исключение вербального деструктивного поведения и прямых негативных оценок, дестабилизирующих социально-политическую обстановку.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что в современном политическом языке эвфемизация является одним из заметных и активных процессов. Эвфемизмы заменяют номинации негативных, нежелательных, малоприятных явлений, позитивируют высказывания, вызывая в сознании человека положительные ассоциации.

Термин *эвфемизм* восходит к греческому языку, буквальный перевод этого слова – «говорю хорошо». В древних риториках Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана эта стилистическая единица выполняла функцию тропа, смягчающего высказывание.

По данным толкового словаря под редакцией А.П. Евгеньевой, «эвфемизм – это слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [8, т. 4, с. 32].

В современной научной литературе определены основные черты эвфемизма, это 1) негативная коннотация денотата, а также способность вызывать негативную реакцию; 2) создание формально-положительной коннотации; 3) сохранение истинного значения денотата [1, с. 15].

Все указанные признаки носят обязательный характер, и если эвфемизм не сохраняет хотя бы один из них, то он уже не рассматривается как языковая единица, позитивирующая (улучшающая) значение денотата.

Эвфемизмы обладают широкой средой бытования, они используются во всех сферах коммуникации: официально-деловой, научной, литературно-художественной, военной, бытовой, а также востребованы в медиасфере.

Согласно наблюдениям Г.А. Заварзиной, в политической коммуникации замененные слова и выражения чаще всего служат для обозначения процессов и явлений международного, военного, экономического характера, для номинации деятельности властных структур, партийных и государственных организаций, их лидеров [3].

Описывая эвфемизмы современного русского языка, известный лингвист, доктор филологических наук Л.П. Крысин выделяет языковые единицы, «улучшающие денотат», которые активно употребляются в социальных подсистемах: экономической, политической, духовной) [5]. Они определяются автором как социальные эвфемизмы, способные выполнять

этическую, камуфлирующую, вуалирующую функции.

В речевых актах политического дискурса – многомерного «сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста, экстралингвистические факторы» [4, с. 8], – вуалирующими являются мейотические эвфемизмы и субституты с диффузной семантикой.

Мейотические эвфемизмы.

С целью смягчения стигматичности денотата в языке политической коммуникации используется намеренно неточная речь, которую создают мейотические эвфемизмы с градуальной семантикой, уменьшающие степень проявления негативного

свойства какого-либо объекта или явления. Этот способ эвфемистической зашифровки обозначил В.П. Москвин в контексте вопроса о мотивационной классификации субститутов [6]. Определение *мейотический* образовано от термина *мейозис* (восходит к греческому слову *мейоз* – уменьшение, убывание), которое обозначает стилистическую фигуру речи, преуменьшающую качественные или количественные признаки чего-либо. Категория градуальности в эвфемизме тесно связана с категорией оценки, что обусловлено интенциональным характером речевого акта. В лингвистике такая взаимосвязь называется градуальной оценкой [7].

Мейотические эвфемизмы широко используются в речевой практике политических деятелей.

Постпред РФ при ЕС В. Чижов заявил: «Что касается участия отдельных дипломатов европейских стран в незаконных акциях, то, наверное, они в последнее время недостаточно внимательно читали Венскую конвенцию о дипломатических сношениях» (Р-24, 05.02.21).

Эвфемистическое наречное словосочетание *недостаточно внимательно* со значением неполного проявления признака смягчает негативную семантику слова *плохо*. С помощью эвфемизма в иронической тональности выражается критическое отношение говорящего к поступкам дипломатов, нарушающих этикетные правила, которые, безусловно, им хорошо известны.

Нивелирование стигматичного денотативного значения слова отмечается у оценочных прилагательных с намеренно сниженным показателем градуальности:

Захарова отметила, что дальнейший переговорный процесс невозможен из-за «откровенно недружественной политики» страны восходящего солнца (Р-24, 23.03.22).

Чтобы не интенсифицировать конфронтационные настроения в Японии, М. Захарова следует правилам международной толерантности и использует эвфемизм с более позитивной коннотацией.

Следует отметить, что градуальная синонимическая пара *недружественный – враждебный* широко распространена в языке политического дискурса:

В конце марта президент РФ Владимир Путин заявил о переводе расчетов за газ с *недружественными* странами за рубли (Р-24, 06.04.22); МИД России назвал *недружественным* шагом высылку российских дипломатов из постпредства ЕС (RT, 06.04.22).

Выбор из синонимического ряда слов с наименьшей степенью проявления негативного признака в актах вербальной коммуникации встречается регулярно:

Наращивание военных мощностей НАТО вызывает *озабоченность* (т. е. **опасение**) у России (Sputnik, 19.02.21); «Такое ощущение, что само существование России вызывает *обеспокоенность* (т. е. **тревогу**) у некоторых американских генералов», – Д. Песков (ТАСС, 09.03.21); В Китае *сомневаются* (т. е. **не верят**) в праве США провозглашать себя образцом демократии (REGNUM, 28.11.21); По словам сенатора Джима Риша, *недипломатичные* (т. е. **резкие**) высказывания Джо Байдена о российском президенте Владимире Путине могут стать причиной

огромной напряженности между двумя странами (Pravda.ru, 28.03.22).

Негативное значение в мейотическом эвфемизме вуалируется и с помощью конструкций с двойным отрицанием.

Заявления официального представителя Госдепартамента США Хезер Науэрт о «провале» астанинского процесса не могут не вызывать недоумение (RT, 26.02.18).

Двойное отрицание соответствует утверждению с усилительной коннотацией: *не могут не вызывать – должны вызывать*. Здесь использован прием антифразиса, который подчеркивает смысл высказывания.

В аналитических текстах привлекают внимание образные эвфемистические выражения иронического характера с неточной семантикой.

Не добавлял шведам оптимизма и тот факт, что невооруженным глазом было видно – русские десантные корабли загружены под завязку (Yandex Zen, 31.01.22).

Не добавлял оптимизма – то есть напугал. Автор комментирует неадекватную реакцию Швеции на появление в Балтийском море нескольких российских кораблей: войска королевства были подняты по тревоге.

Манифестанты не спешат освободить путь к мосту между США и Канадой (Р-24, 12.02.21).

Не спешат освободить путь – то есть протестующие не собираются прекращать забастовку до выполнения их требований.

Как показывают наблюдения, в мейотических эвфемизмах, несмотря на неточность семантики, прослеживается ассоциативная связь со значением

денотата, поэтому смысл высказывания понятен адресату.

Эвфемизмы с диффузной семантикой.

Эвфемизмы с диффузной семантикой квалифицируются как языковые единицы с неясным, неопределенным значением. Термин *диффузность* восходит к латинскому слову *diffusion* – рассеивание. Согласно исследованиям Л.В. Власовой, семантическая диффузия слова порождена его языковой неоднозначностью [2].

Эвфемизмы с недискретным значением используются в политическом дискурсе как единицы, вуалирующие явления и процессы, которые способны вызывать конфронтационные отношения между сторонами. Смысловая связь с денотатом устанавливается на основе содержания контекста или фоновых знаний, известных коммуникантам.

Североатлантический альянс готов работать в направлении укрепления доверия с Россией, если Москва примет конкретные шаги по снижению напряженности в двусторонних отношениях (Известия, 17.12.21).

Под *конкретными шагами* понимается исполнение Москвой ультимативных требований альянса, которые угрожают безопасности России.

В США огласили ФРГ «определенные условия» для снятия санкций по «Северному потоку – 2» (Звезда, 02.02.20).

Определенными условиями являются предложения США по выработке механизма введения и эксплуатации «Северного потока – 2», позволяющего оказывать давление на Россию и ограничивать его работу по усмотрению Запада.

В районе курильского острова Уруп российский фрегат «Маршал Шапошников» применил соответствующие средства против американской подлодки «Вирджиния», нарушившей территориальные воды России (РБК, 12.02.22).

По предположению военных экспертов, в качестве соответствующих средств использовались стандартные методы вытеснения субмарины: предупреждение, средства РЭБ, упреждающее бомбометание.

*Дмитрий Песков заявлял, что на ситуацию в Белоруссии пытаются оказать прямое и косвенное воздействие **некие** силы (РБК, 24.08.20).*

Эвфемизм *некие*, представленный местоимением, указывает на неопределенный признак, конкретизация которого обусловлена фоновыми знаниями и данными констатирующего характера. Под словосочетание *некие силы* понимаются *деструктивные силы*, пытающиеся дестабилизировать ситуацию в Белоруссии. Речь идет об агрессивной политике США, Великобритании и ЕС, использующих социальные технологии, направленные на дестабилизацию обстановки в странах, отстаивающих свой суверенитет.

Как показывают наблюдения, в политическом языке вуалирующие эвфемизмы являются востребованными дискурсивными средствами, помогающими смягчить высказывание, нивелировать негативное значение денотата. Языковые единицы с неточной и неясной семантикой используются коммуникантами в различных актах политического дискурса: выступлениях, беседах, дискуссиях, публикациях. Употребление эвфемизмов служит прагматическим целям – стремлению избежать социальных конфликтов, завуалировать реалии тех или

иных нежелательных явлений для конструктивного общения.

Несмотря на «улучшение» денотата, адресат по контексту, ситуации, благодаря фоновым знаниям, ассоциативной связи между исходным словом и субститутом, понимает, о каком предмете или явлении идет речь,

Вуалирующие эвфемизмы с градуальной и недискретной семантикой в политическом языке выражаются словом, словосочетанием или предложением.

Список сокращений

Р-24 – телеканал Россия-24

РБК – Российский бизнес-канал

ТАСС – Телеграфное Агентство Советского
Союза (Российское информационное агенство)

RT – телеканал Russia Today

Литература

1. Бердова Н.М. Эвфемизмы в свете теории вторичной номинации: Дисс. ... канд. филол. наук / Н.М. Бердова. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1981. – 462 с.

2. Власова Л.В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий / Л.В. Власова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 128-132.

3. Заварзина Г.А. Эвфемизмы как проявление «политической корректности» / Г. А. Заварзина // Русская речь. – 2006. – №2. – С.54-55.

4. Караулов Ю.Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В.В. Петров // Дейк Т..А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 462 с. – С. 5-11.

5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи. / Л. П.Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985 -1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 477 с. – С. 385-407.

6. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001 – № 3. – С. 64-67.

7. Самсонова Ю.А. О соотношении категорий оценки и градуальности в современном русском языке / Ю. А. Самсонова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – №3. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 118-122.

8. Словарь русского языка / под ред. А.П.Евгеньевой: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1980-1984. – Т. 4. – 795 с.

УДК 81'371

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБОБЩЕННО-СОБИРАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Титаренко Э.А.,

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»,
г. Донецк

Аннотация. В статье анализируется обобщенно-собирательное значение конкретных существительных в единственном числе в прагматическом аспекте с позиции когнитивной лингвистики, антропоцентрического принципа.

Рассматриваются высказывания с возможной двойной интерпретацией в числовом отношении. Реализация единственного и обобщенного значения конкретными существительными объясняется изменением позиции говорящего.

***Ключевые слова:** обобщенно-собирательное значение, единственное число, антропоцентризм, позиция говорящего.*

Многие лингвисты пытались связать значение собирательности с особенностями лексической семантики имени. Перечисляя лексико-семантические или тематические группы, ученые, в основном, приходили к выводу, что все группы конкретной лексики способны образовывать такое значение или что «обобщенно-номинативное употребление словоформ единственного числа касается всей сферы одушевленных существительных» [5, с. 40]. Однако для одних имен это значение типично, для других, из той же лексико-семантической группы, не характерно. Среди антропонимов, например, обобщенно-собирательное значение характерно прежде всего для имен мужского рода, которые связывают с немаркированным и обобщенным характером мужского рода по сравнению с женским: *День учителя, строителя; Советы садовода; Справочник врача*; ср. также: *госзаказ на специалиста; борьба за абитуриента*; *За последние годы отношение к участнику* меняется. Среди зоонимов более обычным будет обобщенно-собирательное значение для названий маленьких животных, напр.: *Колорадский жук – реальный бич наших плантаций.*

Реализацию значения обобщения существительным *враг* рассматривает Л. А. Брусенская. Исследовательница пишет, что в отличие от лексемы *друг*, слово *враг* употребляется для обозначения «всего множества в целом». Различие между словами *друг* и

враг Л. А. Брусенская пытается объяснить посредством «индивидуальности значения», отсутствие которой констатирует в конкретных существительных со значением обобщения. Согласно ученой, существительное *враг* развило устойчивое употребление в собирательном значении – *враг отступает*, хотя существует и *враги отступают*. Напротив, у существительного *друг* отмечает значение индивидуальности, соответственно, это слово не развивает в форме единственного числа собирательное значение: всегда, когда речь идет о множественности, даже собирательной, употребляется форма множественного числа – *друзья* [3, с. 6–7].

Л.А. Брусенская также говорит о развитии собирательного значения у слов *птица*, *рыба*: в предложении *В магазине <...> есть **птица** и мясные продукты* происходит лексикализация формы единственного существительного, а в случае – *разводить **птицу** на ферме* – приближение значения существительного к вещественному [3, с. 5].

Традиционно считается, что общий семантический признак всех слов, для которых характерно употребление единственного числа в обобщенно-собирательном значении, – это неиндивидуальность семантики. Причину широкого распространения употребления имен в обобщенно-собирательном значении видят в том, что оно способно обеспечить понятийную точность (не арифметическую) посредством указания на индивидуализирующую деталь.

Согласно Д.И. Руденко [7, с. 47], обобщенное единственное число представлено такими высказываниями, как ***Студенту** нужны знания;* ***Женщина** всегда прекрасна;* ***Собака** – друг человека.* В данных примерах в значении обобщенного

единственного числа сочетается и значение идеального представителя класса, и значение класса (множества) как целого [7, с. 48]. Такое употребление единственного числа Д. И. Руденко определяет как «родовое единственное число». Лингвист подчеркивает, что родовое единственное число представляет указанный признак как необходимо свойственный классу, значимый для него. Различие между выражениями *Человек смертен*; *Человек благороден* и *Люди смертны*, *Люди благородны* ученый предлагает толковать как «Я предполагаю, что ты понимаешь, что это важно» («что этот признак важен для класса людей») [6, с. 201]. Согласно Д. И. Руденко, в оценочных случаях родового единственного числа выражено особое (эксплицитное) значение определенности класса, представляемого как нечто единственное, что рассматривается в отношении его специфических свойств. Именно они, предполагает исследователь, являют предпосылку определенности [6, с. 205]. Заметим, что речь идет об определенности понятия о классе, содержание которого формирует совокупность обязательно свойственных классу признаков. Эти признаки основываются на ассоциациях носителей языка относительно понятия, выраженного существительным. Такую определенность можно назвать качественной, в отличие от количественной определенности, проявляющейся в противопоставлении тотальности / частичности. То есть имеем качественную определенность при количественной неопределенности.

Связь числа с коммуникативной категорией определенности / неопределенности изучали Т. В. Булыгина, И. И. Ревзин, О. Г. Ревзина и др. Описание позиционных условий, при которых единственное число приобретает обобщенно-

собирающее значение, предлагается в исследовании В. А. Лазарева. Главным для языкового отражения количественных отношений в работе Г. Д. Архипкиной признается наличие познающего и номинирующего субъекта, который осуществляет концептуализацию данного фрагмента и воплощение его в речи в соответствии с условиями целенаправленной коммуникативной деятельности. В данном исследовании предпринята попытка доказать, что и грамматическое число в высшей степени детерминировано «человеческим фактором» [1, с. 4]. Автор рассматривает грамматическую категорию числа как антропоцентрическую, реализация которой детерминируется таким компонентом, как «сознание наблюдателя». В нашей работе обобщенно-собирающее значение единственного числа существительных анализируется именно с учетом антропоцентрического принципа: важно отношение говорящего к сообщаемому. Рассматриваем возможность толкования позиции говорящего в плане его ориентации на сопричастность сообщаемому, ситуации общения (позиция деятеля) либо дистанцированность (позиция наблюдателя), что обосновывается еще в работе Н. А. Луценко [4, с. 37–38].

Значение обобщения, реализуемое конкретными существительными в единственном числе в предложениях с глагольными сказуемыми (*Тигр ест мясо*), соотносится с характеристикой, безотносительностью к конкретной ситуации. Речь идет о свойстве как способе идентификации подлежащего – обычно по наиболее типичному, отличному признаку: *А я заметил: стриже гнездиться любит Только там, где воздух чист*. В таких предложениях глагол-предикат

выступает со значением не действия, а характеристики, качественной определенности, например: *Голубь хорошо летает* (пример Д. И. Руденко [6, с. 208]). Для данного предложения отметим возможные интерпретации: 1) сообщение о действии птицы, находящейся в поле зрения говорящего (конкретная референция); 2) сообщение о свойстве субъекта (абстрактная референция). Считаем, что именно изменение позиции говорящего будет определяющим для возможной конкретной (активная, деятель) либо абстрактной (инактивная) референции предложениях такого типа (*Собака кусается* и т.п.).

Предполагаем, что ситуацию, обозначенную предложением структуры $N_1 + V_{fin(3,sing)}$, где N_1 – одушевленное существительное со значением обобщения, можно соотнести с ответом на вопрос *Что происходит? Какая сложилась ситуация?* (отсюда – из-за ментальной дистанцированности говорящего – оценка ситуации). Такое же предложение без значения обобщения – это, прежде всего, сообщение о действиях определенного субъекта, то есть вопросом к предложению будет: *Что S делает?* Рассмотрим два возможные прочтения предложения *Читатель ждет книгу*: 1) характеристика ситуации в библиотеке (о многих читателях) и 2) действие одного субъекта. Такое двойственное толкование семантики иллюстрирует корреляцию значений неопределенности и обобщения, определенности и единичности.

Несоотнесенность со сферой говорящего (позиция наблюдателя) выступает определенным универсальным объяснением типам временной нелокализации (А. В. Бондарко [2]) «обычность (узуальность)»: *Старый человек иногда загрустит, а отчего – и сам не*

знает; «вневременная обобщенность (гномичность)»:
Утро вечера мудренее.

Значения определенности как характеристики (и наоборот, характеристики как определенности) соотносимы с опосредованным отношением выражаемого к ситуации общения. Эту опосредованность рассматриваем как проявление инактивной позиции говорящего (наблюдателя), связываем с определенным ментальным дистанцированием говорящего от сообщаемого (табл. 1).

Таблица 1

**Обусловленность значения высказываний
 позицией говорящего**

Активная позиция говорящего (деятель)	Инактивная позиция говорящего (наблюдатель)
Констатация факта действительности <i>Голубь летает тут, посмотри</i> (референтное употребление)	Оценка факта действительности <i>Голубь – птица мирная; Голубь хорошо летает</i> (нереферентное употребление)
Ментальное пребывания говорящего в пределах ситуации общения (сопричастность)	Ментальное дистанцирование говорящего от сообщаемого как условие оценки, терминологизации и квазитерминологизации, генерализации значения.

Считаем, что инактивной позицией говорящего обуславливается использование форм единственного числа существительного в обобщенно-собирательном значении (при обозначении целого класса однородных

объектов): *В нашем лесу растет только сосна, а береза не растет*; а также глобальное обобщение, свойственным пословицам и поговоркам: *Человек человеку друг*.

Перспективным видим объяснение парадоксальных феноменов, связанных с категорией числа, с учетом позиции говорящего.

Литература

1. Архипкина Г.Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа / Г. Д. Архипкина : автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук: спец.10.02.19 – Теория языка. – Краснодар, 2006. – 43 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/kognitivnyye-osnovaniya> (Дата обращения 14.03.2022).

2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А. В. Бондарко. – М.: Языки слав. культуры, 2002. – 736 с.

3. Брусенская Л. А. Обобщенно-собирательное значение форм единственного числа конкретных существительных / Л. А. Брусенская // Русский язык в национальной школе. – 1986. – № 10. – С. 3–7.

4. Луценко Н. А. Грамматические категории в системе и узусе (глагол и имя) / Н. А. Луценко. – Донецк : ДонНУ, 2003. – 202 с.

5. Озерова Н. Г. Семантика формы единственного числа существительных в русском и украинском языках / Н. Г. Озерова // Филологические науки. – 1987. – № 5. – С. 38–43.

6. Руденко Д. И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д. И. Руденко. – Х. : Основа, 1990. – 299 с.

7. Руденко Д. И. О семантике “обобщенного единственного числа” / Д. И. Руденко // Филологические науки. – 1988. – № 2. – С. 47–54.

УДК 811.161.1`373.43

ЛЕКСЕМА «ПИАР» И ЕЁ ДЕРИВАТЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Луценко И.В.,

канд. пед. наук, доцент
кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
филологического факультета
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

***Аннотация.** Лексика тематической группы «пиар» становится общеупотребительной, так как постоянно звучит в средствах массовой информации и обыденной речи. Возникает потребность лингвистического исследования процесса адаптационного иноязычного слова в лексике современного русского языка.*

***Ключевые слова:** заимствование-неологизм «пиар», деривационная продуктивность, словообразовательное гнездо.*

Слово *пиар* распространилось в русском языке с огромной скоростью, породив множество производных. Лексика этой тематической группы прочно вошла в нашу жизнь. Изначально связанная с рекламой, менеджментом и маркетингом, бизнесом и политикой, сегодня эта лексика становится общеупотребительной, так как постоянно звучит в средствах массовой информации и обыденной речи.

Актуальность исследования обусловлена потребностями лексикологии и дериватологии

проследить процесс адаптации нового иноязычного слова в лексике современного русского языка, выявить деривационную продуктивность заимствования-неологизма *пиар*, описать имеющиеся к настоящему времени словообразовательные парадигмы и цепочки в гнезде с вершиной – заимствованием-неологизмом *пиар*. Интенсивное пополнение словарного состава языка новыми словами и активное словопроизводство на их базе являются очевидными факторами, поэтому необходимость их лингвистического исследования представляется нам актуальной.

Объектом исследования являются лексикографические источники и материалы Национального корпуса русского языка, в которых функционирует лексема *пиар*, а также ее производные.

Предметом исследования стали деривационный потенциал лексемы *пиар*, особенности функционирования этой лексемы и ее производных в современном русском языке.

Цель исследования – изучить процессы освоения и развития лексемы *пиар* в современном русском языке, проанализировать деривационный потенциал этой лексемы, описать структурно-семантические особенности словообразовательного гнезда с вершиной *пиар*.

Источниками для сбора фактического материала послужили:

1. Словари:

- «Словарь синонимов» В.Н. Тришина (2013) [9];
- «Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты» М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной (2012) [4];

- «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века» Е.Н. Шагаловой (2011) [10];
- «Новейший большой толковый словарь русского языка» (главный редактор – С.А. Кузнецов) (2008) [7];
- «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина (2006) [6];
- «Современный толковый словарь русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой (2006) [8];
- «Большой толковый словарь русских существительных» под общей редакцией Л.Г. Бабенко (2005) [3];
- «Популярный словарь русского языка: Толково-энциклопедический» А.П. Гуськовой, Б.В. Сотина (2003) [5].

2. Картотека примеров, составленная автором, на основе данных Национального корпуса русского языка.

Теоретическую базу исследования составили работы следующих ученых: Л.Е. Бессоновой, Д.В. Гугунавы, Е.А. Земской, Н.З. Котеловой, М.А. Кронгауза, Л.П. Крысина, Е.С. Кубряковой, Т.В. Поповой, Л.В. Рацибурской, В.И. Теркулова, А.Н. Тихонова, И.С. Улуханова, М.И. Фоминой, Н.М. Шанского и др.

В исследованиях последних десятилетий проблемы неологии – науки о новых словах (М. Эпштейн) – стали объектом активного изучения.

Неоднозначность понятия «нового» в языке приводит к различным подходам в определении неологизмов.

В исследовании мы, вслед за Н.З. Котеловой, под неологизмами понимаем «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за

пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет)» [1, с. 7].

Необходимость обозначения новых реалий – это одна из причин появления в языке заимствований.

В конце XX века одним из наиболее активных и социально значимых языковых процессов оказался процесс заимствования иноязычных слов.

В русском языкознании понятие «заимствованная лексика» не находит однозначного определения. В науке существуют разные точки зрения и подходы к рассмотрению понятия «заимствованная лексика» и «иноязычное слово». Некоторые языковеды считают эти понятия синонимичными, другие их разграничивают.

В нашей работе базовым считаем следующее определение: заимствование – это «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесённая из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой» [2, с. 158].

Заимствованные слова адаптируются к системе русского языка и вступают в словообразовательные отношения, образуя словообразовательные пары, словообразовательные цепочки и формируя словообразовательные гнезда.

Лексема *пиар* является, по нашему определению, заимствованием-неологизмом. Эта лексема продолжает оставаться в «фокусе социального внимания», что

позволяет ей функционировать в различных сферах жизни и в различных стилях языка, расширять свое значение, приобретать различные коннотации, являться производным для новых дериватов.

В исследовательской работе на основе лексикографических источников и примеров употребления лексемы *пиар* и ее производных в Национальном корпусе русского языка нами был изучен деривационный потенциал заимствования-неологизма *пиар* и составлено словообразовательное гнездо с вершиной – заимствованием-неологизмом *пиар*.

Данное словообразовательное гнездо определяем как сильноразвернутое, т.к. оно состоит из 70 дериватов и 1 исходного слова.

С морфологической точки зрения, словообразовательное гнездо с вершиной *пиар* представлено четырьмя частями речи: именами существительными (50 дериватов), глаголами (12 дериватов) именами прилагательными (7дериватов) и наречиями (1дериват).

Производные словообразовательного гнезда с вершиной *пиар* относятся к I–III ступеням деривации.

На I ступени словообразования фиксируется максимальное количество производных – 52. Из них 5 суффиксальных дериватов, 1 – приставочный дериват и 46 композитных образований (сложных слов).

В совокупности по способу словообразования отмечаем 47 композитных производных, 16 суффиксальных и 7 префиксальных дериватов.

Анализ составленного словообразовательного гнезда с вершиной – лексемой *пиар* позволяет сделать вывод о том, что в русском языке образование дериватов от заимствований-неологизмов происходит традиционными, продуктивными для языка способами

аффиксальными (префиксальными и суффиксальными) и словосложением (композиционные дериваты). Способ словосложения, в результате которого образуются композиты, в данном словообразовательном гнезде оказался самым частотным. Это подтверждает общую тенденцию к активному образованию сложных номинаций, свойственную языку последних десятилетий.

Описанные деривационные процессы подтверждают мысль о том, что в аспекте образования новых слов словообразовательная система предоставляет готовые модели, а заимствованное слово подчиняется внутренним законам русского языка.

Литература

1. Котелова Н.З. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований / Н. З. Котелова. – СПб. : Нестор-История, 2015 – 276 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

3. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15000 имен существительных, идеографическое описание, синонимы, антонимы / Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 2005. – 862 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/noun/fc/slovar-207-4.htm#zag-7071>.

4. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 1008 с. – (Фундаментальные словари).

5. Гуськова А.П. Популярный словарь русского языка: Толково-энциклопедический / А. П. Гуськова, Б. В. Сотин. – М. : Рус. яз.-медиа, 2003. – 869 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/popular-rus/fc/slovar-207-2.htm#zag-2479>.

6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2006. – 941 с.

7. Новейший большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт; М. : Рипол классик, 2008. – 1534 с. (Библиотека энциклопедических словарей).

8. Современный толковый словарь русского языка: около 160000 слов [под ред. Т. Ф. Ефремовой] : в 3-х тт. / Т. В. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 699 с.

9. Тришин В.Н. Словарь синонимов [Электронный ресурс] / В. Н. Тришин. – Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index-65.htm>.

10. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: около 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 413 с.

УДК 811

ПРИДНЕСТРОВСКИЕ ТОПОНИМЫ В ЛИРИКЕ А.А. МЕЛЬНИЧУК

Кривошапова Н.В.,

канд. филол. н., доцент кафедры русского

языка и межкультурной коммуникации
филологического факультета Приднестровского
государственного университета им. Т.Г. Шевченко,
г. Тирасполь

***Аннотация.** В статье исследуется топонимическое пространство приднестровского автора А.А. Мельничук в аспекте его структуры и понятийной сферы. Приводятся примеры топонимов разных типов, подчеркивается, что указанные лингвогеографические единицы, соотносясь с реальной действительностью, обладают коннотацией и аксиологической силой.*

***Ключевые слова:** топоним, поэтоним, ойконим, поэтическая топонимика.*

Топономастика (топонимика) – это отдел ономастики, предметом которого являются географические названия мест – топонимы. Под ними мы подразумеваем названия физиографических объектов, населенных и необитаемых человеком, включая названия административных единиц, таких как города и деревни.

Таким образом, в пределах топонимов выделяются: названия населенных пунктов, названия районов местности, горные названия, названия водных массивов, а также городские и сельские наименования. Наряду с правильными топонимами также функционируют топонимические апеллятивы, которые характеризуют объект, не определяя его единичным образом.

Топонимические исследования движутся в направлении вопросов происхождения, типологии имени по отношению к именуемому объекту, формальной и культурной классификации географических имен собственных.

Местные названия, то есть ойконимы или макротопонимы, – это названия городов, деревень, поселений, колоний, сел, хуторов, поселков.

Названия местности, или анойконимы, часто называемые микротопонимами, – это названия мест, необитаемых человеком, например названия полей, лугов, лесов, оврагов, холмов, трактов. Особенностью названий местности является их узкий круг функционирования, ограниченный, как правило, небольшими общинами, в первую очередь сельскими.

Горные названия, или оронимы, – это область исследования, не совсем определенная в литературе, поскольку неизвестно, какие обозначения входят в этот набор имен, а в польских ономастических исследованиях им уделялось сравнительно мало внимания.

Чаще всего к горным названиям относятся: названия отдельных гор, горных цепей, хребтов, горных массивов, вершин, хребтов, склонов, перевалов, а также названия объектов, расположенных в пределах горы или горного массива, например. лесных угодий, лугов, полян, пастбищ, полей, дорог и даже ручьев и водопадов, а также названия любых объектов, находящихся в горном пространстве (например, поселений, сооружений, туристических маршрутов, природных парков и т.).

Имена водные, то есть гидронимы, это названия рек, озер и других водных объектов, которые считаются резервуары и водотоков, как, например, названия морей, глубин, источников, ручьев, рек, в лотках открытых и подземных вод, бухт, русла рек, водопадов, а также озер, прудов, болот.

Наряду с гидронимами выделяются и гидронимические апеллятивы, характеризующие

водный объект, но не идентифицирующие его; это, например, такие слова, как: река, пруд, озеро, струг, канал, колодец, родник, болото

Другая из наиболее важных категорий имен, изучаемых топономастикой, включает городское именование, т. е. названия объектов, входящих в состав города, например названия площадей, скверов, улиц, проспектов. Что касается этой проблематики, то действуют многие термины: топонимия города, платеономия, урбанонимия, ходонимия.

Долгое время топонимика наряду с антропономастикой упоминалась как одни из основных отделов ономастики. Первоначально основное внимание уделялось названиям населенных пунктов, что было связано с интересом к истории поселения. Благодаря топонимическим исследованиям мы можем обнаружить архаические формы и значения, которые не сохранились в апеллятивном ресурсе или не были зарегистрированы в исторических текстах.

Анализируя художественный текст, более уместно говорить о поэтонимах. Под термином «поэтическая топонимика» мы понимаем полную совокупность географических названий в том или ином художественном литературном произведении с учетом их происхождения, смыслового значения, развития, современного состояния, написания и произношения, а также принципов создания топонимов, их стиля, функционирования в тексте, восприятия читателем, а также мировоззрения и эстетических установок автора.

Как мы писали ранее, топонимы участвуют в создании образов героев, формируют художественное время и пространство, характеризуют национально-культурные особенности определённой эпохи... Данные лингвокультуры, являющиеся топонимами, помогают

передать информацию содержательно-фактуального типа, формируют художественное время и пространство.

Топонимы выполняют фоновую функцию, функционируют в качестве фона изображаемых в романе событий, а также делают описание зрительно-ощутимым и рельефным. [3, с. 374-381].

Мы придерживаемся той точки зрения, что топонимы, как и имена собственные, способны выражать национальную или иноязычную специфичность.

Кроме того, состав и сочетание видов топонимов зависят от социальных взглядов и эстетической позиции автора художественного произведения, от общей культуры писателя и культуры той среды, в которой живут персонажи. Топонимы должны быть понятны читателю и, вместе с тем, определять мировоззрение и кругозор самого автора [4, с. 20-25].

Топонимы и их классы сопровождают нас повсюду, в том числе, в стихотворных произведениях.

Географические названия встречаются с самого детства, без них человеку не обойтись. Сельские жители обычно ориентируются на местности при помощи знакомых им названий урочищ. Горожане чаще всего употребляют в своей речи названия улиц, остановок, микрорайонов.

Географические названия особенно необходимы работникам связи и транспорта. Без таких названий мы не могли бы разобраться в событиях, которые происходят в различных уголках Земли и о которых ежедневно нас извещают интернет, телевидение, газеты, радио.

Язык – бесценное сокровище народа, выражающее его характер, специфику. Все то, что мы унаследовали

от предков, то ценное, что мы приобретаем сегодня, находит отражение в названиях родных мест.

Наименования населенных пунктов и местностей представляют собой богатый и ценный источник познания и изучения истории, языка и культуры народа. В них отражены различные стороны материальной и духовной жизни людей: образы, традиции, обычаи, верования, занятия. Под населенным пунктом понимают не только место проживания людей, но и его географическое положение, особый архитектурный облик и, конечно, имя – название [4, с. 4].

Особый интерес представляет история происхождения названий поселений: городов, сел, поселков, хуторов, станций, особенно Приднестровской Молдавской республики, территориально являющейся далеким российским рубежом в разные исторические эпохи.

В нашей работе мы рассмотрим топонимическое пространство приднестровской поэтессы Аллы Мельничук, проживающей в Приднестровье, а именно, познакомимся с ее стихотворениями на русском языке. Нами проанализировано около сотни стихотворений, взятых с Интернет-ресурса <https://stihi.ru/> и персональной страницы поэта <https://www.facebook.com/alla.melnichuk.37>

К приднестровским топонимам относятся следующие:

- ойконимы Тирасполь, Бендеры (Родному Тирасполю; Наш Тирасполь; Гимн Тирасполя; многострадальные Бендеры);

- гидроним Днестр и его производные (Берег днестровский, дубравы зелёные);

- урбанонимы Собор Рождества Христова, Мемориал Славы, памятник Пушкину, памятник

Суворову, на Гражданской, улица Покровская (Тирасполь. Собор Рождества Христова; Тирасполь. Мемориал; Будем драться на Гражданской?);

• хороним Приднестровье и образованные от него прилагательные (Наш край приднестровский, поля и равнины; Памяти защитников Приднестровья) [1], [2].

Есть в лирике и другие топонимы зарубежного характера: Россия, Штаты, Кишинев, Москва, Европа. Их гораздо меньше, чем приднестровских. Синтагматически к Приднестровью тяготеет Россия и всё, что с нею культурно связано: Россия-матушка, родная Россия, Приднестровье – это Россия, Суворов, Пушкин. Присутствует и тоска по великой стране, Советскому Союзу. Ряд стихотворений так и называется СССР.

Хоронимы Европа, Штаты, ЕС, «дядюшка Сэм» автором считаются антонимичными по отношению к родному краю и его дальнейшему развитию [1], [2].

У А.А. Мельничук каждый топоним окружен лексемами. Оттого, какие части речи окружают тот или иной топоним, мы видим, как преобразуется топонимическое пространство лирического произведения.

Автор предпочитает демонстрацию денотативного компонента топонима, указывая его в названии или первой строчке стихотворения, например, «Тирасполь. Мемориал». Но всё же для манифестации коннотативного компонента онима, для создания экспрессии топонимы сопровождаются именными частями речи: Родной Тирасполь, Моему Тирасполю, Гимн Тирасполя [1], [2].

Таким образом, синтагматическое поле приднестровских топонимов носит положительную окраску, придавая яркость стихотворениям и располагая

читателя к более детальному знакомству с Приднестровьем и его топонимическими объектами, а также с творчеством самой поэтессы.

Стихотворения А.А. Мельничук имеют и аксиологическое значение, так как благодаря использованным в лирике топонимам, читатель расширяет свой лингвогеографический кругозор, исторические познания.

Топонимическая карта, построенная на материале лирических произведений А.А. Мельничук, говорит о том, что приднестровских топонимов в исследованных текстах более 72%. Остальная часть – это зарубежные топонимы.

Следовательно, топонимическое пространство лирики Аллы Мельничук формируется как из приднестровских топонимов, так и из зарубежных.

Поэтесса характеризует Приднестровский край словами, словосочетаниями и выражениями, придающими Приднестровью яркий, самобытный, светлый образ доброй гостеприимной земли, с богатой историей и культурными традициями.

Литература

1. Алла Мельничук. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/>. (Дата обращения 10.04.2022).

2. Алла Мельничук. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/alla.melnichuk>. 37. (Дата обращения 10.04.2022).

3. Кривошапова, Н.В. Топонимы в романах Е.Г. Водолазкина как источник лингвокультурной информации / Н.В. Кривошапова // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах: Сборник статей Международной научно-практической конференции

молодых ученых, Москва, 23–24 сентября 2019 года / Под общей редакцией В.М. Шаклеина. – М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – С. 374-381. – EDN КЕОХSM.

4. Милова Н.В. Лингвокультурологический анализ топонимов трех поэм Парканского периода Атанаса Стоева / Н. В. Милова // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 1(40). – С. 20–25. – EDN WMPUJB.

5. Топонимическая азбука Приднестровья. Справочное пособие /сост. В.Г. Фоменко, И.В. Мисякова и др. – Тирасполь: ГОУ ДПО «ИРОиПК», 2018. – 40 с.

УДК 811.161.1'42
ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ *ТЫ-ВЫ*

Катрецкая Д.С.,
магистрант 1 курса
направления подготовки
«Отечественная филология.
Русский язык и литература»
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
г. Луганск

Аннотация. В данной статье раскрываются дискурсивные характеристики личных местоимений ты–Вы. Проведено исследование употребления форм местоимения ты–Вы в художественном творчестве русских авторов. Делается вывод о том, что замена одной формы местоимения на другую является показательным знаком

изменений в социальном статусе собеседников, в их эмоциональном и психологическом взаимодействии.

Ключевые слова: *дискурсивные особенности, прагматика, речевой этикет, местоимения ты–Вы.*

Дискурсивная семантика местоимений *ты, вы* связана с фактором адресата и адресанта, с их речевым взаимодействием [11, с. 24].

Личные местоимения имеют связь с самоназваниями и названиями собеседника, поэтому актуальным является рассмотрение этих местоимений в прагматическом аспекте, то есть изучение отношения знаков к субъектам, которые их производят и интерпретируют.

Выбор *ты, вы* или *Вы* маркируется как значимый не столько в личностном отношении, сколько в социальном, информирующем о статусных признаках, общающихся [11, с. 24].

Цель данной статьи – изучение дискурсивных особенностей личных местоимений *ты–Вы*.

В ходе исследования была изучена соответствующая литература и выяснено, что в русском языке первоначально было только обращение к субъекту в форме единственного числа – «ты».

Русскоговорящий человек ко всем святым обращался, используя местоимение «ты», что нашло отражение в молитвах: «...хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...» [12, с. 62].

Профессор П.Я. Черных отмечает, что первоначально местоимения «Вы» встречаются только в дипломатической переписке и только по отношению к русским царям, на что наводят такие выражения, как

«ваше господство», «к вашей милости», «к вашей высокости» и т.д. [10, с. 10].

Исследователи утверждают, что форма обращения «Вы» в XVIII веке ощущалась как искусственная, маркированная.

Обращение на «Вы» можно назвать внешним, поскольку оно воспринимается как знак обязательного этикета, который необходимо соблюдать, независимо от своего действительного отношения к собеседнику. Форма «ты» – внутренняя. Она остается первичной, той, которую используют в быту.

«Любопытную прагматическую функцию выполняет местоимение *вы* в устах носителя *ты* панибратского или *ты* хамского. Носитель *ты* панибратского маркирует таким несвойственным ему почтительным обращением свой более низкий по сравнению с адресатом социальный (в частности, образовательный) статус, а носитель *ты* хамского – свой более низкий статус в административной иерархии» [1, с. 153].

Исконными же являются ты-формы общения. И в современном употреблении местоимение адресата ты имеет множество функций.

Ю.Д. Апресян отмечает употребление *ты* вне диалога, т.е. в ситуациях мнимого адресата, не способного вступить в общение и дать ответ. Такова «адресация» при риторических обращениях: *О Русь!*, *Многоуважаемый шкаф* и т.д. как авторский прием в художественном тексте. Подобное же употребление можно наблюдать в призывах, плакатах, рекламе и т.п., типа: *Что ты сделал для победы?*; *А ты подписался на «Комсомольскую правду?»* Ты возникает при мысленном общении с человеком, угрожают ли ему или объясняются в любви: *Вот я тебе покажу!*; *Ты у меня*

попляшешь!; *Ах ты мой хороший* – и под., даже если это начальник, к которому в межличностном общении адресуются на Вы [1, с. 152].

Обращение – категория речи, способная влиять на собеседника, то есть производить на него приятное или неприятное впечатление. Как отмечает В.Е. Гольдин, «обращение следует считать языковой универсалией, поскольку неизвестны языки, которым это явление было бы не присуще» [4, с. 114]. К обращению относится большое количество языковых единиц: личные имена и местоимения, номинация родства, наименования социальных статусов и ролей.

Л. Вингенштейн – сторонник концепции абсолютизации прагматического аспекта языка – считает, что главная цель языка не в том, чтобы называть предметы и не для того, чтобы выражать ментальные состояния, а для предоставления людям возможности совместной деятельности, которая регулируется определенными правилами [3]. Теория речевых актов исследует прагматический аспект языка в другом направлении: главным в языке является его прагматическая, коммуникационная функция. То есть употребление тех или иных языковых средств во многом зависит от сознания субъекта языковой деятельности.

Изначально в русском языке было только обращение к субъекту в форме единственного числа – «ты». Такое обращение было повсеместным и социально нейтральным и использовалось в отношениях с абсолютно любым человеком независимо от его возраста и социального статуса. Первые случаи вежливого обращения с использованием «Вы» относятся к XV веку. В XVIII веке использование обращения «Вы» распространилось из дипломатической

переписки в другие сферы официального и неофициального общения русскоговорящих людей. Обращение на Вы в итоге стало своеобразным знаком официальной вежливости. К прагматическим факторам можно отнести также социокультурные нормы речевого этикета, которые влияют на характер осмысления высказывания. При обращении к собеседнику используются различные местоимения и формы слов в зависимости от социолингвистических факторов. Наиболее распространенным разграничением является формальное обращение и неформальное. В письменной речи местоимение «вы» зачастую адресуется определенному собеседнику и пишется с заглавной буквы. Обращение с применением местоимения «ты» считается неформальным. Для краткости формальное обращение часто называют «обращение на вы», неформальное – соответственно «обращение на ты», однако стоит отметить, что данное разграничение не является однозначно правильным и не всегда соответствует действительности.

Во времена правления Петра I, когда обращение на «Вы» к вышестоящему по чину было закреплено официально, в обращении представителей низшего социального слоя к высшему данная форма воспринималась как естественная. Например, в комедии В.И. Лукина «Мот, любовью исправленный» дядька Василий обращается к своему господину так: «Сам бог за ваше обращение дядюшку к жалости склонит, а ежели вы к нему и не поедете, так я от вас не отстану ж...» [5, с. 252].

При этом в XVIII веке форма «ты», привычная для интимно-бытового общения, оставалась в обращениях к Богу. Например, в произведениях М.В. Ломоносова: «В тебе надежду полагаю, / Всесильный господи,

всегда....» [6, с. 208] и императрице: «Владеешь нами двадцать лет, / Иль лучше, льешь на нас щедроты, / Монархиня, коль благ совет / Для россов вышня доброты...» [6, с. 169].

Проанализировав русскую литературу, можно заметить неоднозначность выражения в ней формы «Вы». Наиболее ярко это прослеживается в случаях смены обращения «ты–Вы». В пример приведем еще два отрывка из комедии В.И. Лукина «Щепетильник», которые показывают определенное разделение в сознании человека. Когда Щепетильник думает о Самохвалове: «Для того, что ты кроме ни к чему годных безделюшек, еще ничего не написал и не перевел» [7, с. 118]. Когда Щепетильник обращается к Самохвалову: «Да какие же книги вы читаете, на своем языке, или?...» [7, с. 118].

Таким образом, видим, что Щепетильник на самом деле не имеет уважения к Самохвалову, и поэтому во внутренней речи определяет его местоимением «ты». Однако при встрече он предпочитает форму обращения «Вы», поскольку это регламентировано правилами хорошего тона. При этом это внешнее «Вы» находится в непосредственной близости к внутреннему «ты» и приобретает откровенно издевательское звучание.

Разделение местоимения «ты–Вы» в сознании людей того времени нашло отражение во многих произведениях. Существуют даже литературные тексты, в которых противопоставление «ты–Вы» отражено в названии, отмечая так влияние смены местоимений на смену отношений между собеседниками. Одним из примеров такого текста может служить стихотворение Я.Б. Княжнина «Ты и вы. Письмо к Лизе», написанное в 1786 году. В нем форма «Вы» является знаком нового высокого положения адресата, которым выступает

супруга генерала. Обращение на «Вы» подчеркивает границы, которые отделяют ее от прошлого окружения: «О ты! которую теперь звать должно – Вы, / С почтеньем, с важностью, с уклонкой головы; / О прежняя Лиза, ты!.. / Вы барыня уж ныне. / Скажите, так ли Вы в сей счастливы судьбине, /... / Воспомните, как Вы была лишь только ты, / Еще не знающая величия мечты...» [8, с. 767].

Еще одним примером является творчество А.С. Пушкина. В его литературных произведениях можно встретить четкий переход «ты–Вы».

По определению А.С. Пушкина, обращение «ты» является «сердечным», а внешнее «Вы» – «пустым». В знаменитом пушкинском стихотворении «Ты и Вы» видим выбор в употреблении местоимения «ты–Вы»: «Пустое вы сердечным ты / Она, обмолвясь, заменила, / И все счастливые мечты / В душе влюбленной возбудила. / Пред ней задумчиво стою; / Свести очей с нее нет силы; / И говорю ей: «как вы милы!» / И мыслю: «как тебя люблю!» [9, с. 100].

Итак, проведенный анализ дискурсивных особенностей личных местоимений «ты-вы» в художественном тексте позволяет сделать вывод, что замена одной формы местоимения на другую является показательным знаком изменений в социальном статусе собеседников, в их эмоциональном и психологическом взаимодействии.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Ахматова А. Лирика / А. Ахматова / сост. и предисл. А. Марченко. – М. : Эксмо, 2011. – 384 с.

3. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М. : Наука, 1994. – Часть I. – 326 с.
4. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. – М. : Издательство Саратовского университета, 1987. – 127 с.
5. Западов В. А. Русская литература XVIII века. 1770-1775 : хрестоматия / В. А. Западов. – М. : Просвещение, 1979. – 447 с.
6. Ломоносов М. В. Избранные произведения / М. В. Ломоносов. – М. : Советский писатель, 1965. – 578 с.
7. Лукин В. И. Щепетильник / Русская комедия и комическая опера XVIII в. / В. И. Лукин / ред. текста, вступит. ст. и коммент. П.Н. Беркова. – М.–Л. : Искусство, 1950. – 736 с.
8. Княжнин Я. Б. Избранные произведения / Я. Б. Княжнин / вступ. ст., подг. текста и примеч. Л.И. Кулаковой. – Л. : Советский писатель, 1961. – 769 с.
9. Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы / А. С. Пушкин. – М. : Литрес, 2019. – 137 с.
10. Савчук Т.Н. Речевой этикет в русских и белорусских народных сказках: дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Савчук. – Минск, 1995. – 21 с.
11. Синельникова Л. Н. Дискурсивная семантика личных местоимений / Л. Н. Синельникова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2829> (дата обращения: 11.09.21).
12. Формановская Н.И. Вы сказали: «Здравствуйте!». Речевой этикет в нашем общении / Н. И. Формановская. – М. : Знание, 2014. – 160 с.

**ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО НОВЫХ
СМЫСЛОВ.
КОДЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ИХ
ТРАНСЛЯЦИЯ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ**

УДК 811'42:001

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА НАУЧНОГО ТЕКСТА**

Миргородская А.Ю.,
к. филол. н., доцент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий,
г. Луганск

***Аннотация.** В статье определены типы и разновидности коммуникативно-прагматической специфики научного текста, описана модель композиционной организации первичных научных текстов. Особое внимание автор уделяет изучению компонентов эпистемической ситуации как экстралингвистической основы коммуникации. Рассмотрены особенности составления эталонного научного текста, а также прагматические установки, способствующие правильному восприятию информации.*

***Ключевые слова:** научный текст, эпистемическая ситуация, прагматические установки, гипотетичность, аргументирование.*

Современная лингвистика характеризуется тем, что в ней структурно-языковая парадигма сменяется функциональной, представляющей коммуникативный подход к языковым явлениям. Исследование научного дискурса проводится с помощью различных подходов, в работах Е.А. Баженовой, М.Н. Кожинной,

М.П. Котюровой, Е.М. Крижановской, Е.С. Троянской проводится рассмотрение базовых экстралингвистических факторов, влияющих на процесс создания научных текстов. Содержательно-смысловая структура научного текста проявляется «в возможности объективации в ней, отражения не только собственно фрагмента действительности (денотата, в узком смысле – вещи, факта), но и процессов коммуникативно-познавательной (когнитивной) деятельности субъекта, как и структуры самого знания, а также – шире – социокультурного контекста» [7, с. 86]. Таким образом, структура смыслового содержания научного текста обусловлена особенностями когнитивной деятельности автора в определенной области научного знания.

Актуальность исследования состоит в характеристике коммуникативно-прагматической структуры научного текста, представляющей собой сложное единство, состоящее из коммуникативно-информационного содержания и прагматического содержания. Первое из них соотносится с отображенной в тексте структурой научного исследования, выявляет этапы когнитивной деятельности ученого и реализует отношение субъекта познания к объекту познания. Второе – характеризует отношения между автором и читателем, осуществляет воздействующий потенциал научного текста.

Цель исследования состоит в анализе коммуникативно-прагматических особенностей научного текста, а также в характеристике экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на процесс текстообразования.

Достижение поставленной цели обуславливает выполнение ряда задач:

- определить типы и разновидности композиционно-прагматических элементов научного текста;

- охарактеризовать компоненты эпистемической ситуации как экстралингвистической основы научной коммуникации;

- проанализировать составляющие эталонного научного текста.

Научный текст характеризуется тем, что в нем смысловая структура, соотнесенная с процессом научного мышления, подчинена внешней форме, которая в свою очередь является каноничной и унифицированной. Следовательно, план выражения научного текста становится важным аспектом в интеграции новой информации в систему современного знания. Включение нового открытия в коммуникативно-познавательный ряд научного дискурса возможно при условии характерной для него текстовой организации. Учеными выявлены и описаны стандартизированные компоненты и языковые средства, с помощью которых оформляются типичные смыслы в научном тексте.

Для определения структурных особенностей целого текста используют два термина – архитектоника и композиция. Архитектоника анализирует текстовое целое в русле формально-грамматического подхода (раздел, абзац, сложное синтаксическое целое), композиция предполагает подход к тексту со стороны его содержательного (смыслового) наполнения [8, с. 68].

Этапы представления нового знания (от формулировки проблемы или гипотезы к доказательству и выводам) могут быть представлены как последовательность композиционных единиц, в работах Е.М. Крижановской они названы «коммуникативными блоками» [6], в работах В.Е. Чернявской –

«композиционно-прагматическими сегментами» [8]. Так, примерную модель композиционной организации первичных научных текстов можно описать как совокупность следующих элементов: характеристика предмета исследования, формулировка актуальности и новизны работы, постановка целей и задач, экспериментальная часть (анализ, обобщение, описание полученных данных), выводы, обоснование перспектив дальнейшего исследования. Эти элементы представляют композиционное, содержательное наполнение научного текста.

Исследование семантических связей в научном тексте происходит с учетом экстралингвистических факторов, таких как «тип мышления, природа научной деятельности, формирования научного знания» [8, с. 69]. Экстралингвистические факторы, влияющие на процесс научного познания и текстообразования, синтезированы в понятии эпистемическая ситуация. М.П. Котурова эпистемическую ситуацию рассматривает как «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих закономерное влияние на формирование научного текста и определяющих его стилевую специфику [5, с. 47–48].

Системность познавательной деятельности, таким образом, проявляется в ряде компонентов, влияющих на дальнейшее текстообразование, в результате которого когнитивное преобразуется в коммуникативное. Среди компонентов: 1) онтологический, связанный предметным, понятийным освоением знаний; 2) методологический, характеризующий способы

получения знания; 3) аксиологический, представляющий оценку предшествующего и нового знания, его новизну, актуальность; 4) рефлексивный, утверждающий личностный характер познавательной деятельности ученого, так как «отсутствие личностных моментов не просто лишает научный труд обаяния индивидуальности, но и приводит к ощутимым потерям в содержательном плане» [1, с. 66]. Е.А. Баженова предлагает объединить аксиологический и рефлексивный компоненты, поскольку «оценочная деятельность ученого является частью его рефлексии» [2, с. 26].

«Коммуникативно-прагматический компонент эпистемической ситуации соотносится со сложным и многогранным процессом перестройки всех экстралингвистических факторов познавательной деятельности в собственно лингвистические, т. е. текстовые, ибо научный текст – это узел, связывающий познание и общение воедино» [5, с. 49]. Основной целью научных текстов является изменения взглядов адресата на предмет исследования или увеличение объема известной ему информации.

Эталонный научный текст должен быть составлен автором так, чтобы создать разнообразную, информационно насыщенную структуру, которая, поэтапно представляя научную информацию, оказала бы влияние на адресата. Если рассматривать научный текст как диалог между автором и читателем, то основная прагматическая задача, которую решает автор в процессе написания научного текста, заключается в поиске оптимального равновесия между информативной насыщенностью текста и его коммуникативной доступностью [5, с. 50]. Интенциональность текста может не совпасть с его прагматикой, так как то, что

закладывает в текст автор, читатель может не воспринять. В этом случае сообщение не является эффективным, поскольку продуктивная коммуникация возможна между адресантом и адресатом только при совпадении их стилистик [4].

Предметным содержанием научного знания является терминологический аппарат, как упорядоченная система понятий. Эталонный научный текст должен характеризоваться разнообразием способов толкования. Согласно типологии, представленной в работе М.П. Котьюровой [5, с. 54–55], может применяться: прямая дефиниция, вольное толкование, встраивание термина в синонимический ряд, этимологическая справка, попутное определение, заключенное в скобки.

Прагматические характеристики научного текста проявляются в особенностях его организации, чередовании известной и новой информации, имитации развертывания и решения проблемы, вариативных повторах, акцентировании внимания на основополагающих тезисах. Эти прагматические установки способствуют правильному восприятию научного знания, синхронизации мышления автора и читателя, вследствие поэтапного раскрытия хода мысли ученого. Так, в научный инструментарий введена категория гипотетичности [3], связанная с законами научного мышления и текстообразования, отражающая динамику научного знания от предполагаемого к подтвержденному.

Коммуникативная стратегия аргументирования может реализовываться с помощью разных тактик, например, различных типов доказательства (рассуждения, опровержения, объяснения), метафоризации, аналогии, классификации, иллюстрации

данных. В гуманитарных науках применяется неформальное доказательство, «гипотеза получает обоснование с помощью утверждений, обладающих наибольшей очевидностью» [5, с. 66]. Аргументирование может состоять из ссылок на авторитетный источник, актуализирующий и подтверждающий выводы автора, содержать обзор фактического материала. Связность такого научного текста представлена союзами (поскольку, так как, вследствие чего, в связи с), вводными конструкциями (во-первых, итак, например, таким образом). Вопросно-ответные комплексы также применяются на этапе доказательства, в вопросе может выражаться диалогичность научного знания, множественность подходов к исследованию, дискуссионность изучаемого вопроса. Ответ, таким образом, демонстрирует принципиальную позицию автора, в ходе размышлений которого идет разрешение поставленной проблемы и, что самое главное, производится вовлечение читателя в совместное осмысление вопроса и поиска ответа на него.

Таким образом, объектную сторону научной деятельности представляют онтологический и методический компоненты эпистемической ситуации, а субъектную – рефлексивный и коммуникативно-прагматический компоненты. Коммуникативно-прагматической задачей научного текста является расширение объема известной адресату информации или изменение его взглядов на предмет исследования. Эталонный научный текст должен быть составлен автором так, чтобы создать разнообразную, информационно насыщенную структуру, а также обеспечить оптимальное равновесие между

информативной наполненностью текста и его коммуникативной доступностью.

Литература

1. Архангельская А.С. К проблеме индивидуального стиля в научных исследованиях / А.С. Архангельская // НТР и развитие художественного творчества. – 1980. – С. 62–75.

2. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте / Е.А. Баженова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – Вып. 5. – С. 24–32.

3. Бедрина И.С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах : автореф. ... дис. канд. филол. наук. : 10.02.04 / Бедрина Ирина Сергеевна. – Одесса, 1993. – 19 с.

4. Клушина Н.И., Малыгина Л.Е. Стилистика научной речи и редактирование учебно-методических материалов. Учебное пособие для учителей и педагогов системы среднего образования / Н.И. Клушина, Л.Е. Малыгина. – М. : Меринос, 2018. – 120 с.

5. Котюрова М.П. Культура научной речи : текст и его редактирование : учеб. пособие / М.П. Котюрова, Е.А. Баженова. – 2 е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 280 с.

6. Крижановская Е.М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Крижановская Елена Мечиславовна. – Пермь, 2000. – 260 с.

7. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. / Под ред. М.Н. Кожинной. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та. Т.2 : Стилистика научного текста (общие параметры). Ч.1. – 1996. – 379 с.

8. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста : Учебное пособие / В.Е. Чернявская. – Изд. 4-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 128 с.

УДК 811'42:001

СИСТЕМА ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Миргородская А.Ю.,

к. филол. н., доцент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий,
г. Луганск

Понасенко А.В.,

к. филол. н., доцент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий,
г. Луганск

***Аннотация.** В статье описана специфика экстралингвистических факторов, влияющих на создание научного текста. Особое внимание автор уделяет анализу комплекса языковых средств, характеризующих познавательную деятельность со стороны способов получения, развития и обоснования научного знания. Рассмотрены средства выражения рациональной и иррациональной, категоричной и некатегоричной оценочной позиции автора в научном тексте.*

***Ключевые слова:** научный текст, экстралингвистические факторы, гипотеза, обоснование, оценочность*

Функционально-стилистические исследования являются актуальными для изучения научного текста,

поскольку углубляют понимание речевой системности и отражают механизмы текстообразования. В работах отечественных ученых изучена концепция экстралингвистических факторов научного текста, связанных с онтологическим, методологическим и аксиологическим компонентами научного знания. Каждый из этих компонентов, получая отражение в научном тексте, обуславливает стилистическую специфику смысловой структуры целого. Исследованием подобного подхода в разное время занимались Е.А. Баженова, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, Е.С. Троянская. Адекватным описанием смысловой структуры текста является такое, которое учитывает экстралингвистические факторы, внешние по отношению к текстообразованию, но внутренне связанные с конкретным содержанием научного знания [4, с. 92].

Актуальность исследования состоит в описании специфики экстралингвистических факторов, влияющих на создание научного текста, смысловая структура которого не сводится к набору грамматических единиц (слов, предложений, сверхфразовых единств), а характеризуется с учетом экстралингвистических параметров познавательной деятельности.

Цель статьи состоит в описании системы экстралингвистических факторов научного текста. Достижение поставленной цели обуславливает выполнение ряда задач:

- охарактеризовать типологию экстралингвистических факторов, обуславливающих порождение научного текста;
- проанализировать комплекс языковых средств, характеризующих познавательную деятельность со

стороны способов получения, развития и обоснования научного знания;

- выявить средства выражения оценочной позиции автора в научном тексте.

О взаимосвязи онтологического, методологического и аксиологического компонентов, составляющих эпистемическую (коммуникативно-познавательную) ситуацию, в своих трудах заявляла М.П. Котюрова. По мнению авторитетного ученого, исключение из системы одного из компонентов ведет к изменению «объективных закономерностей получения научного знания и его выражения в тексте» [2, с. 6]. Также следует отметить, что компоненты эпистемической ситуации не проявляются изолированно, а непосредственно взаимодействуют между собой в научном тексте. Для удобства функционально-стилистической интерпретации их рассматривают отдельно.

Онтологический компонент отражает научное осмысление факта или явления на основе исходных и уточняющих понятий. Понятийная система встраивается в текст с помощью различных способов толкования при сохранении точности и однозначности содержания. Подобное осмысление фактов или явлений становится исходным материалом для составления коммуникативно полноценного научного текста. На этом этапе особое значение приобретают методологический и аксиологический компоненты, что обуславливается субъективными характеристиками автора.

Стратегическая функция методологии заключается в развитии научной идеи от постановки проблемы к обоснованным выводам. В научном тексте отображается не только результат исследовательской деятельности, но

и динамика его получения. Как утверждают ученые, «методологически выверенная структура познавательного процесса является существенным экстралингвистическим фактором, обуславливающим смысловое развертывание научного произведения» [5, с. 59].

Структура научного текста характеризует основные этапы развертывания познавательного процесса, задает правильный ракурс для чтения, способствует постижению идеи исследователя, облегчает целостное восприятие информации. Логическая последовательность изложения обуславливается «фактором адресата» [1, с. 358], необходимостью воздействовать на читателя, аргументированно представить обоснование своих теорий.

Гипотеза как научное предположение, определяющее вероятный ответ на проблемный вопрос, может быть выражено в тексте многочисленными языковыми средствами, среди них существительные: проблема, задача, вопрос. Например: «*Проблема* духовности остаётся трудной и нерешённой, несмотря на большое количество попыток её решения» [3, с. 138]; «Для этого были поставлены следующие *задачи*» [3, с. 19]; «*Вопрос* происхождения синкретических форм долгое время остаётся дискуссионным (на уровне грамматики)» [3, с. 40].

Гипотеза маркируется также специальными конструкциями, предназначенными для выражения предположительности, например: «Так как гидронимика является частью топонимики, *можно предположить*, что общие принципы анализа гидронимов подпадают под систему принципов анализа топонимов, хоть и имеют свои особенности» [3, с. 71]. Большой ресурс

средств выражения гипотетичности представляют вводные слова: *по всей видимости* [3, с. 115], *очевидно* [3, с. 6], *вполне вероятно* [3, с. 115], *возможно* [3, с. 145], *на наш взгляд* [3, с. 99].

На этапе обоснования гипотезы используются многочисленные лексико-грамматические и синтаксические средства. К ним относятся:

1. Аргументативные глаголы, например: *важно отметить* [3, с. 22]; *стоит отметить* [3, с. 31]; *дает основания утверждать* [3, с. 31]; *даёт возможность утверждать* [3, с. 41]; *обосновывается* [3, с. 42]; *можно констатировать* [3, с. 45]; *следует отметить* [3, с. 50]; *необходимо отметить* [3, с. 91]; *позволяет утверждать* [3, с. 111];

2. Клишированные конструкции с причинно-следственной семантикой, например: *что свидетельствует о* [3, с. 55]; *обусловлено тем, что* [3, с. 112]; *это связано с тем, что* [3, с. 128]; *о чем свидетельствует* [3, с. 103]; *следует, что* [3, с. 114].

3. Союзы и союзные аналоги, выражающие причинные, следственные, уступительные, целевые и другие отношения между суждениями, что характерно для сложноподчиненных предложений с придаточной частью:

причины (*так как, поскольку, потому, что*), условия (*если..., то; если..., тогда*), уступительной (*несмотря на то, что...*). На этапе обоснования гипотезы используются предложения, осложненные: 1) причинно-следственными отношениями, показателем служат союзы: *поэтому, в связи с тем, что..., значит;* 2) сопоставительно-противительными отношениями, показателем служат союзы: *но, однако.*

Следующим этапом после обоснования является формулировка вывода, логично и убедительно

отображающая концепцию автора. Чаще всего вывод представляет собой высказывание обобщающего характера, выражающее исход научного поиска и подводящее итог рассуждениям. Формулировка вывода содержит конструкции, характеризующие отношения следования: *в результате исследования выявлен* [3, с. 11]; *приводит к выводу о том, что* [3, с. 11]; *констатируем, что* [3, с. 25]; *все вышеуказанное дает основания утверждать, что* [3, с. 31]; *возможность утверждать, что* [3, с. 41]; *можно констатировать, что* [3, с. 45]; *мы пришли к выводу, что* [3, с. 51]; *можем сделать вывод о том, что* [3, с. 60]; *позволяют сделать вывод о том, что* [3, с. 67]; *позволяет утверждать, что* [3, с. 111]; *исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что* [3, с. 126]; *полученные результаты показывают, что* [3, с. 135]; *из этого следует, что* [3, с. 146].

Подобные конструкции характерны для формулировки вывода, являясь типичными для первичных жанров научного дискурса. Поскольку вывод квалифицируется как обязательная часть научного текста, к нему предъявляется ряд требований, на основе которых создается впечатление о важности и значимости полученных результатов. Выводы должны основываться на истинности, достоверности, уместности, аргументированности и представлять логический итог представленного исследования.

Следует отметить, что существенным параметром эпистемической ситуации становится оценочность, характеризующая аксиологический компонент. Связан он с ценностной ориентацией автора в потоке научной информации: устоявшимися концепциями, авторитетными трудами, современными разработками. Оценочная природа познавательной деятельности

позволяет исследователю провести поиск, отбор и характеристику известного знания.

В научном тексте оценочная позиция автора может быть реализована: рационально или иррационально, категорично или некатегорично, позитивно или негативно, эксплицитно или имплицитно.

Рациональная оценка основана на разуме, логике, соответствии стандарту, нормам и требованиям, предъявляемым к научному тексту. В рациональной оценке чаще всего отображаются признаки новизны, актуальности, значимости и достоверности, обоснованности, уместности, оригинальности. Иррациональная оценка знания не выражается в логически обоснованных формулировках, поскольку связана эмоциональной реакцией автора. Такая оценка может выражать одобрение, раздражение, восхищение, удивление, осуждение. Как считают эксперты, в научных текстах иррациональная оценка составляет менее 5 % всех оценочных средств, она характерна в большей степени для текстов полемического характера.

Стандартное оценочное содержание научного текста выражается с помощью разнообразных лексических средств:

– существительных, например: «*актуальность* изучения» [3, с. 5]; «*новизна* работы» [3, с. 5]; «*поиски* новых реализаций» [3, с. 39]; «*глобальность* процессов» [3, с. 47]; «*преимущества* использования» [3, с. 123];

– прилагательных, например: «отбор языкового материала для анализа проводился из наиболее *авторитетного* словаря» [3, с. 5]; «в силу *объективных* причин» [3, с. 37]; «*важный и актуальный* для русской национальной культуры» [3, с. 96]; «при *непоследовательном* разграничении» [3, с. 98];

«*неправильная* идентификация референта» [3, с. 28];
«*незначительный* объём» [3, с. 120];

– наречий, например: «*крайне* важна» [3, с. 29];
«*успешно* апробированного» [3, с. 5]; «*достаточно*
полно освещенная, *прежде всего*, в исследованиях» [3,
с. 108]; «*ученые убедительно* доказывают, что...» [3,
с. 98]; «*бесспорно* влияет на выбор языковых средств»
[3, с. 100]; «*активно и даже директивно* участвовать в
формировании этих целей» [3, с. 130].

Степень категоричности позиции автора зависит от интенсификаторов оценочных значений, их используют для усиления суждения, например: «*Стремительные* темпы урбанизации, рост наёмных рабочих, которые еще вчера занимались крестьянским трудом, *чрезвычайно* обострили социальные проблемы» [3, с. 15]; «Сфера применения литературных фразеологических синонимов *очень* широка» [3, с. 22]; «Кризис гуманизма находит *особенно* яркое выражение в творчестве Шекспира» [3, с. 60]; «Участники интернет-коммуникации образуют *совершенно* новую социокультурную реальность» [3, с. 77].

Менее категоричным становится высказывание, в котором используются характерные средства ослабления оценки: например: «*не вполне* определенным является их языковой статус» [3, с. 105]. Степень категоричности зависит от употребления модальных слов: *очевидно, вероятно, бесспорно, безусловно, разумеется*.

Аксиологический компонент эпистемической ситуации проявляется на всех этапах формирования текста, однако в большей степени выражается в процессе обзора литературы по теме исследования. Это связано с тем, что, обращаясь к известному знанию,

автору нужно отобразить познавательную ценность информации, указать ее роль в формировании собственной концепции, выделить позитивные стороны и, возможно, недостатки существующих теорий. Согласно подсчетам экспертов, негативные оценочные единицы встречаются в научных статьях в семь раз меньше, чем позитивные, поскольку соблюдается стилистическая норма «некатегоричности изложения» и механизм преимущества в познавательной деятельности. Часто автор не комментирует идею исследователя, включает цитату в текст без какой-либо оценки. Такой ввод чужой речи свидетельствует о безграничном доверии к использованному источнику, являясь безоценочным (имплицитным) включением в текст.

Оценочные средства используются часто во введении, раскрытии истории вопроса, постановке проблемы и обоснования способа ее разрешения. В меньшей степени оценочные суждения характерны для этапа обоснования гипотезы и формулировки вывода.

Таким образом, взаимосвязь онтологического, методологического и аксиологического компонентов, составляющих эпистемическую ситуацию, обуславливает стилистическую специфику смысловой структуры целого. Онтологический компонент отражает понятийную систему исследования на основе исходных и уточняющих понятий. Стратегическая функция методологического компонента отображается в раскрытии научной идеи от постановки проблемы к обоснованным выводам, на основе грамматических средств, выражающих гипотетичность, аргументированность, причинно-следственные отношения. Проанализированы также средства выражения рациональной и иррациональной,

категоричной и некатегоричной оценочной позиции автора в научном тексте. Перспективой для дальнейшего исследования станет анализ механизма преемственности в ходе развития собственной теории.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356 – 367.

2. Баженова Е.А. Функционально-стилистические исследования профессора М.П. Котюровой / Е.А. Баженова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11. – С. 5–12.

3. Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2020. – № 1. – 155 с.

4. Котюрова М.П. Экстралингвистические основания стилистики научного текста и принципы его функционально-стилистической интерпретации // Стилистика научного текста (общие параметры). Том 2, ч. 1, гл.IV. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1996. – С. 89–112.

5. Котюрова М.П. Культура научной речи : текст и его редактирование : учеб. пособие / М.П. Котюрова, Е.А. Баженова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 280 с.

УДК 811'42 : 398.91

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ И ГОВОРК В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Якименко Л.Н.,

канд. филол. наук, доцент кафедры
начального образования ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
г. Луганск

***Аннотация.** В научном исследовании рассмотрено функциональное назначение таких паремийных единиц, как пословицы и поговорки в устно-народной фиксированной речи – в художественных текстах. Выяснено, что они отличаются относительной самостоятельностью и аккумулируют наиболее существенную информацию относительно обозначаемого, реализуются в диалогической и монологической речи и в авторском использовании с универсальной адресацией.*

***Ключевые слова:** паремии, пословицы, поговорки, художественный текст.*

Паремиография – отдельная наука, изучающая широкий круг малых фольклорных жанров, в образной форме воспроизводящих наиболее существенные явления и реалии действительности: поговорки, пословицы и их жанровые разновидности, которые в процессе бытования закрепились как образные клише. Всех их объединяет дефиниция «паремия» или «провербиум», что в переводе с греческого означает «притча, поучительная история». Несмотря на общность происхождения, сходство структуры и функционирования, каждый из перечисленных жанров составляет отдельный класс единиц, которому присущи

специфические особенности. Мы под термином «паремия» понимаем, прежде всего, пословицы и поговорки, поскольку они более всего соответствуют определению «притчи, лаконичного поучения, уроков мудрости».

Вслед за Л.Б. Савенковой, мы принимаем рабочее определение пословицы как разновидности иконического знака: иконичность пословицы семантическая и относится к кругу не абсолютных, а относительных признаков языкового знака, поэтому на периферии паремиологии находятся поговорки, у которых знаковость поддерживается признаками интенциональности, воспроизводимости в речи, наличия высокой степени обобщения информации и непредназначенностью для автономного существования в речи [1, с. 21]. Поговорка являет собой образ, определяющий либо лицо, либо действие, либо обстоятельства действия [2, с. 140].

Паремии давно интересуют специалистов разных отраслей науки: фольклористов и литературоведов, которые рассматривают паремии как жанр народной словесности, анализируют их с точки зрения композиции, художественно-образной структуры, идейной нагрузки; языковедов, исследующих лингвистический аспект пословиц и поговорок; этнографов, историков, психологов и др. Хотя пословицы и поговорки – небольшой по объему жанр, но разнообразие паремий по форме и содержанию, происхождению и художественно-образной структуре обуславливают ряд трудностей при их изучении и классификации.

Одной из проблем является определение жанра и жанровых разновидностей, особенно что касается разграничения пословиц и поговорок. Критерии

выделения этих малых фольклорных жанров в свое время были предложены такими известными лингвистами, как А.А. Потебней, М.А. Рыбниковым, А.Н. Бабкиным, В.И. Далем, С.Г. Гавриным, А.И. Молотковым, В.П. Жуковым. Паремии рассматриваются в контексте коммуникативных актов, как минитексты в гипертекстах, как произведения словесного искусства.

Так как пословицы и поговорки всегда используются целенаправленно – служат для определенных коммуникативных намерений – следовательно, исследуемые единицы относятся не только к языку (как зафиксированные в словарях, грамматиках, в памяти говорящих), но и в речи (как стереотипные выражения, характеризующиеся в коммуникации широким спектром функционирования).

Паремии, благодаря меткости, лаконизму, образности, широко используются носителями языка в языковой деятельности, охватывая в первую очередь разговорно-бытовую речь и художественные тексты, служат для отражения особенностей диалогической речи или удовлетворения определенной авторской цели. В диалогах, авторских монологах и в собственно номинативной функции паремии всесторонне представлены и в публицистике.

Обычно паремии используются в двух типах речевых контекстов: в диалогической и монологической речи и в авторском применении с универсальной адресацией. В ситуациях первого типа паремии служат для удовлетворения таких коммуникативных намерений говорящего, как: утверждение, подтверждение, предостережение, угрозы, обличения, наставления, оправдания, обобщения и тому подобное. Как иллокутивные акты с соответствующей иллокутивной

функцией, паремии в то же время обязательно содержат оценку типичной ситуации, которая имплицитно включается говорящим в речевой акт и воспринимается адресатом. Причем субъектом оценки выступает не говорящий, а коллектив (народ как коллективный творец паремии), который ориентируется на норму поведения или типичность явления. Паремии, являющиеся «законами природы» (человеческой природы в том числе), преимущественно содержат констатацию определенных явлений. Паремии, содержащие «правила поведения», наряду с основной иллокутивной функцией и имплицитной оценкой, обязательно содержат поучения: «поступай так», «не будь таким...». Использование образных паремий с целью констатации добавляет коммуникативным актам экспрессивных оттенков: юмора, упрёка, иронии и тому подобное. Конечно, в многоплановой семантике таких выражений в дискурсе одновременно реализуются три семантические пары: буквальное значение, основное значение – традиционное и контекстуальный смысл.

Благодаря мудрым обобщениям жизненных явлений, которые концентрируются в паремиях, говорящие используют последние для подтверждения своих мыслей. В этой роли паремии авторитетно подкрепляют сказанное ранее, нейтрализуют своей убедительностью ответную реакцию адресата. Паремии с прямым значением используются и в ситуациях, в которых требуется завуалированная, деликатная категоричность.

Иллокутивная функция «поучения» присуща большинству паремий. Имплицитно это выражается глагольными формами повелительного наклонения. Большую поучительную силу имеют паремии, которые формально выступают односоставными

предложениями. Формы имплицитно выраженного субъекта в паремиях при экспликации соответствуют формуле: «ты (как и все) – всегда – везде». Даже в образных паремиях, в которых прямое значение не соответствует узуальному, форма неопределенной личности приобретает обобщенность, субъект интерпретированного смысла соответствует той же формуле.

Иногда в конситуации присутствует конфликт или напряженность в отношениях между говорящими. Чтобы не усиливать напряжение, один из коммуникантов в диалоге использует паремийную единицу. Такая паремия-отказ является словом-ответом адресата, цель которого – прекратить разговор на определенную тему или спор. По мнению многих говорящих, народный опыт, аккумулированный в паремиях, проверенный веками и донесенный до потомков, имеет право быть предостережением в определенных ситуациях. Функция «предостережение» требует от адресата ответной реакции (словами, поступками). В конституциях паремии могут выполнять и функцию угрозы. В таких случаях, как правило, употребляются образные паремии, которые завуалировали угрозу образной системой переносных значений.

В художественных и публицистических текстах паремии выполняют такие функции, как: композиционную (паремия как зачин или концовка авторского повествования) и собственно номинативную (паремия – название произведения или его части). В первой функции паремия фокусирует на себе идею произведения и намечает функциональную перспективу дальнейшего развертывания событий. В структуре сложного синтаксического целого, которое вычленяется

в тексте, паремия служит зачином. Это идеальный вариант автосемантического высказывания, которое содержит главную мысль повествования.

При реализации собственно номинативной функции паремии являются не просто знаками-символами типичных ситуаций, но и могут настолько метко давать им название, что адресат без лишних усилий прогнозирует тему повествования. Сначала читатель воспринимает такое название как неактуальную паремию (понимает значение, а конкретный смысл теряется среди виртуальных), лишь перспективно предсказывает, о чем говорится в тексте. Смысл паремии раскрывается, только если адресат прочтет произведение полностью и произойдет ретроспекция к хрематонему.

Полифункциональность паремий во время актуализации в дискурсе объясняется их гетероситуативностью: приобретение разных смыслов в зависимости от конкретной речевой ситуации. Оценочная гетероситуативность проявляется тогда, когда, в одном случае, паремия используется по отношению к себе (самооправдание), а в другом случае как самооценка. При условии модальной гетероситуативности паремия может использоваться в двух модальных планах – как констатация и как предписание. В отдельных случаях наблюдается «накопление» паремий: говорящий для усиления иллюкутивной функции высказываний и для реализации коммуникативного намерения использует не одну, а несколько паремий, которые усиливают, взаимно дополняют друг друга. Они выступают как контекстуальные синонимы: характеризуют одну типичную ситуацию, внося различные смысловые оттенки.

Итак, функционирование паремий – пословиц и поговорок – в живой, пусть и фиксированной речи, свидетельствует о том, что они в народноразговорном дискурсе отличаются относительной самостоятельностью и аккумулируют наиболее существенную информацию относительно обозначаемого. Функционируют паремии в основном в ситуациях двух видов: диалогической и монологической речи, в авторском использовании с универсальной адресацией. В ситуациях первого типа они обобщают сказанное, констатируют, поучают, осуждают и др., одновременно оценивая обозначаемое. В ситуациях второго типа для паремий доминантными являются композиционная и собственно номинативная функции.

Литература

1. Савенкова Л.Б. Паремия в художественных текстах разных жанров / Л.Б. Савенкова // Функционирование языка в различных речевых жанрах: материалы Всерос. науч. конф. – Ростов-на-Дону: УПЛ РГУ, 1997. – Вып. 4. – С. 20 – 22.

2. Свицова А.А. Различные подходы к исследованию паремии / А.А. Свицова // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. унт, 2003. – Вып. I – С. 137 – 141.

УДК 82.01/09

ФУНКЦИИ ПАРАТЕКСТА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ РОМАНЕ

Котомцев Д.О.,
ассистент кафедры русской и мировой литературы
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

***Аннотация.** Паратекст обозначен в статье как основа рационализированной композиции интеллектуального романа. Выделены его функции, связанные с конструированием реальности художественного текста: создание нескольких художественно достоверных версий происходящего; усиление читательской активности в конструировании смысла (особенно – ассоциативной).*

***Ключевые слова:** паратекст, композиция, нарратор, интеллектуальный роман.*

*...так – но куда уйдёт
Мысли живой стрела?*

О. Мандельштам

Специфика художественного языка мировой литературы первой половины XX в. тесно связана с радикальным обновлением поэтики основных повествовательных жанров. В рамках модернизма наметился частичный или полный отказ от некоторых ключевых принципов повествования, которые сложились в литературе Нового времени (среди них: миметичность, фабульность, психологизм), что стало определяющим фактором развития так называемой «**интеллектуальной прозы**». Формирование новой культуры произошло благодаря новой эстетической парадигме, основанной на повышенной **аналитичности** и появлении **автокомментирующего начала**, а также предлагающей частичное разрушение традиционного мимесиса; причём тенденция к интеллектуализму охватила не только литературу, но и живопись (кубизм), архитектуру (идеи «Баухауса», работы А. Гауди), кинематограф (монтаж) и даже филологию (формальный метод).

Литература оказалась затронута процессом перехода к **«нефигуральному» способу повествования**. В произведениях 20-50-х годов *определяющими принципами поэтики*, по мнению И. Ратке, становятся: разрушение традиционного фабульного построения повествования и замена его мотивной структурой; деиллюзионизация образа автора в повествовании; изменение отношения к «характеру» героев, ослабление психологического анализа – многие персонажи становятся «интеллектуальными конструктами» (В. Резник) [2, с. 8]. Учёные отмечают, что идеологическим фундаментом процесса обновления повествовательных форм и усиления интеллектуализации являются установка на *преображение* реальности, внимание не только к чувственному, но и к интеллектуальному миру человека, мировоззренческая ирония, призванная «обнажить приём» (В. Ходасевич) и препарирующая изначальную конвенциальность литературы [2, с. 9].

Концепт «сознание» в интеллектуальной прозе связан с уверенностью в то, что человеческий интеллект и воображение – *«творческий demiург культуры в её разных формах и видах»* [3, с. 241]. Перенос организующей функции с фабульных конструкций на систему мотивов привёл к **рационализации композиции**, одним из главных элементов которой стал **разветвлённый паратекст** (наличие предисловий, эпиграфа, сносок, примечаний, комментариев нарратора или других персонажей, послесловий, существенно влияющих на восприятие текста). Под паратекстом понимаем раму текста – *те единицы, которые непосредственно окружают центральный текст и сопровождают его в рамках одного произведения* [1, с. 107] (Ж. Женетт предлагал включать в понятие

паратекста оформление книги, обложки, внехудожественные высказывания автора, литературно-критические работы и т.д., однако это значительно размывало границы понятия).

Наблюдения показывают, что паратекст, будучи основой рационализированной композиции интеллектуального романа (далее – ИР), выполняет несколько **функций**:

1) обогащение и усложнение восприятия центрального текста: паратекст служит структурному принципу поэтики ИР – созданию нескольких художественно достоверных версий происходящего (С. Ильин);

2) усиление читательской активности: реципиенту предлагается самому сконструировать текст, «свободно» руководствуясь ссылками – «связками», сильными местами текста (В. Яценко);

3) создание потока ассоциаций за счёт потенциальных возможностей воображения (интеллекта) читателя и силы семантических многозвучий слова.

Проиллюстрируем функционирование паратекста в интеллектуальной прозе XX века. Структура **«Бледного огня» В. Набокова** сознательно паратекстуальна, ведь содержит *предисловие* издателя Кинбота, текст поэмы Джона Шейда с одноимённым названием (центральный текст), огромный циклопический *комментарий* к ней (Кинбота же, якобы «друга» и литературного поверенного Шейда), *путаный именной указатель*. Именно комментарий к поэме, призванный, по мысли Кинбота, прояснить «тёмные места» поэтического текста, становится пространством конструирования смыслов. Шейд в поэме предлагает своё видение мира и анализ произошедшего с ним

(смерть дочери, поиски знаний о загробной жизни), Кинбот же *самовольно навязывает* читателю собственную интерпретацию: о выдуманной Зембле, о побеге короля Карла Возлюбленного (его alter ego) и охоте за ним некоего Градуса. Сознание профессора Кинбота хаотично, расколото, что проецируется на тексте: он сбивается с процесса комментирования (довольно непрофессионального и непоследовательного), переходит от идеализации Зембли к собственным несчастьям в университетской кругу Нью-Вая. Однако другого источника информации, кроме него и поэмы, у читателя нет, поэтому нарративной стратегией становится помощь в конструировании воспринимающим сознанием *собственной версии происходящего*, которая зависит от его привязанности: то ли к Шейду, то ли к Кинботу, то ли к позиции «вне» мира ИР. И здесь подсказкой может служить другой паратекст (и интертекст) – название, навеянное строками из шекспировского «Тимона Афинского»: *«Луна – это наглый вор, / И свой бледный огонь она крадёт у солнца»*. Вором может оказаться и сам Кинбот, пытающийся толкованием затмить художественный дар Шейда, и жизнь, которая забрала у поэта самое дорогое, лишила смысла существования и натолкнула на создание метафизической поэмы.

Дальнейшая разработка данной структуры (*центральный текст – комментарий к нему*) очевидна в романе (гиперромане, если солидаризироваться с критиками) **Д. Галковского «Бесконечный тупик»**. Уже название (а потом – беглое знакомство с оглавлением) создаёт *поток ассоциаций*: бесконечность не только сносок и примечаний к небольшому эссе Одинокова о Василии Розанове, но и неисчерпаемый спектр толкований, который приводит к тупику

понимания. Гротескная форма паратекста в ИР Д. Галковского уменьшает эстетический эффект произведения; жанр модифицируется в подобие пространного эссеистического исследования, в чём, по нашему мнению, видится логическое завершение развития философско-эстетического типа ИР.

Любопытно, что у другого яркого ИР, «**Чёрного принца**» **А. Мёрдок**, название тоже отсылает к У. Шекспиру («тёмным принцем» считали Гамлета)¹. Структурный принцип композиции «Чёрного принца» – это окружение центрального текста – романа Брэдли Пирсона «Чёрный принц» с подзаголовком «Праздник любви» – паратекстом: *предисловием* издателя Ф. Локсия (авторская маска А. Мёрдок), *предисловием* и *послесловием* Пирсона, а потом – *послесловиями* персонажей истории: бывшей жены Брэдли Кристиан, помешанного на своей любви к Пирсону её брата Фрэнсиса, мнимой любовницы Рейчел, возлюбленной главного героя Джулиан и, конечно же, самого издателя. Занимая весомый процент от всего произведения, предисловия и послесловия, однако, служат не (как, к примеру, у И. Тургенева или Ч. Диккенса) своеобразными «экспозицией» и «эпилогом» вне центрального текста (ведь их можно без труда «изъять» из очередного издания), а *художественно достоверными версиями происходящего в повествовании, объяснениями и пояснениями,*

¹ Позволим себе предложить такое объяснение внимания интеллектуальной литературы к шекспировскому творчеству: его трагедии, в частности «Гамлет», можно считать «трагедией сознания, сознавания» (Л. Пинский), что типологически сходно с интеллектуальным театром Б. Шоу, Л. Пиранделло, Б. Брехта и с ИР, в центре которых *сознание* как творческий демиург смысла и форм культуры и *сознавание* (шире – *понимание, разгадывание*) как нарративная стратегия, магистральный сюжет (ещё один термин Л. Пинского).

призванными нарушить читательское доверие к нарратору (которого в ИР считаем «ненадёжным»), скорректировать нарратив. **Ключевая особенность** в том, что *это делают непосредственно персонажи романа*, действующие лица истории. Так, Кристиан не интересуется преступление бывшего мужа и его тюремное заключение – она пытается «обелить» свой образ, нарисованный Брэдли. Фрэнсис запутывается в дебрях психоаналитического взгляда на эту историю, объясняя происходящее как нереализованные гомосексуальные интенции Брэдли (т.е., по существу, переносит собственные комплексы на угнетённого). Рейчел очерняет Брэдли, чтобы отвести себя от возможных подозрений в убийстве мужа (а такова версия Брэдли) и сексуальной связи «на стороне» с Пирсоном. Джулиан же наивно сообщает, что, в общем-то, *«многое забылось»* (а *«забвение спасительно!»*), поэтому не может подтвердить ключевые события нарратива (свое любовное письмо, побег с Пирсоном, их сексуальную связь и т.д.). *«А какие вещи я – будто бы – говорила! Нет, не может быть, – это измышления чужого ума [выделено нами. – Д.К.]»*, – утверждает Джулиан, пытаясь смоделировать образ наивного ребёнка (*«та девочка»*, подчёркивает она).

Из-за влияния, разветвлённого паратекста *«история творческих борений человека, поисков мудрости и правды»* («Предисловие издателя»), **рассказ о любви** опошляется, превращается в рассказ об убийстве отца юной любовницы, которую «педофил» Брэдли, если поверить «истцам», просто похитил и держал в плену в «королевстве у моря» (очевидная переключка с – подчеркнём – **интеллектуальной** поэзией Э. По (Г. Злобин) и ИР «Лолита» В. Набокова). Но всё же поставить точку в художественном целом

«Чёрного принца» дано не приспособленцам и вероятным лгунам, а Ф. Локсию, маске А. Мёрдок: *«Кажется, будто живые всегда могут перехитрить мёртвых [к моменту издания и создания послесловий Брэдли умер в тюрьме. – Д.К.]. Только это пустая победа. Произведение искусства смеётся последним»*. И если читатель самостоятельно займётся конструированием истинной (т.е. своей) версии происходящего, если займёт чью-то нарративную позицию, то **функции паратекста выполнены**.

Подводя итоги, можно сказать, что паратекст манифестирует свободную для читателя, готового к интеллектуальной игре, структуру художественного текста. Это создаёт открытость темпоральной и пространственной перспективы ИР; «незавершённость», открытость текста рождает целый спектр интерпретаций, причём эти интерпретации возникают не в результате анализа, а в *процессе чтения*; множественные толкования, которые не свести к единой идейной концепции, – это *намеренный* итог нарративной стратегии автора, а не принципиальная многозначность великого художественного произведения (по Х. Борхесу). Перефразируя А. Гениса, назовём паратекст «машинной реальности».

Литература

1. Ламзина А.В. Рама / А.В. Ламзина // Введение в литературоведение: учебник / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. – М. : Академия, 2011. – С. 107–123.

2. Ратке И.Р. Русская интеллектуальная проза 20-х годов XX века (Б. Пильняк, Е. Замятин, В. Набоков) : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.01.01. Русская литература / И.Р. Ратке. – Волгоград, 2005. – 24 с.

3. Яценко В.М. История зарубежной литературы второй половины XX века / В.М. Яценко. – М. : Флинта, 2015. – 548 с.

УДК 811,276.3 – 055.1 – 055.2:82 – 3

**ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)**

Пономаренко Л.А.,
магистрант 2 курса
направления подготовки
«Отечественная филология.
Русский язык и литература»
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
г. Луганск

***Аннотация.** Данная работа посвящена исследованию особенностей мужского и женского речевого поведения. Изучение художественного языка в гендерном аспекте весьма продуктивно, так как именно в художественной речи наиболее полно реализуется такая функция языка, как функция самовыражения: выражения посредством индивидуального выбора и сочетания языковых средств для реализации авторского мировосприятия действительности.*

***Ключевые слова:** гендер, гендерная лингвистика, гендерное речевое поведение, художественная проза.*

Социальная обусловленность языка и речи представляет большой интерес для современной науки. На основании многих исследований доказано, что при

изучении влияния социальных характеристик на речь, необходимо учитывать пол человека.

Художественная литература всегда стремилась раскрыть основные проблемы человеческого бытия. Гендерные отношения в современном обществе также учитываются при анализе текстов современных произведений. Теория гендера позволяет по-новому интерпретировать произведения художественной литературы, где ярко и подробно воплощаются мужской и женский взгляд на мир (гендерная картина мира).

Целью нашей статьи является рассмотрение особенностей гендерного речевого поведения на материале современной художественной прозы.

По нашим наблюдениям, современная проза отражает сегодняшний гендерный статус женщины и мужчины, особенности их гендерного поведения, а также гендерные конфликты наших дней.

Различия между мужской и женской речью проявляются на всех уровнях языка.

Различия на лексическом уровне, по мнению Н.Б. Мечковской [4, с. 187], заключаются в следующем:

1. Для мужчин характерна

– тенденция к точности номинации; частотное употребление терминов из профессиональной среды («Поместив своё сознание в Online, довольно скоро отвыкаешь от земных условий. Спутники и ракеты летают на тёмной стороне луны... Светодиодные звёзды, электронная пицца, цифровые коды программных структур, работающих на частоте колебаний нейронов, заполняют твою жизнь». Игорь Муханов. «Поселения в Online»);

– использование стилистически нейтральной оценочной лексики либо стилистически сниженных средств («Мы остановились, я выкурил сигарету, боль

улетучилась. Далее мы зашли в магазин «Мэйсис» поглазеть на красивые шмотки, потом перекусили в «Макдоналдсе...». Сергей Бурлаченко «Без будущего»).

2. Для женщин характерна

– лексика, связанная с домоводством; активное использование эмоционально оценочной лексики («Встретились две женщины. Стали вспоминать свою молодость. – Какая хорошенькая ты была, – сказала первая женщина. – Какая умненькая ты была, – продолжила вторая женщина». Екатерина Адасова «Бытовая притча. О женщинах»; «Только вот слабенький он был, много плакал, и не хотел кушать, и не хотел писать ровненько на чистой бумаге, а все подбирал по старой привычке клочки да сигаретные коробки и чертил каракульки, а то просто рисовал загогулины и закорючки». Татьяна Толстая «Поэт и муза»);

– употребление в речи «высоких» слов («Скорбные тени на его фарфоровом челе, тьма в запавших глазницах, нежная борода, прозрачная, как весенний лес, сложились в волшебную декорацию». «Пыльная лепнина на потолке, синеватый свет сугробов из окошек, праздный камин, забитый хламом и ветошью» Татьяна Толстая «Поэт и муза»).

На морфологическом уровне Н.Л. Пушкарёва [5, с. 34] отмечает следующие особенности:

1. Для мужской речи характерно более частотное употребление глаголов активного залога и переходных глаголов («...Повторил Моцарт ещё раз и убежал в соседнюю залу, где уселся за клавишам сочинять музыку. Пальцы тонули в мягких клавишах, бежали и прыгали, как мальчишки, играющие во дворе. Поднял мизинец своей правой руки, покрутил им в воздухе, забылся на одно мгновенье и ударил по клавишам

клавесина. Звуки рассыпались по зале, наполняя её углы и проходя сквозь рыхлую штукатурку. Связали залу с облаками, плывшими по небу в предвечерний час». Игорь Муханов «Пауза»).

2. Для женской речи – употребление конкретных имен существительных (в том числе имен собственных), качественных прилагательных («Открыла калитку Вера и увидела на участке уже свой дом. Высокий, белый. И участок увидела с высокой травой, густой как тина на дне озера. Светлые кусочки дерева прятались под свисающими коричневыми пластинками краски. Вдоль забора торчали из травы кустики смородины, низкие и кривые». Екатерина Адасова «За калиткой»).

На синтаксическом уровне исследователями [2, с. 95] отмечены следующие характеристики:

1. Для женщин характерно

– частое употребление определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений («Чёрные весёлые глазки глядели на него чуть снизу, вопросительно. Задорные мягкие кудряшки выбились из-под розового капюшона. Он внимательно смотрел на девочку. Она снова потянула его – теперь за верёвочку, на которой он вёз свою машинку. А после он порывисто обнял девочку. Та оттолкнула его. И они молча пошли рядом. Он снова обнял её. И поцеловал в нос. Она больше не отталкивала мальчика». Евгения Куликовская «Первая любовь»; «Густые светлые волосы были закреплены блестящей заколкой, серые глазки были спокойны. Светлая кофточка оттеняла чуть загоревшее лицо. Мягкая трикотажная светло-розовая кофточка стекала с покатых плеч» Екатерина Адасова «Няня и квартиры»);

– использование инверсии («Заболела Тамара Сергеевна. Ночью смотрела Тамара в окно. И перед

глазами появилось доброе лицо женщины, которое ей помнилось, а потом забывалось. Вечером, когда позвонила дочь Анна, Тамара Сергеевна уже знала, что ей сказать. У малыша уже была няня, аккуратная и приветливая Вера. Работала она четыре дня в неделю. В пять часов приходила ей на смену Тамара Сергеевна. А в семь часов возвращалась мамочка малыша. Через два часа пришла дочь Анна». Екатерина Адасова «Няня и квартиры»);

– употребление восклицательных и вопросительных предложений; для женщин характерны развернутые, подробные и экспрессивные предложения и тексты («Все неприятности начались с чёрной кошки, которая перешла ей дорогу! – значительно говорила пожилая дама, суровым взглядом указывая своей собеседнице на удаляющуюся женщину, быстро прошедшую через двор. – А я всегда предупреждала, – живо продолжала всё знающая особа, – что от чёрных кошек надо держаться подальше. Ну, сверни, пройди другой улицей или подожди, в конце концов, пока кто-нибудь перейдёт нехороший след! Так нет же! Даже не остановилась, так и потопала дальше!.. Я сама видела!..». Евгения Куликовская. «Всё началось с черной кошки»);

– преобладание сочинительной связи при построении предложений («После работы она заходила за ним в его кабинет, никакой романтики: уборщица вытряхивает урны, шваркает мокрой шваброй по линолеуму, а Аркадий Борисыч долго моет руки, трет щеточкой, подозрительно осматривает свои ногти и с отвращением смотрит на себя в зеркало. Стоит, Нину не замечает, а она уже в пальто на пороге». Татьяна Толстая «Поэт и муза»).

2. Для мужчин характерны лаконичные и статичные предложения; предпочтительна подчинительная связь. («Третий год по издательствам бродил его роман, на который он ухлопал пять лет, роман о мальчишке, который прилетел на Землю, чтобы превратить всех взрослых в детей и помочь им вырасти ещё раз – другими, счастливыми и добрыми». Сергей Бурлаченко «Отрава»; «Когда в палату вошла жена, он вновь сидел у окна и теперь ждал ужина. На зимние сапоги Марфа натянула бахилы из голубого полиэтилена. В них жена выглядела нелепо, словно космонавт, у которого украли скафандр, или работница атомной электростанции, которой забыли выдать полный комплект спецодежды от облучения. Антон остро почувствовал свою вину в том, что молодая и красивая женщина вынуждена рядиться в этот маскарадный костюм». Сергей Бурлаченко «Обида»).

Итак, результатом анализа выбранных нами фрагментов текстов современных художественных прозаических произведений стало выявление того, какие лексические, морфологические и синтаксические особенности могут быть отнесены к «мужскому» тексту, а какие – к «женскому».

Полученные нами данные доказывают, что тенденции к употреблению определенных языковых средств мужчинами и женщинами, выявленные исследователями ранее, отчасти сохранились и реализуются в художественной речи современных авторов, что подтверждает теорию о существовании двух подсистем – мужской и женской речи.

Литература

1. Беляева А.Ю. Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной

речи) : дис. канд. филол. наук / А. Ю. Беляева. – Саратов, 2002. – 177 с.

2. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М.: Флинта, 1993. – С. 90–136.

3. Кирилина А.В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: Проблемы, связанные с бурным развитием / А.В. Кирилина // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ, Москва, 22–23 ноября 2001 г. – М. : МГЛУ, 2002. – С. 5–12.

4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 207 с.

5. Пушкарева Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки / Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 31–40.

**ЯЗЫК ИНТЕРНЕТА.
СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ**

УДК 811'373.23:316.77:СМИ

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ**

Дубинина В.А.,

канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
г. Луганск

***Аннотация.** В статье анализируются прецедентные имена в современном политическом медиадискурсе. Акцентируется внимание на том, что прецедентность – это свойство сознания человека. За прецедентностью всегда стоит некое общее и необходимое представление о понятии, которое делает все ссылки на прецедентное имя понятными и коннотативно окрашенными. В последнее время количество прецедентных имен, используемых в медиа, стремительно расширяется, растет и частотность их использования, что связано, на наш взгляд, с особенностями современной коммуникативной ситуации в СМИ.*

***Ключевые слова:** прецедентность, прецедентное имя, политический медиадискурс, сознание.*

Медиалингвистические исследования приобретают особую актуальность в современной филологии, поскольку массмедийный дискурс занимает особое место в социокультурной парадигме и информационном пространстве в целом. Учитывая рост

роли информации как средства воздействия, разнообразие СМИ, динамические процессы в массовых коммуникациях и т.д. не теряет своей актуальности проблема разноаспектного изучения текста, его категорий и способов организации в медиадискурсе. В условиях стремительного развития информационного общества происходят разновекторные трансформации медиаконтента. Экстра- и интралингвальные факторы влияют на формирование стилистики медиасферы. Медиатекст становится уникальным языковым явлением, позволяющим эксплицитно или имплицитно создать положительное или отрицательное видение мира. Авторы медиатекстов прибегают к поиску эффективных экспрессивных средств, которые не только бы заинтересовали читателя, но и активизировали его познавательный потенциал, привлекали к общему осмыслению событий. Одним из таких приемов является использование прецедентных имен.

Цель нашего исследования – рассмотреть особенности использования прецедентных имен в современном политическом медиадискурсе.

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [3]. Исследованию феномена прецедентности посвящено значительное количество научных работ. После основополагающей монографии Ю.Н. Караулова проблема прецедентности привлекает внимание отечественных лингвистов, среди которых можем назвать следующие: Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко,

В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, Ю.А. Сорокин, И.М. Михалева, Е.А. Нахимова, Н.А. Кузьмина и др.

Д.Б. Гудков определяет прецедентное имя как индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени [1]. Как указывает Е.А. Нахимова, «Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов» [3, с. 5]. Внимание лингвистов к рассматриваемому явлению в полной мере соответствует его роли в современном политическом медиадискурсе. Прецедентные имена – это важная составляющая национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей.

В последние годы количество прецедентных имен, используемых в средствах массовой информации, стремительно расширяется, растет и частотность их использования, что связано, на наш взгляд, с особенностями современной коммуникативной ситуации. Следует также отметить существенные

количественные и качественные изменения в арсенале прецедентных имен, произошедшие в связи с кардинальными преобразованиями политической, экономической, социальной и духовной жизни России в начале XXI века.

В современной теории прецедентности отчетливо различаются метафорическое и неметафорическое употребление прецедентных имен. Специфические черты прецедентного имени обусловлены его структурой, ядро которой составляют дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты.

Дифференциальные признаки определяют специфические признаки данного имени и противопоставляют его другим именам. Эти признаки во многом похожи на дифференциальные признаки имен нарицательных, хотя это лишь относительное сходство. Например, дифференциальные признаки прецедентных имен часто имеют существенные отличия в сознании людей разных возрастов, социальных групп, национальной принадлежности, политических взглядов и проч.

Прецедентное имя *Сталин* в современном политическом медиадискурсе употребляется в различных контекстах. Необходимо отметить, что с середины прошлого века до настоящего времени отношение в обществе к И.В. Сталину неоднозначно. Восприятие этого имени существенно отличается, например, у ветеранов Великой Отечественной войны, их потомков, для которых Иосиф Виссарионович – идеал государственного деятеля и военачальника, его роль сложно переоценить в победе в Великой Отечественной войне и истории России в целом. Диаметрально противоположные оценки и взгляды у

людей, чьи родственники пострадали от преследований и репрессий сталинского режима.

В последние годы в СМИ со Сталиным все чаще сравнивают нынешнего президента России. Выбор этого прецедентного имени обычно тесно связан с политическими взглядами автора материала и его отношением к личности и деятельности В.В. Путина. Например, британская газета Daily Telegraph (12.03.2014 г.) опубликовала статью под громким заголовком *«Путин повторяет аргументы Сталина»*.

Следующий пример состоит из двух частей – антропонимов государственных деятелей разных эпох: *«... демократии тут нет, тут дело еще хуже – двоевластие, август медведев и цезарь путин»*. («Независимая газета», 1 июля 2008). Прецедентные имена «Август» и «Цезарь» отсылают к верховной власти древнеримских императоров и в сочетании с антропонимами «Медведев» и «Путин» возникает параллель между властью римских императоров и российских президентов.

Прецедентное имя *Гитлер* имеет ярко выраженную негативную эмоциональную окраску, так как является эталоном абсолютного и беспощадного зла. В последнее время (особенно в западных СМИ) в статьях, заголовках и обложках газет и журналов это имя употребляется в контексте анализа действий президента России. Например, после военного конфликта на Кавказе в августе 2008 года польское издание Wprost вышло с портретом В.В. Путина в образе Гитлера. Латвийское издание IR после присоединения Крыма к России вышло с портретом В.В. Путина в образе Гитлера. *«Путин продолжает играть в Гитлера»* (svoboda.org, 7.02.2022). В западных медиа можно встретить неологизм, который образован

путём слияния фамилий Путин и Гитлер. *«Встречайте «Путлера»: собирательный образ Путина и Гитлера, который сметает Украину»* (23 April 2014, The Washington Post).

Нередко российский президент в СМИ предстает в образе царя Ивана Грозного или Петра Великого. Например, издание EastWest за январь – февраль 2017 года вышло с обложкой В.В. Путина в образе царя с заголовком «Владимир Первый».

После 24 февраля 2022 года количество случаев использования прецедентных имен рядом с фамилией нынешнего президента РФ существенно возросло. В связи с этим, можно определить идеологическую позицию автора, степень его политической корректности и воспитанности, а также его отношение к личности и деятельности президента.

Американские президенты и члены правительства также часто называются в СМИ прецедентными именами. Так, в Московском комсомольце от 28.02.2022 года читаем: *«Незнайка на коне: как невежество становится новой нормой жизни»*. Незнание фактов, частые оговорки хозяев Белого дома и их окружения стали ярким примером воинствующего невежества, простирающегося от самых низов общества до высочайших чинов. Имя литературного и мультипликационного персонажа *Незнайки* хорошо известно носителям русского языка. Прецедентное имя *Незнайка* вызывает совершенно конкретные ассоциации у реципиентов данного материала.

Имя *Наполеон* также нередко встречается в современном политическом медиадискурсе. Оно обозначает французского полководца и государственного деятеля, став прецедентным, оно имеет значение «человек, которому свойственны черты

характера Наполеона: эгоизм, гордость, честолюбие, чувство исключительности и проч». Содержание и состав дифференциальных признаков прецедентного имени *Наполеон* в современном русском национальном сознании детально проанализированы Е.А. Нахимовой в работе «Прецедентные имена в массовой коммуникации» [2]. Мы же остановимся на его трансформированном варианте *Наполеончик*.

В словаре под ред. Т.Ф. Ефремовой представлено следующее толкование: Наполеончик – I м. разг. Тот, кто претендует на исключительность и характеризуется крайним честолюбием и чрезмерным властолюбием. II м. разг. 1. *уменьш.* к сущ. наполеон I; 2. *ласк.* к сущ. наполеон I [2]. В современных русскоязычных СМИ прецедентное имя *Наполеончик* употребляется исключительно с фамилией украинского президента В.А. Зеленского. Показательно, что, называя Зеленского Наполеончиком, подчеркивается не его внешнее сходство (невысокий рост) с императором Франции, а характеризуется его политическая деятельность. «Самовлюблённый карлик – Наполеончик!» – во Львове громят Зеленского» («ПолитНавигатор», 28.09.2019).

«Наполеончик обратился к Белоруссии и советовал, что делать, – заявил Лукашенко. – К кому он обращается? Мы же всегда по-человечески относились к украинцам» (Московский комсомолец, 27.02.2022).

Таким образом, анализ функционирования прецедентных имен в современном политическом медиадискурсе позволяет утверждать, что важная для средств массовой информации направленность на экспрессивность образов и доступность изложения заставляет искать соответствующие языковые средства, позволяющие наиболее лаконично, ярко, быстро и

эмоционально воздействовать на читателя. Поэтому для медиа особенно характерна интертекстуальность, одним из вариантов проявления которой является использование прецедентных имен.

Литература

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 149 с.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – В 3-х томах. – Том 2. М-П. – М. : АСТ, 2006. – 1160 с.
3. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007. – 207 с.

УДК 811.161.1

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Волобуева С.С.,

ассистент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
г. Луганск

***Аннотация.** Статья описывает взаимосвязь языка и современных технологий. Рассматриваются изменения лексики и речевого этикета под влиянием информационной революции, формирование новых средств письменного и устного языка, которые традиционно реализуются на пяти уровнях: фонетическом, морфологическом, лексико-фразеологическом, синтаксическом и графическом;*

появление новых слов, речевых клише, смайлов, распространение их в интернет-сообществе.

Ключевые слова: *современные технологии, гаджеты, язык, речевые клише, смайлики.*

Одними из основных тенденций современного общества являются, безусловно, развитие современных технологий, так называемое гаджетизирование, информационная революция. В связи с этим возникает вопрос о том, как же язык реагирует на данные тенденции и как современные технологии способны влиять на действующие языковые нормы. В последние годы интернет проник во все сферы нашей деятельности. В современном мире он внедрен не только в профессиональную деятельность, но и личную жизнь человека, являясь комфортной средой общения. Безусловно, язык реагирует на новые социальные и технологические тенденции развитием литературно-художественных и публицистических стилей и сопровождающим его неуклонным пополнением словарного состава [4].

Конечно, такие изменения в языке не всегда являются позитивными. Характеризуя динамику изменения норм, мы отмечаем, что в силу ряда причин, вызванных особенностями исторического развития общества, возникали явные неправильности, искажения и нарушения нормы литературной речи [4].

Сегодня мы наблюдаем, как язык меняется под влиянием внешних коммуникативных условий. На сегодняшний день именно вопрос о причинах изменения языка всё чаще волнует ученых, которые отслеживают связь между изменениями в социуме и изменениями в языке.

Язык сам по себе меняется медленно, но Интернет значительно ускоряет этот процесс. Люди формируют новые стилистические средства письменного и устного языка, которые реализуются на пяти уровнях: фонетическом, морфологическом, лексико-фразеологическом, синтаксическом и графическом, обмениваются новыми словами друг с другом, распространяя и приучая всё интернет-сообщество к использованию этих слов повсеместно [3].

Сетевая эпоха продемонстрировала, что языки, которые присутствуют в интернете сильно изменились. Статистические исследования показали, что английский язык занимает первое место по популярности в сети, а русский язык делит второе место с немецким.

Человечество использует две формы языка – устную и письменную. Устная речь появилась первой, с ее помощью координировались различные совместные работы. Первое различие очевидно для всех нас: устную речь мы воспринимаем на слух, письменную – зрительно, причем всё чаще в современном мире для передачи письменной речи мы используем клавиатуру компьютера или гаджеты.

Второе различие – по функции потребления. Устная речь используется для общения. А письменная речь – для хранения информации, передачи ее из поколения в поколение. Сегодня современные технологии позволяют переносить устную речь через пространство и время посредством телефона и аудиозаписей. И еще одно важное отличие письменной речи от устной – письменная речь существует преимущественно в форме монолога. Однако в интернете мы общаемся друг с другом, происходит диалог, при этом мы используем письменную форму. Исходя из

структурных характеристик, общение в интернете – это устная речь.

Язык меняется, появляется определенная смешанная форма речи, письменной речи в ее традиционной форме оказалось недостаточно для полноценного общения, в ней отсутствуют голосовые характеристики, интонация. Устная речь же сопровождается движениями, мимикой, жестами. Всё это имеет немалое значение для собеседника, а при общении в интернете это все отсутствует. Всё чаще можно услышать мнение о том, что под влиянием интернета язык портится, искажается. Можем предположить, что язык не портится, а адаптируется к современным реалиям.

Одна из таких форм адаптации языка – смайлики. Это универсальное средство общения вошло во все языки. Сегодня, не зная какого-то языка, можно понять смысл разговора только лишь по смайликам. При личной беседе мы можем сказать человеку – «ты молодец», однако лишь интонация способна превратить эту фразу и в похвалу, и в осуждение. Смайлики выполняют роль знаков препинания, ими можно заменить точку или восклицательный знак. Примечательно, что при общении в интернете поставленная точка в конце предложения может восприниматься как равнодушие или официальность, а наличие смайлика всегда нейтрально. Другими словами, обычные знаки препинания письменной речи сами становятся эмоционально маркированными.

Ежедневно с помощью социальных сетей мы становимся участниками непрерывного общения в сети, и это тоже не может не влиять на язык. Можем заметить, как с активным использованием мобильных телефонов стало популярным прощание *до связи*. Чаще

всего, прощание обозначает «до следующего зрительного контакта» – «до встречи», «*see you later*», «*auf Wiedersehen*». Однако в современных реалиях важнее важнее не зрительный, а абстрактный контакт с помощью компьютера, телефона и иных средств общения. Другая форма прощания, которая недавно обрела популярность – *на связи*, в этой форме подразумевается глагол «остаюсь». Имеется в виду, что мы вообще не расстаемся, что мы всегда доступны для общения.

В качестве некой коммуникативной помощи в сети появились некоторые реплики (*аффор жжот, выпей йаду, убей себя ап стену*) для использования в комментариях. Это такая форма «речевого клише». В социальных сетях пользователь может выразить свою бессодержательную реакцию на какую-либо информацию с помощью кнопки «лайк». Все эти новые инструменты позволяют нам оставаться в режиме беспрерывного общения. В связи с этим в сети меняется и понятие текста. Текст уже не является основным речевым жанром, границы понятия уже несколько размыты. Главным жанром становится комментарий, точнее – коммент.

Это изменение отчетливо заметно в газетных статьях. Статья уже состоит не только из текста, но и из комментариев читателей, где можно увидеть другие мнения, разные дополнения, одобрение или осуждение, появляются очевидцы описываемого события, которые могут, возможно, изменить сам смысл статьи.

Скорость преобразования речи в современном мире будет только нарастать. Русский язык прошел очень большой путь по изменению лексики и речевого этикета. Современные технологии радикально поменяли и наш язык, и все языки мира. Можно с уверенностью

сказать, что современная коммуникативная ситуация оказывает влияние на разные уровни языка.

1. На уровне фонетики и графики – это влияние проявляется, например, при использовании в речи интернеттрансформ, таких как *креатифф*, *аффтар*, *щазз*. Языковой системой такие формы могут быть приняты наряду с литературным просторечием как стилистические маркированные лексические единицы.

2. Влияние намеренного ошибочного написания на орфографию и пунктуацию языка в целом не является значительным, так как сознательные искажения слов не позволяют воспринимать их как образец.

3. Большое количество изменений происходит в лексике, в связи с появлением новых слов и новых значений. Например, слово *аватар* ранее имело достаточно узкий смысл применительно к философии индуизма, теперь же в современных реалиях слово означает «изображение человека, представляющее его в сети». На данный момент слово широко используется в новом качестве.

4. Наименьшее внимание привлекают изменения в области грамматики и синтаксиса. Однако изменения есть и на этом уровне. Интернет развивает у пользователей привычку к быстрому «диагональному» чтению, в результате которого улавливается только общий смысл, и не происходит усвоение синтаксической конструкции. В связи с этим возрастает количество ошибок на согласование, всё реже встречаются конструкции с косвенной речью. В перспективе возможно упрощение синтаксической системы русского языка, вытеснение сложных конструкций.

5. Происходят изменения на уровне стилистики. Можно предположить, что тенденция смешения стилей не ограничится рамками виртуального дискурса и приведет к преобразованию функциональных стилей языка и появлению новых.

Современные информационные технологии, безусловно, влияют на разные уровни языка, но проявляется это в разной степени. Однако это влияние не затрагивает основы литературного языка. М Кронгауз в своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» пишет, что язык способен к самовосстановлению. Сегодняшняя языковая ситуация всего лишь временная [1]. Согласны со словами современного лингвиста и можем только добавить, что будущее языка за нами.

Литература

1. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва М. : Астрель, 2013. – 214 с.

2. Кронгауз М.А Самоучитель олбанского. – М.: АСТ, 2013. – 436 с.

3. Максименко Е.В. Прагмастилистические аспекты рекламного дискурса (на материале текстов русской и английской коммерческой и научно-технической рекламы): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 2005. – 18 с.

4. Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Основы культуры речи. – М.: Высшая школа, 1974. – С. 214

УДК 81'373.4:070.41

ДЕАРХАИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Давидкова Е.П.

студентка 2 курса магистратуры, направления
подготовки 45.04.01 Филология. Отечественная
филология. Русский язык и литература
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
davidkova1704@gmail.com

***Аннотация.** Рассматривается процесс деархаизации в современном медиатексте в отношении представления динамических процессов, происходящих в языке. Описываются функции устаревшей лексики (традиционно выделяемых историзмов и архаизмов), а также фиксируемое медиатекстом перераспределение лексики между активным и пассивным словарем.*

***Ключевые слова:** деархаизация, языковые изменения, активный словарь, медиатекст.*

Постоянно обновляясь, язык содержит лексику, ограниченную хронологически: слова и выражения, относящиеся к прошлым эпохам и только входящие в употребление. При историческом рассмотрении материала эти понятия условны: «Актуален фактор времени: те слова, которые для одного синхронного среза являются новыми, на другом синхронном срезе могут оказаться нейтрально-актуальными, а другие слова того же периода – уже устаревшими и ушедшими из языка».

Именно в медиатексте, оперативно реагирующем на изменения в жизни общества, постоянно происходит

перераспределение лексики между активным и пассивным запасом, намечаются изменения семантической структуры и стилистической окраски отдельных слов и выражений, обнаруживается специфика использования лексических единиц, относящихся к минувшим и будущим эпохам.

Цель статьи: изучить процесс деархаизации в современном медиатексте, изучить информативность медиатекста в отношении динамических хронологических процессов в языке, применяется «отсловарный», лексикографический сопоставительный подход, заключающийся в сравнении функций и особенностей употребления устаревшей лексики на страницах современных СМИ с представлением устаревшей лексики в словаре русского языка Ожегова. На данном этапе развития науки с учетом «отчетливой ориентации всех направлений современной лингвистики на обнаружение результатов своей деятельности в словарной форме» [1, с.12] актуально изучение соотношения реального узуса (и особенно медиатекста как ресурса, наиболее быстро фиксирующего изменения) и его лексикографической интерпретации.

Процесс обратный архаизации – деархаизацию рассматривает Л. В. Поляков. Она, по его мнению, происходила в ходе модернизации России в коллективном сознании, «снимающем» (освобождающемся) от базовых параметров архаического общества: тотальности коллективного сознания, «деспотизма» (совмещенности властно-собственнических функций в одном лице), «коммунизма» (коллективной собственности), «экстенсивности» (самовоспроизводства в форме пространственного переноса своих структур) [3, с. 5].

Исследователи текстов современных СМИ подчеркивают, что особое место в них занимают «устаревшие слова, обладающие значительным экспрессивным потенциалом», наблюдается «тенденция к активизации употребления языковых единиц пассивного словаря русского языка». Устаревшая лексика активно используется в заголовках, названиях телепередач и т. п. Такая востребованность устаревшей лексики объясняется и прагматической установкой на манипуляцию читателем (путем отсылки к узнаваемым историческим событиям, реалиям, эпохам), и стилистическими возможностями этого пласта лексики.

Одна из основных функций историзмов как в языке СМИ, так и в других стилях литературного языка – описание прошлого или апелляция к нему. Использование историзмов в публицистическом дискурсе способствует интеллектуализации и усилению фактографичности текста. Но в отличие от текстов художественной литературы, описывающих определенную историческую эпоху и с помощью историзмов передающих ее колорит, в медиатекст историзмы включаются прежде всего с целью просвещения читателя: «Основной функцией журнальных текстов, отражающих какое-либо историческое явление, является просветительская, а текст – текстом сферы когнитива»:

1. «*Император* Японии официально утвердил новый состав Кабинета министров» [6, с.6].

Император – м., устар. Титул некоторых монархов, а также лицо, носящее этот титул (первонач., в Древнем Риме, почетный титул полководцев) [2].

2. «Открытие новых учебных заведений по подготовке *дворецких* по всему миру сопровождается разногласиями между

приверженцами старой школы и сторонниками нового подхода» [6, с. 3].

Дворецкий – м., устар. в помещицьем и буржуазном быту: старший лакей, заведовавший домашним хозяйством и прислужгой в барских домах [2].

3. «Пациента зовут Анатолий Васильевич. Он то называет всех *сударями*, то грубо ругается. В трубку дышать отказывается. В общем, испытывает противоречивые чувства» [4, с.2].

Сударь – м., устар. Господин (употр. как вежливое, утливое, иногда ирон. обращение) [2].

Архаизмы нередко используются с целью постановки яркого стилистического акцента, торжественного или значительно чаще иронического:

«*Ратники христовы*» [7, с. 4];

«В Москве начинается *куличевская битва*» [7, с. 8];

«Российской армии грозит *второе пришествие*» [6, с. 9].

Это заголовки статей, в которых устаревшие слова помогают рассказать о событиях нашего времени. В первом примере говорится о солдатах в Чечне, во втором – о празднике Пасхи, в третьем – об экс-министре обороны. В данных заголовках мы видим слова и словосочетания, представляющие собой историзмы: *ратники христовы*, *куличевская* (аллюзия с Куликовской) *битва*, *второе пришествие*. Их используют для привлечения внимания читателей, которые, видя эти заголовки, не сразу представляют содержание статей и хотят разобраться, о чем в них будет идти речь.

Во многих случаях устаревшая лексика используется в стилистических целях, в качестве метафор, для придания эмоциональной окраски.

Характерным становится стилистическое столкновение современного и устаревшего лексических пластов русского языка:

«Генерал *всёя Руси*» [5, с. 2].

В этом случае говорится о российском государственном и военном деятеле Анатолии Квашнине, которого называют в статье «генерал *всёя Руси*» по аналогии с устаревшим именованием императора. Здесь устаревшее слово *всёя* помогает обозначить множество военных регалий персонажа статьи, причем речь идет о СССР и республиках бывшего Союза (Казахстане, Белоруссии). Оно употреблено для того, чтобы передать большое количество «титолов» огромной страны.

«*Вся петербургская рать* отменила десятилетие цитадели российского реформаторства» [5, с. 9].

В этой статье повествуется о том, как в Петербурге гостили глава «Роснано» Анатолий Чубайс, директор Института экономических проблем переходного периода Егор Гайдар и антимонопольный министр Илья Южанов. Этих гостей встречали представители города, которых в статье называют «*вся петербургская рать*». Слово *рать* употреблено для того, чтобы показать, как много людей встречало несколько *человек*, так что устаревшее слово в данном контексте использовано как средство выразительности, для привлечения внимания читателей.

Такие особенности медиатекста, как мобильность состава, актуальность не столько стилистических средств, сколько стилистических функций, нетипичная синтагматика, проявляющаяся в активном сочетании средств различной окраски, делают язык СМИ важнейшим ресурсом для изучения современной лексики и предметом пристального внимания

лексикографов для исследования обогащения словарного состава языка и стилистических сдвигов в употреблении уже известных лексем. Исследователи подчеркивают, что во многом именно медиатекст является источником неологизации современного русского языка. При анализе материалов современных российских СМИ прежде всего обращает на себя внимание появление большого количества новых слов и фразеологических оборотов.

Оперативное отражение в медиатексте актуальных реалий и явлений, практически мгновенное реагирование СМИ на изменения в жизни общества делают газетный дискурс площадкой, на которой язык испытывает новейший лексический и фразеологический арсенал.

Коренные изменения, произошедшие в 90-е годы XX в. во всех сферах нашей жизни, серьезным образом сказались на словарном составе русского языка. Изменение государственности, отказ от прошлых социальных, экономических, политических и духовных основ общественной жизни значительно ускорили, в каких-то случаях обнаружили, вывели на поверхность эволюционно подготовленные процессы в языке и прежде всего в его словарном составе, который в настоящее время, в первой четверти XXI столетия, в буквальном смысле переживает неологический бум. Часть «нового» состоит в возвращении «старого». Возвращаются в активное употребление лексемы, относящиеся к разным сферам жизни, например, политической («лоббизм», «либерал» и т.д.), экономической («акция», «вексель», «казна», «консорциум» и др.), сфере образования («бакалавр», «магистр» и др.) и многим другим сферам. Каждая

такая лексема имеет отношение не только к возрождению языка, но и к возрождению культуры.

Литературы

1. Землянова Л.М. Медиадискурсы и новостные фрейминги (исследования современных зарубежных коммуникативистов) /Л.М. Землянова // – Вестник МГУ. – М., 2006. – №10: Журналистика. – С. 10–12.

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., – 1989. – 750 с.

3. Поляков Л. В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация [Текст] / Л. Поляков ; Российская акад. наук, Ин-т философии, Центр теоретических проблем российского реформаторства. – М. : ИФ, 1998. – 200 с.

4. Журнал «Огонёк»: №46 от 20.11.2020.

5. Российская газета «Известия»: №25 от 04.02.2020; №123 от 20.09.2019.

6. Российская газета «Коммерсантъ»: №250 от 11.09.2019; №69 от 28.03.2020; №210 от 02.10.2019.

7. Российская газета «Московский Комсомолец»: №67 от 02.03.2020; №36 от 28.02.2019.

УДК 811'367.623'22:659.123

ПРАГМАТИКА ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Григорьева М.В.,
магистрантка 2 курса
специальности «Русский язык и литература»

Аннотация. В статье анализируется прагматический потенциал имен прилагательных в рекламных текстах. Акцентируется внимание на том, что язык рекламных текстов имеет определенную специфику, основная цель состоит в том, чтобы повлиять на потребителя, заставить его приобрести какую-либо продукцию или воспользоваться какими-либо услугами, а в используемой лексике центральная роль отводится употреблению имен прилагательных, т.к. именно они описывают тот или иной товар или услугу.

Ключевые слова: прагматика, имя прилагательное, реклама, рекламный текст.

Реклама, являясь важнейшей разновидностью массовой коммуникации, прочно вошла в жизнь современного человека. Рекламный текст, основанный на использовании выразительных возможностей языковых средств всех уровней, оказывает существенное влияние на формирование взглядов, стереотипов и образа жизни современного общества. Реклама направлена на пропаганду и продвижение новейших достижений в области медицины, техники, услуг, на создание образа «идеального» товара, специфически воздействуя на адресата и формируя его стратегию поведения и мировоззрение.

«Большой толковый словарь русского языка» определяет рекламу как «1. Широкое оповещение о свойствах товаров, произведений искусства и услуг в целях привлечения внимания и опроса потребителей. 2. Распространение сведений о ком-, чем-л. с целью создания популярности. 3. То, что служит средством

такого оповещения (афиша, объявление по радио, видеоролик и т.п.)» [2, с. 1114–1115].

Целью данной статьи является выявление прагматического потенциала имени прилагательного в рекламных текстах.

С позиции лингвистики, реклама трактуется как одна из сфер использования языка, где она прежде всего служит инструментом увещательной коммуникации [5], основной целью которой является всеми способами воздействовать на прагматическую сферу потребителей рекламы и побудить реципиента определенным образом модифицировать свое поведение. Исследования того, как рекламные тексты способны убеждать человека, проводятся многими науками, такими как антропология, психология, социология. Однако, исходя из того, что основная цель рекламной сферы – коммуникация, ни один из существующих методов не может быть объективным без лингвистического анализа.

Выбор лингвистических средств в рекламе никогда не бывает произвольным. Выбранные средства репрезентируют попытку использовать язык с целью достижения намерений говорящего. Слова, использованные в определенной рекламе, являются продуктом тщательного и осознанного выбора. Для этого наряду с другими средствами используются разнообразные приемы, целью которых является активизация интереса адресата и создание благоприятных условий для закрепления рекламного текста в сознании реципиента.

Следует отметить, что взаимодействие общества и рекламы оказывается двуединым процессом: общество развивает и интенсифицирует рекламную деятельность, а рекламные технологии, в свою очередь,

дают соответствующий стимул социально-экономическому развитию общества.

Термин прагматика был введен в обиход одним из основателей семиотики – теории знаков – и последователем идей Ч. Пирса – Ч. Моррисом, который рассмотрел различные отношения между компонентами семиозиса (знак, десигнант, интерпретатор, объект) и выделил семантическое, прагматическое и синтаксическое измерения семиозиса. Прагматика, таким образом, изучает отношение знаков к интерпретаторам, то есть тем, кто пользуется знаковыми системами [4, с. 50].

Будучи основным компонентом рекламной коммуникации, рекламный текст представляет собой сложное семиотическое образование и включает в себя вербальную (языковой знак) и невербальную (изобразительный знак) составляющие. Выбор способа речевого воздействия, то есть воздействия на адресата посредством определенного слова, высказывания, текста, непременно диктуется различного рода экстралингвистическими условиями, такими как место, время, цель, канал связи. Так, рекламный текст, по сравнению с другими речевыми произведениями, наиболее жестко ограничен во времени, а следовательно, и объемом устного или письменного сообщения. Поэтому, неслучайно, рекламные тексты характеризуются лаконичностью, яркостью языковых средств и глубиной внутренних смыслов. Таким образом, реклама является одним из видов прагматического дискурса. Рекламный текст раскрывает основное содержание рекламного послания, его задача – привлечь внимание потенциального покупателя, разъяснением заинтересовать и заключением убедить купить предлагаемый продукт. При создании текста

рекламы авторы используют весь арсенал языковых и неязыковых средств, для того, чтобы найти наиболее эффективную форму воздействия на адресата с целью убеждения в приобретении товара или услуги. Эмоциональность и оценочность рекламного текста непосредственно вытекают из его прагматики.

Объективная реальность всегда существует в тесной взаимосвязи чувственного и реального, эмоционального и логического, поэтому, говоря об эмоционально-оценочной лексике, мы подразделяем ее на две основные группы: лексику *объективно-рациональной* оценки и лексику *эмоционально-субъективной* оценки.

Внутри этих групп соответственно мы можем выделить классы прилагательных положительной и отрицательной оценки:

1) прилагательные положительной объективно-рациональной оценки.

Под объективно-рациональной оценкой мы понимаем оценку потребительских качеств и функциональных возможностей, которые могут быть подвергнуты реальной проверке и оценены по шкале «истина/ложь».

2) прилагательные отрицательной объективно-рациональной оценки.

Отрицательные оценочные употребляются, в основном, для характеристики отрицательных явлений, которых можно избежать благодаря преимуществам предлагаемого продукта (*некачественный, ненадежный, слабый, низкий (процент), маленький и др.*);

3) прилагательные положительной субъективно-эмоциональной оценки. Субъективно-эмоциональная оценка в рекламных текстах представлена, в основном:

– прилагательными с эмоциональным значением, которое реализует выражение самих эмоций (*удивительный, прекрасный, впечатляющий*);

– качественными прилагательными, обладающими самостоятельным эмоциональным значением (*превосходный, великолепный, идеальный, блестящий, чудесный, стильный и др.*);

– прилагательными с гиперболизированной степенью оценки (*уникальный, непревзойденный, невероятный, исключительный, невероятный, непревзойденный*).

Говоря об употреблении имен прилагательных в рекламных текстах, нельзя не отметить, что еще одним характерным признаком наличия субъективно-эмоциональной оценки является большое количество прилагательных в сравнительной и превосходной степени.

Часто рекламный текст насыщен прилагательными, не содержащими в своей семантической структуре ничего, кроме семы оценки. Эта оценка, как правило, положительна, исходит от группы субъектов и дает однозначную оценку товара [6, с. 101]. Следует отметить, что оценка эта не имеет шкалы, относительно которой можно было бы измерить ее истинность. В этой связи можно говорить о существовании в рекламном тексте особой группы прилагательных – семантически «пустых», не передающих никакой конкретной информации и подчиняющихся определенным целям рекламного текста.

А.Н. Минка в своей статье «Функциональные особенности имен прилагательных как выразителей категории степени в тексте» рассматривает функционирование подобных прилагательных в разных

видах текстов, в том числе и в рекламных. Прилагательные степени – это прилагательные, указывающие на размер чего-либо, степень и интенсивность переживаемых человеком чувств и т. д. Автор делает вывод, что прилагательные степени являются «мощнейшим средством манипуляции», т. к. они «оценивают предмет рекламы с положительной стороны, подчеркивают его превосходные качества, воздействуют на воображение адресата» [3, с. 159–167].

Н.Д. Арутюнова делит прилагательные, выражающие оценку, на общеоценочные и частнооценочные. Общеоценочные прилагательные, имеющие общий характер оценки, реализуются прилагательными *хороший и плохой* и их синонимами с разными экспрессивными и стилистическими оттенками: *удивительный, привлекательный, блестящий, фантастический, замечательный, великолепный, изумительный* и т.д. Частнооценочные прилагательные дают оценку только одному аспекту объекта (в нашем случае товара или услуги) с определенной точки зрения *приятный, вкусный, чистый, честный, понятный, полезный, интересный* и др. [1, с. 15]. Автор называет общеоценочные прилагательные «семантически опустошенными», т. к. они не содержат аспект оценки в своей структуре. Единственное, на что они могут указать – знак оценки (положительная или отрицательная оценка), либо знак оценки (+/-) и интенсификацию (очень, чрезвычайно).

Таким образом, если в словарных дефинициях общеоценочных прилагательных нет большой разницы и в рекламном тексте они взаимозаменяемы, мы делаем вывод, что они не несут никакой семантической нагрузки, кроме семы положительной оценки. Следовательно, часть прилагательных, используемых в

рекламных текстах, десемантизирована. И поскольку весь рекламный текст подчинен цели – управлять желаниями потребителя, то мы рассматриваем семантически опустошенные, или «пустые», прилагательные как один из способов манипулирования поведением потребителя, настраивающим его на положительное восприятие подаваемой информации.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений // Оценка, событие, факт. – М. : Наука, 1988. – С. 15.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Минка А.Н. Функциональные особенности имен прилагательных как выразителей категории степени в тексте // Концепт и культура: материалы II Междунар. науч. конф. (Кемерово, 30–31 марта 2006 г.). – Прокопьевск : Полиграф-Центр, 2006. – С. 959–966.
4. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М. : Акад. Проект, 2001. – С.45–97.
5. Пирогова Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Пирогова Ю.К., Баранов А.Н., Паршин П.Б. – М. : Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000. – 270 с.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОГО (КОНТАКТНО- ДИСТАНТНОГО) ОБУЧЕНИЯ

УДК [373.091.33:811.161.1–028.27]:[373.017:17]:373.018.43

ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТИКЕТНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧЕНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ВРЕМЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Зайцева А.В.,

канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
г. Луганск

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию роли электронных образовательных технологий при обучении речевому этикету на уроках русского языка. Установлено, что во время дистанционного обучения учителю русского языка важно обращать внимание на общение учащихся в социальных сетях, онлайн-платформах и корректировать его согласно нормам культуры речи и этикетных правил, а также давать задания, способствующие формированию этикетной культуры учеников.*

***Ключевые слова:** речевой этикет, дистанционное обучение, электронные образовательные технологии, онлайн-платформы.*

Язык является средством сохранения, выражения и формирования культуры человека, а также её неотъемлемой частью. Важный элемент национальной культуры – это культура общения, которая базируется

на нормах речевого этикета: приветливости, вежливости, тактичности, гостеприимства, дружелюбии. Без них культура не может функционировать благоприятно для человека.

Речевой этикет – это принятые в конкретной социальной среде формулы, обеспечивающие включение в речевой контакт и поддержание общения [1, с. 187]. Помимо этого он включает правила речевого поведения (состоящие из речевых запретов и разрешений), а также стилистические ресурсы языка. Основы речевого этикета закладываются в сознании человека ещё в детстве, когда он наблюдает за поведением родителей, но чтобы полностью овладеть всеми его нормами, необходимо настойчивое внедрение в процесс школьного образования, особенно – на уроках русского языка, что свидетельствует об актуальности работы.

Цель статьи – исследовать возможности электронных образовательных технологий в обучении речевому этикету на уроках русского языка во время дистанционного обучения.

Необходимость развития речевого этикета, например, в социальных сетях, которые сейчас так популярны, совершенно очевидна. Огромную часть времени учащиеся и учителя посвящают социальным сетям. Однако находясь в пространстве социальной сети, учащиеся (а в дальнейшем – взрослые пользователи) поддерживают крайне низкий уровень владения языком и речевой культуры. Количество ошибок (орфографических, пунктуационных, грамматических, речевых и т.д.) превышает всякую норму, т.к. Интернет принято считать средой, где можно избегать соблюдения правил русского языка. Обоснование простое: цель коммуникации – понимание

– достигнуто, поэтому норм культуры речи русского языка можно не придерживаться. Во время очного обучения учитель не может контролировать процесс деградации речевой культуры учащихся в социальных сетях. Вместе с тем, падение грамотности в Интернете – не самая большая проблема, т.к. исчезают и этикетные нормы при общении.

Однако во время дистанционного обучения социальные сети могут стать площадкой для общения, которое учитель может помочь сделать грамотным, вежливым, соответствующим всем нормам как речевой, так и общей культуры. Сейчас наблюдается такая тенденция: учителям рекомендуют создавать свои группы в социальных сетях, «беседы», в которых можно распространять различные материалы по теме урока, общаться с родителями, передавать информацию, сообщать оценки, а в переписке с учениками – корректировать их высказывания. В этом смысле прямой диалог (шире – полилог) учителя русского языка с учащимися в социальных сетях эффективен, т.к. позволяет:

1) исправлять ошибки и речевые недочёты или указывать на них, причём объяснение учителя сохраняется для всех участников беседы;

2) объяснять правила и нормы речевого этикета;

3) контролировать ход дискуссии, посвящённой теме урока.

Второй пункт требует пояснения. Существуют негласные правила речевого этикета в социальных сетях. Как учащимся, так и учителям русского языка (речевым эталонам поведения) необходимо знать эти правила. В общих чертах речевой этикет в социальных сетях можно охарактеризовать следующим образом:

1. Необходимость приветствия. Вне зависимости от способа коммуникации (в онлайн-конференции, при аудиозвонке, через отправку сообщения) следует начинать разговор с приветствия.

2. Важность обращения по имени – это подчёркивает индивидуальный подход к каждому учащемуся. Стоит также напомнить учащимся, что при обращении к учителю (или к незнакомому/малознакомому человеку в социальной сети) следует писать местоимение «Вы» с прописной буквы. Это задаёт уважительной тон беседе.

3. Обязательность грамотной речи. Принято считать, что нас оценивают по внешнему виду, однако в виртуальном общении человек – это то, что он пишет. Поэтому нужно акцентировать внимание учащихся на необходимость изложения мыслей кратко и недвусмысленно.

4. Отсутствие обценной лексики, жаргонизмов, сленга, предикативного виртуального общения, непонятых сокращений. Такая лексика, возможно, уместна в общении с друзьями и сверстниками, но не в переписке с учителем, в дискуссиях в группе, при обсуждении материала, выложенного в социальной сети.

5. Значимость благодарности за полученную информацию. Стоит не забывать о таких этикетных словах, как «спасибо», «благодарю» и т.д.

6. В дискуссии, которую контролирует учитель, стоит критиковать не собеседника, а его аргументы и позицию, а также обосновывать своё мнение, а не переходить на вульгарный обмен оскорблениями.

В условиях дистанционного обучения многие уроки проходят онлайн. Наиболее популярными платформами для этого стали программы Discord и

Skype, обеспечивающие широкий функционал пользователям: видеообщение, запись трансляций, общение в чате, возможность учителю контролировать звук и изображение учащихся, демонстрация экрана и т.д. Разумеется, на этих платформах нужно контролировать речевое поведение учащихся, которые позволяют себе под прикрытием фальшивых «никнов» употреблять нецензурную лексику, включать видеоролики и аудиозаписи неподобающего содержания. Очевидно, что это – грубое нарушение речевого этикета со стороны учащихся, которое учителю необходимо строго пресекать. Однако такое пресечение не гарант развития уровня культуры учащихся. В связи с этим встаёт вопрос о риторической подкованности учеников, которая не позволит неподобающее себя вести во время видеоконференции и обеспечит повышение речевых способностей учащихся – в частности, в создании креативных текстов или материалов.

Поэтому большое внимание должно быть уделено риторическим способностям учащихся, которые будут их демонстрировать их в как Discord, так и на уроках в школе или в реальной жизни. Реализовать это возможно с помощью записи видеороликов, аудиосообщений, которые тоже будут проходить учительскую проверку. Для старших классов можно предложить записать ролик формата самопрезентации при приёме на работу, которая должна будет соответствовать официальным нормам: деловой вид одежды, официально-деловой стиль речи, нормированное общение с потенциальным работодателем. В качестве иллюстративного материала учащиеся могут подготовить презентацию, отражающую достижения и успехи во время учёбы: награды, грамоты, фото и т.д. Возможно и такое задание

во время ДО: описать воображаемый диалог с работодателем во время собеседования. Стоит также предлагать построить различные модели разговора с разными людьми: грубыми соседями, начальниками, учителями, родителями и т.д. Описание разговора должно завершиться вариантами выхода из конфликтной ситуации. Несколько моделей беседы с конфликтными людьми можно продемонстрировать в паре на онлайн-уроке, посвящённом развитию речи (например, на темах «Диалог», «Официально-деловой стиль», «Официально-деловые документы»). Перечисленные формы работы эффективны, поскольку они: 1) направлены на развитие устной и письменной речи (что составляет основную тенденцию в образовательном процессе); 2) активизируют парную и групповую работу; 3) задействуют электронные технологии (запись видеороликов и создание презентаций), что особенно значимо во время ДО. Учителям не так часто удаётся на уроках просмотреть презентации и видеоматериалы, выполненные учащимися в качестве домашних заданий или проектов.

При построении онлайн-уроков на платформах Core, ЯКласс или Skysmart можно использовать задания по речевому этикету (описанные нами в предыдущих параграфах) и видеоролики, что должно стать основой для изучения норм речевого этикета. В качестве тем для вопросов с открытым ответом (т.е. таких заданий, ответы на которые учащийся вписывает самостоятельно) можно давать задания, тематически связанные с этикетом:

- 1) конфликтные ситуации и варианты их решения;
- 2) примеры грубого общения в социальных сетях и предложение их скорректировать;

3) скриншоты дискуссий, найденных в пабликах социальных сетей, в которых обсуждаются «острые» вопросы, и просьбу – сгладить конфликт, изменить речь участников дискуссии так, чтобы она соответствовала этикетным нормам;

4) видеоролики, демонстрирующие отрицательный пример поведения при общении и т.д.

Заданий может быть множество, их качество и креативность зависят от учителя.

Во время дистанционного обучения можно развивать межпредметные связи в контексте изучения речевого этикета – например, с историей, географией, мировой художественной культурой, этикой (электив). В интернет-пространстве есть множество материалов для знакомства с этикетом других народов, которыми можно делиться, просить скопировать для задания, написать реферат (индивидуальное задание), выполнить проектную работу, посвящённую этикету определённой страны (в виде презентации, ролика, доклада на онлайн-конференции). Особенности речевого этикета в разных странах могут стать основой для компаративного анализа в заданиях в конструкторах уроков.

Любопытная форма проведения уроков – дебаты и дискуссии, которые могут перейти в онлайн-формат. Проводить такую форму работы на уроках русского языка эффективно как во время изучения тем, связанных с речевым этикетом, так и во время освоения лингвистического материала. Онлайн-дебаты и дискуссии могут быть выстроены по определённым этикетным нормам, соответствующим нормам очных дебатов и дискуссий и проведены в Skype или Discord. Дебаты – это «чётко структурированный и специально организованный публичный обмен мыслями; прения между двумя сторонами по актуальным темам» [3]. Этот

публичный спор направлен не на убеждение двух оппонентов в чьей-либо правоте, а на убеждение слушателей. Все вербальные и невербальные средства, используемые оппонентами, ставят целью сформировать у аудитории определённое мнение по обсуждаемому вопросу или поставленной проблеме. Материал уроков русского языка даёт богатый репертуар тем: «*Причастие: часть речи или форма глагола?*», «*Авторские знаки: обогащение или усложнение текста?*», «*Что мы можем считать словосочетанием?*» и проч. Учащиеся готовят короткие доклады, зачитывают их во время трансляции, обмениваются вопросами, а публика (остальной класс и учитель) голосуют, приняв ту или иную точку зрения. Во время дебатов докладчики должны выглядеть презентабельно и убедительно, говорить грамотно, согласуя свою речь со всеми нормами русского языка (иначе возможно негативное восприятие со стороны слушателей из-за обилия ошибок); сама же речь должна быть риторически выверенной, чтобы убедить публику. А второй этап дебатов – дискуссия – следует вести согласно этикетным нормам, чтобы не оскорбить оппонента.

Дискуссия – это обсуждение спорного вопроса, проблемы. Во время дебатов происходит конфликт мнений, связанный с такими вопросами и проблемами. Дискутируют оппоненты после представления докладов, а к обсуждению могут присоединяться слушатели. Важная характеристика дискуссии – *аргументированность* [3]. Любая позиция в спорном вопросе должна быть аргументирована, проиллюстрирована примерами. Дискуссия часто рассматривается как метод, активизирующий процесс обучения, изучения сложной темы, теоретической

проблемы [3]. Разумеется, любая дискуссия должна содержать корректные приёмы ведения спора, которые изучаются в речевом этикете.

Ещё можно потратить время ученика с пользой. Большинство учащихся наблюдают за жизнью так называемых «блогеров», т.е. людей, регулярно публикующих текстовый или видеоконтент разной тематики. Часто данное времяпрепровождение имеет сомнительную пользу, а иногда наносит вред, ведь не все блогеры соблюдают нормы культуры речи русского языка. Но во время дистанционного обучения в качестве проекта можно предложить ученикам следующее задание: одновременно с просмотром или чтением составлять речевой портрет блогера (или иного интернет-пользователя, например, политика). Понятие коммуникативного (или речевого) портрета давно известно лингвистике. В середине 60-х годов XX в. М. Пановым была выдвинута идея фонетического портрета, которая нашла своё отражение в ряде портретов политиков, писателей, учёных XVIII-XX вв. Модель фонетического портрета состояла из нескольких социальных и социокультурных аспектов: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, наличие локальных речевых особенностей и т.д. В дальнейшем эту идею развили в понятие «социально-речевой портрет», которым занимались Т. Николаева, У. Лабов, Л. Крысин, Р. Фэйсолд и др. [2].

В настоящее время интерес к коммуникативным портретам возрос. «Пишутся» портреты как обобщённые социальные характеристики различных профессий или даже слоёв населения, так и известных личностей – в частности, политиков. Особенно любопытно в этом ключе изучение коммуникативных

портретов интересных подросткам медийных личностей. В процессе создания речевого портрета учащийся выясняет его уровень речевой культуры, грамотности, манеры общения с аудиторией, которая тоже должна быть правильной, эмпатийной. Выяснение речевых ошибок влечёт за собой рост грамотности самого ученика, а модели поведения изучаемых медийных персонажей, которые не соответствуют этикетным нормам, должны искореняться в личном поведении.

Таким образом, обучение речевому этикету в условиях ДО – это креативная составляющая процесса изучения русского языка, которая может реализовать себя как на уроках лингвистической направленности, так и на уроках развития речи. Во время ДО учителю русского языка важно обращать внимание на общение учащихся в социальных сетях и корректировать его согласно нормам культуры речи и этикетных правил. Задания на онлайн-платформах разнообразны и всецело зависят от творческого потенциала учителя.

Литература

1. Актуальные проблемы культуры речи / под ред. В.Г. Костомарова, Л.И. Скворцова. – М. : Наука, 1970. – 405 с.

2. Романова Т.В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика / Т.В. Романова // Политическая лингвистика [электронный ресурс]. – 2009. – № 27. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-imidzh-i-rechevoy-portret-sovremennogo-politika>, свободный (дата обращения: 02.03.2022).

3. Светенко Т.В. Путеводитель по дебатам : учебное пособие для педагогов и учащихся / Т.В. Светенко. – Электронный ресурс [заглавие с

экрана], режим доступа:
https://web.archive.org/web/20121030181220/http://ru.idebate.org/sites/live/files/Svetenko_book.pdf, свободный (дата обращения: 09.03.2022).

УДК 371.3

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ОНЛАЙН- ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Холодарёва Е.Л.,

ст. преподаватель кафедры русского языка
ГОУ ВПО ДОННУ
г. Донецк

***Аннотация.** Статья посвящена основным проблемам, которые возникают при обучении русскому языку в онлайн-формате. Дан краткий анализ трудностей, сопровождающих дистанционное обучение, выделены проблемы технического, методического, психологического и этического характера. Рассмотрены возможности онлайн-обучения как актуальной формы организации занятий в период пандемии и других неблагоприятных факторов.*

***Ключевые слова:** онлайн-обучение, проблемы, возможности, русский язык.*

Цель исследования – показать преимущества и недостатки онлайн-обучения русскому языку. Для достижения поставленной цели применялись теоретические методы исследования: научных статей, опубликованных в рецензируемых журналах, учебников, методических материалов и пособий по изучению русского языка. Был проведен сравнительный

анализ положительных и отрицательных сторон дистанционного вида обучения.

Информационные технологии являются неотъемлемой составляющей нашей жизни. Стремительно развиваются информационно-коммуникационные технологии, возрастает популярность технических ресурсов и интернета, что является причиной интеграции информационных технологий в учебный процесс. Современный учебный процесс немислим без использования интернет-технологий, электронных библиотек, учебно-методических мультимедиа материалов, удалённых лабораторных практикумов. В этой связи повышается качество обмена информацией между несколькими пользователями, находящимися на большом расстоянии друг от друга. Это содействует повышению уровня знаний и интерактивному взаимодействию всех участников учебного процесса. В то же время не у всех обучаемых достаточно развиты навыки обращения с информационными ресурсами интернета, как и сама информационная культура. Студенты не всегда способны работать с информацией, что пагубно сказывается на усвоении материала. Сегодня общество получило бесценный опыт в плане организации образовательного процесса в режиме онлайн во всех общеобразовательных учреждениях. Такие свойства и особенности дистанционного обучения как доступность, мобильность и гибкость позволили не прерывать процесс обучения в условиях карантина и в период активной фазы ведения боевых действий на Донбассе, когда люди вынуждены находиться на самоизоляции, в безопасных местах, и не известен дальнейший сценарий развития событий. Преподаватели русского языка, как и других дисциплин, вынуждены перейти на

дистанционное обучение с использованием информационно-коммуникационных ресурсов. И самое главное – преподаватели в процессе обучения русскому языку вынуждены адаптироваться к предложенным условиям, не понижая качество и уровень образования.

Что же такое дистанционное обучение? По мнению специалистов ассоциации дистанционного обучения США (The United States Distance Learning Association – USDLA), дистанционное обучение – это такой процесс получения знаний, при котором преподаватель и ученик взаимодействуют друг с другом, находясь на расстоянии.

Онлайн-обучение (дистанционное) предполагает способ организации образовательного процесса, связанный с использованием современных it-технологий. Благодаря таким технологиям процесс обучения может быть реализован на расстоянии и без непосредственного контакта ученика и учителя. Единственно важным компонентом является для обоих – выход в интернет. Основными формами проведения занятий являются онлайн-урок (как индивидуальный: учитель-ученик, так и телевещание из учебного кабинета во время работы с аудиторией), онлайн-консультация, когда учитель непосредственно сопровождает ученика по учебному материалу. В режиме offline такими формами являются: переписка по электронной почте, представление информации средствами мультимедиа-технологий, презентаций, тестирование, отработка навыков с помощью программ-тренажеров, интерактивное исследование учебного материала на образовательных сайтах сети Интернет, посещение электронных библиотек, словарей, проведение виртуальных экскурсий.

Сегодня интернет представляет собой мощнейший источник аутентичных текстов и других материалов, дающих обучающимся возможность улучшить свои языковые навыки и речевые умения.

Онлайн-обучение занимает на данный момент в системе образования прочные позиции, органично дополняя очную форму. Во многих высших учебных заведениях мира созданы центры, позволяющие пройти дистанционное обучение с получением соответствующего диплома. Настоящее исследование позволит определить не только основные возможности, но и проблемы и трудности, с которыми столкнулись обучающиеся в период внедрения дистанционного обучения, а также предложить пути их решения. С точки зрения Минаевой Е.Г., современное дистанционное обучение, в основе которого лежат сетевые технологии, характеризуется такими показателями как высокая мобильность, массовость, гибкость, технологичность и рядом других [5]. К числу основных черт дистанционного обучения А.А. Елизаров, Л.И. Ястребов, Д.Ю. Гужеля и другие авторы относят также эффективность, в том числе и экономическую [1]. Она связана с сокращением затрат на обучение и зависит от мотивационной готовности учащихся к работе с дистанционной технологией; уровня владения учащимися и педагогами базовыми навыками работы с компьютером, с сетью интернет; наличия сети интернет в учебном заведении и дома у учащихся и преподавателей; оборудования для проведения телеконференций. В связи с распространением коронавирусной инфекции в период с 2020 по 2021 год все учебные заведения перешли на дистанционное обучение. Оно, как правило, включает в себя проведение лекционных и практических занятий,

сдачу зачетов, экзаменов, прохождения практики и подготовки НИР и отчетов, написания и защиты ВКР.

Итак, попытаемся перечислить так называемые плюсы и минусы онлайн-обучения, выявив тем самым проблемы и возможности этого вида обучения русскому языку. Начнем с положительных сторон онлайн-обучения и возможностей, которые предоставляет нам онлайн-формат.

1. Доступность: изучая русский язык дистанционно, учащиеся, студенты могут получать знания в любой точке земного шара, где есть интернет. Обучение может проходить в домашних условиях или в иных местах, удобных обучаемому. Таким образом, уроки становятся доступными в условиях самоизоляции при пандемии или при других негативных факторах. Кроме того, онлайн-обучение часто бывает единственной возможностью получить знания, не выходя из дома для людей с ограниченными возможностями.

2. Гибкость: в процессе онлайн-обучения большую часть материала ученик осваивает самостоятельно. Время для занятий обучаемый может выбирать сам, что весьма удобно для работающих студентов (заочная форма обучения). Учебные материалы и инструкции можно получить онлайн в любое время. Таким образом, работающие студенты могут учиться и работать одновременно. При онлайн-обучении учащиеся могут самостоятельно изучать материалы, смотреть вебинары и готовить домашние задания в удобное для себя время. Общение с педагогами проходит на расстоянии – в чатах и на звонках. Либо процесс обучения может происходить здесь и сейчас, занятие начинается в определенное время и на нем надо присутствовать,

только не вживую, а в онлайн-формате (с использованием компьютера, планшета или смартфона).

3. Индивидуальный темп обучения: при обучении в формате онлайн, учащиеся самостоятельно определяют траекторию обучения, уровень сложности и скорость выполнения учебных заданий. У студентов есть выбор получения информации. Это может быть текстовый файл, графическое изображение, аудиозапись или видеурок. При изучении русского языка очень важно повторение с целью обобщения и систематизирования полученных знаний, а также предупреждения их забывания. Например, повторение некоторых тем морфологии и синтаксиса: правописание наречий, обособленные члены предложения, и т.п.

4. Комплекс разных видов работ: информационные технологии предоставляют возможность записи урока с последующим его воспроизведением, то есть всегда можно вернуться к пройденному материалу, повторить, прослушать, пересмотреть. Учащиеся могут самостоятельно оценивать свои результаты и оперативно решать проблемы, выполняя необходимые задания для закрепления материала.

5. Мобильность: важным достоинством онлайн-обучения с использованием информационных технологий, является постоянная обратная связь между преподавателем и учеником, которая может осуществляться как в режиме онлайн, так и в режиме офлайн с помощью электронной почты. Студенты имеют возможность задать преподавателю вопрос, отправить домашнее задание и получить ответ в ближайшее время. Также имеется возможность посещения различных онлайн-курсов, мастер-классов и онлайн-экскурсий на русском языке, не выходя из дома.

6. Экономия времени и средств: информационные технологии обеспечивают процесс обучения без дополнительных материальных затрат на транспортные расходы, проживание и питание на период обучения, так как учебный процесс осуществляется дистанционно. Человек может учиться, не нарушая привычный уклад жизни, даже если его учебное заведение находится на другом конце земного шара. Не будем забывать, что многие студенты, предпочитающие подобный формат обучения, совмещают учебу с трудовой деятельностью. Это означает, что, не тратя свои средства и время на переезд в другую страну или город, они продолжают зарабатывать деньги и строить карьеру, одновременно изучая иностранные языки и получая профессию.

7. Доступность учебных материалов: еще одно преимущество онлайн-обучения – доступность учебных материалов. Не нужно тратить средства и время на поиск учебной литературы, так как весь учебный материал предоставляется в цифровом формате, а поиск интересующей информации можно осуществить через электронные библиотеки, поисковые системы. Возможность использовать информационные технологии, на уроках русского языка эффективно решает некоторые дидактические задачи: формирование навыков чтения; умение поддерживать диалоги и дискуссии, пополнить свой словарный запас.

Несмотря на перечисленные сильные стороны онлайн-обучения русскому языку, у данного вида есть и свои недостатки:

1. Отсутствие прямой коммуникации, слабый эмоциональный контакт: задача преподавателя, независимо от вида обучения, состоит в том, чтобы удержать внимание учеников и обеспечить активность каждого обучаемого. При онлайн-обучении живое

общение отсутствует, как и отсутствует эмоциональный контакт чрезвычайно важный именно на уроках русского языка и литературы. Решить подобную задачу в условиях онлайн-обучения гораздо сложнее. У педагога нет возможности следить за мимикой и реакцией учеников, студенты могут отвлекаться от урока, открыв одновременно несколько приложений незаметно для преподавателя. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, отсутствие живого контакта между студентами и преподавателями, может создать чувство изолированности у студентов и снизить мотивацию и результативность обучения. Также удалённый формат обучения не обеспечивает качественное взаимодействие преподавателя с обучающимся. Например, преподаватель не всегда знает, кто из студентов первым дал правильный ответ.

2. Проблемы при формировании орфоэпических умений: принцип обучения орфоэпии предполагает опору на речевой слух учащихся, что способствует сознательному восприятию звуков и определению их свойств: проговаривание, артикуляция, скандирование, отработка голоса. При онлайн-обучении решить основную задачу обучения орфоэпии – формирование произносительных навыков обучаемых весьма затруднительно.

3. Возникающие неудобства при изучении темы «Ударение»: в каждом языке есть свои особенности постановки ударений. Так как в русском языке ударение не закреплено за каким-то определенным слогом, то место ударения в словах необходимо запоминать, что вызывает затруднение даже в условиях привычного традиционного обучения. При онлайн-обучении изучение темы ударения в русском языке требует от учащихся предельного внимания.

4. Большой объем самостоятельной работы: онлайн-обучение требует определенной организованности, собранности и самодисциплины. Не все ученики отвечают этим требованиям. При живом контакте преподавателя и обучаемого в аудитории, преподаватель имеет возможность видеть всех перед собой, ходить по классу, смотреть записи обучаемых, поправлять в случае необходимости или делать замечание, если студент отвлекается. На онлайн-уроке учитель не имеет возможности отслеживать все эти действия, поэтому контроль над собой должны взять сами обучаемые. В данном случае требуется высокая мотивация, дисциплина и трудолюбие учащегося. Для некоторых студентов сложно концентрироваться самостоятельно, поэтому такое обучение может быть продуктивным не для всех.

5. Сложность проведения коммуникативных игр: для формирования и развития коммуникативных компетенций русского языка, необходимы не только теоретические знания, но и применение этих знаний на практике. В данном контексте очень важны коммуникативные игры. Они помогают повысить интерес и мотивацию учащихся, приблизиться к ситуации реального общения, снять языковой барьер и увеличить объем речевой деятельности. При онлайн-обучении задача с проведением групповых коммуникативных игр довольно непростая, так как в онлайн режиме сложно сформировать команды из учащихся для решения определенных коммуникативных задач. В данном случае на помощь могут прийти разные коммуникативные игры, адаптированные под онлайн формат, либо поиск коммуникативных партнеров.

6. Технические сбои: технические неполадки при дистанционном обучении могут зависеть от загруженности серверов, возможностей выбранной платформы и других причин. Нестабильная связь, проблемы с изображением или звуком могут заметно испортить или вовсе сорвать занятие. Низкая скорость интернета может способствовать тому, что видео во время онлайн-урока будет медленным, что может привести к появлению эха и задержке при передаче голосовой информации. Прерывание связи, посторонние шумы, отставание аудио- и видеосигналов могут также отрицательно отразиться на качестве обучения.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что применение ресурсов и инструментов онлайн-обучения при обучении русскому языку дает одновременно и прекрасные возможности интенсификации учебного процесса, но и вызывает ряд определенных проблем, над решением которых еще предстоит работать, чтобы сделать процесс обучения более эффективным как для преподавателей, так и для обучаемых. Необходимо добиваться того, чтобы субъекты и объекты образовательного процесса смогли бы получать больше полезного материала и быструю обратную связь. Дальнейшая работа по поиску решений проблем, возникающих при онлайн-обучении русскому языку, поможет сделать процесс обучения наиболее эффективным и интересным.

Литература

1. Елизаров А.А., Ястребов Л.И., Гужеля Д.Ю. Дистанционное образование. Характеристика понятия информационное общество. – 2005. – вып. 4. – С. 30-35.

2. Ибрагимов И.М. Информационные технологии и средства дистанционного обучения. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Academia, 2012. – 336 с.
3. Гарманова О.Ю. Организационно-методическое обеспечение дистанционного обучения. //Проблемы развития территорий. – 2017. – № 9. – С. 18-24.
4. Лазутин С.Б. Новые информационные технологии в системе дистанционного обучения. – вестник тамбовского университета. Серия: естественные и технические науки. – 2012. – №21 – 161-164 стр.
5. Минаева Е.Г. Преимущества и недостатки дистанционного образования – Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/> (дата обращения: 01.04.2022 г.)
6. Андреев А.А. Введение в дистанционное обучение. Учебно-методическое пособие. – М.: ВУ, 1997. – 210 с.
7. Гужеля Д.Ю., Е.А.Федорова. Районный ресурсный центр как фактор эффективности дистанционного повышения квалификации: Научно-методические рекомендации. – М.: Федерация Интернет Образования; Великий Новгород: НРСРО, 2004. – 120 с.
8. Дистанционное обучение: Учебное пособие / Под ред. Е.С. Полат. – М.: ВЛАДОС, 2008. – 192 с.
9. Концепция создания и развития единой системы дистанционного образования в России: утверждена Постановлением Госкомитета РФ по высшему образованию от 31 мая 1995 г. № 6 // Консультант Плюс: Высшая Школа: Программа информационной поддержки российской науки и образования: Специальная подборка правовых документов и учебных материалов для студентов: учебное пособие. – 2007. – Вып.4.

10. Леонов В.Г. Концептуальная модель дистанционного образования // Триместр. – 1996. – №1.

11. Моисеева М.В., Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Нежурина М.И. Интернет-обучение: технологии педагогического дизайна /под ред. М.В. Моисеевой. – М.: Издательский дом «Камерон», 2004.

12. Полат Е.С. Дистанционное обучение: организационные и педагогические аспекты. – Инфо. – 1996. – № 3.

УДК 373.016 : 811.161.1 – 028.26/27

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЭЛЕКТРОННЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Гринчукова Н.В.,

старший преподаватель
кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий,

Кизилова И.А.,

ассистент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

г. Луганск

***Аннотация.** В данной статье рассматривается необходимость использования мультимедийных технологий при обучении русскому языку. Описаны способы интеграции аудиовизуальной информации с помощью мультимедийных технологий. Указан ряд преимуществ по сравнению с другими*

информационными технологиями обучения: качественные улучшения в процессе естественного сочетания традиционных и инновационных форм и методов обучения; реализация моделирования, проектирования и анализа функций; выполнение таких принципов, как визуальность и доступность; целесообразность систематического перехода от образования к самообразованию; создание положительного эмоционального фона для обучения; связывания теории с практикой.

Ключевые слова: *мультимедийные технологии, коммуникативная деятельность, проектная методология, активизация самостоятельной учебно-познавательной деятельности учащихся.*

XXI век называют веком высоких компьютерных технологий, «эпохой информации». Современные школьники активно используют информационные технологии (персональный компьютер, сервисы Интернет, электронные учебники и т.д.), они воспитаны на аудио-видео продуктах, компьютерных играх и других элементах компьютерной культуры. Необходимы новые подходы к организации учебного процесса, опирающиеся на прогрессивные интерактивные технологии. Именно поэтому внедрение мультимедийных технологий в структуру современного урока является одним из приоритетных направлений.

Актуальность данной работы состоит в том, что использование новейших информационных технологий на уроках русского языка повышает мотивацию и познавательную активность обучающихся, позволяет применить личностно-ориентированную интерактивную образовательную технологию, повышает эффективность обучения и качество образования.

Современный урок требует использования инновационных технологий. Компьютеризация процесса образования – это реальность, с которой необходимо считаться. Преимущества внедрения информационных технологий неоспоримы; это и оперативный контроль знаний, что даёт значительную экономию учительского времени при проверке контрольных и самостоятельных работ, и элемент занимательности, повышающий интерес учащихся к обучению, и создание условий для индивидуальной работы.

Использование информационных технологий на уроках русского языка не заменяет привычные дидактические средства, а лишь дополняет их в процессе традиционно проводимого урока.

Что такое мультимедийные технологии? Мультимедиа – это совокупность компьютерных технологий, одновременно использующих несколько информационных средств: графику, текст, видео, фотографию, анимацию, звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение.

Мультимедийная технология обучения – технология, в основе которой лежит активное использование в процессе обучения современных мультимедийных средств (комплекс аппаратных и программных средств, позволяющих человеку общаться с компьютером, используя самые разные, естественные для себя среды: звук, видео, графику, тексты, анимацию.) Урок с использованием мультимедийных средств и построенный на основе мультимедийной технологии получил название «мультимедиа-урок», «мультимедийный урок». В таком уроке в передаче и усвоении учебной информации участвуют два новых компонента: компьютер и программные средства, в

которых структурирована учебная информация в текстовом виде, во множестве наглядных изображений в виде схем, рисунков, таблиц, видеофрагментов, снабжённых анимационными и звуковыми эффектами.

Основными формами организации работы учащихся на уроке являются:

- фронтальная работа – просмотр видео фрагментов, Интернет-уроков, прослушивание аудиозаписей;

- индивидуальная – выполнение практических работ (работа с интерактивными тренажерами, программами);

- работа в малой группе – выполнение общего учебного проекта.

Традиционные и организационные виды деятельности и методические приемы

При объяснении нового материала на уроке:

- мультимедийная лекция с использованием компьютерного программного обеспечения, позволяющего интенсифицировать и индивидуализировать учебный процесс;

- интерактивные приемы с использованием интерактивной доски, что помогает сделать урок живыми и привлекательным для учеников. Интерактивная доска позволяет преподнести учащимся информацию, используя широкий диапазон средств визуализации (карты, таблицы, схемы, диаграммы, фотографии и др.). Интерактивная доска позволяет преподнести изучаемый материал захватывающими и динамическими способами, позволяет моделировать абстрактные идеи и понятия, не прикасаясь к компьютеру, изменить модель, перенести объект в другое место экрана или установить новые связи между

объектами. Все это делается в режиме реального времени;

– цифровые образовательные ресурсы, электронные репетиторы, Интернет-ресурсы, самостоятельно сконструированные цифровые образовательные ресурсы, предметные коллекции (иллюстрации, портреты, видеофрагменты, видео-экскурсии), таблицы, схемы, проектируя их на большой экран. При этом существенно меняется технология объяснения – дается комментарий с дополнительными объяснениями и примерами, у обучающихся «включаются» слуховой и визуальный каналы восприятия материала, развивается воображение;

– дидактический материал в виде презентаций, схем-конспектов, тренажеров анимированных кроссвордов и т.д.;

– опережающее домашнее задание к новой теме – подготовить свою мультимедийную презентацию. Это позволяет повысить эмоциональный фон учащихся, задействовать разные каналы восприятия информации, стимулировать обучающихся к проявлению творческой активности, как результат, повысить качество знаний;

– метод проектов для активизации деятельности обучающихся, отработки исследовательских навыков с обязательной защитой на уроке.

На этапе закрепления знаний, отработки навыков:

– использование Интернет-ресурсов и учащимися, и учителем: единая коллекция цифровых образовательных ресурсов, электронные словари и энциклопедии;

– использование в качестве дидактического материала к уроку как собственных мультимедийных презентаций, конспектов уроков для интерактивной доски, так и разработанных учащимися презентаций,

что позволяет вовлечь их в активную деятельность по подготовке занятия, повысить производительность труда учителя и ученика;

– создание учащимися своей схемы или своего алгоритма для применения того или иного правила, что позволяет сделать задание лично значимым для ученика.

На этапе обобщения и систематизации полученных знаний:

– интегрированные уроки с использованием ИКТ, направленные на активную самостоятельную выработку учащимися нового знания, освоение новых способов деятельности, постановку в центре учебного процесса активного личного опыта учащихся;

– использование интерактивной доски как средства для выхода в Интернет (просмотр художественных и документальных фильмов по программе, видеоуроков, лекций и т.д.);

– разные виды заданий для интерактивной доски, что дает возможность вовлекать в процесс обучения всех учащихся класса, строить общение на основе творческого поиска. Большой спектр интерактивных приемов – работа с цветным маркером, мобильные схемы, вставка анимации, аудио- и видеофайлов, работа со «шторкой», возможность изменять любой текст на экране и др. – превращают урок в живой, творческий процесс, где в центре личность ученика.

На этапе подготовки домашнего задания:

– создание учащимися презентаций, буклета, веб-страницы, с обязательным определением временных рамок, количества источников информации (можно предложить адреса нескольких сайтов), программу реализации задания (Word, Power Point), объем отчетного документа;

– мультимедийные технологии должны быть органично взаимосвязаны с другими составляющими процесса обучения: целями, содержанием, формами и методами обучения, деятельностью учителя и учащихся.

Использование электронного учебника на уроке позволяет активизировать познавательные интересы учащихся, контролировать деятельность каждого, значительно увеличить темп работы, решить сразу несколько задач: изучить новый материал; закрепить его, выполняя практическую работу, включающую разные виды упражнений, углубить знания, провести контроль.

Учебник выполняет две основные функции:

– является источником учебной информации, раскрывающей в доступной для учеников форме предусмотренное образовательными стандартами содержание;

– выступает средством обучения, с помощью которого осуществляется организация образовательного процесса, в том числе и самообразование учеников.

Электронная форма учебника по сравнению с традиционной печатной формой обладает следующими преимуществами:

1. Компактнее – фактически весь комплект учебников «умещается» в одном устройстве, например, планшете;

2. Является более удобной для пользователя благодаря возможностям быстрого перемещения по разделам учебника при помощи интерактивного оглавления и кнопок быстрого перехода, настройки отображения (увеличение иллюстраций, изменение размера шрифта и т.д.) и поиска в учебном материале, по ключевым словам,

3. Дополняет учебный материал электронными образовательными ресурсами – мультимедийными объектами, обеспечивающими большую наглядность и содержательную широту материала;

Цели и задачи учителя русского языка в использовании электронного учебника таковы:

- сделать уроки более наглядными, используя возможность просмотра репродукций и прослушивания музыкальных произведений;

- сделать процесс обучения учащихся более занимательным и интересным;

- пробудить в школьниках стремление к знаниям и самостоятельной форме обучения;

- получить возможность контроля уровня знаний и усвоения материала с использованием компьютерного тестирования.

Преимущества использования электронного учебника в том, что:

- весь материал показан разнообразно: если в учебнике помещен только текст и рисунки, то в электронном учебнике есть и видеофрагменты, диаграммы, аудиотекст. Все это активизирует мыслительные процессы и память учащихся, развивает творческое воображение и повышает интерес к предмету;

- в полной мере использован принцип наглядности;

- все показано в разрезе, с подробными указаниями и надписями;

- хорошо даны тестовые вопросы – ученик тут же может ответить и проверить свои знания.

В электронных учебниках тест написан кратко и просто, ключевые моменты выделены цветом, это

активизирует правое полушарие и позволяет легче усвоить тему. Кроме этого, для лучшего запоминания видеофрагмент можно повторить и прослушать несколько раз. На уроке с использованием таких учебников не скучно, потому что нет монотонности изложения материала, черно-белого оформления, тут все дается в интерактивной форме, красочно, ярко, доступно и привлекательно. Также сами тесты представлены в разнообразной форме, нужно не просто отметить вариант ответа, а вставить его в определенную таблицу или форму, провести линии, соединяющие разные термины и т.д. И что самое главное, здесь же даются правильные ответы, просмотр которых позволяет ученику понять и запомнить верные решения.

Использование электронного учебника в профессиональной деятельности является неотъемлемым качеством современного учителя.

Существуют различные издательства, например, «Просвещение», «Дрофа», «Экзамен», которые предлагают не только электронные учебники, но и аудиоматериалы, различные интерактивные задания для формирования различных умений и навыков, а также для проверки и самопроверки.

Можно сделать вывод, что электронные учебники и пособия облегчают понимание изучаемого материала. Способы подачи материала воздействуют на слуховую и эмоциональную память; допускают адаптацию в соответствии с потребностями учащегося, уровнем его подготовки, интеллектуальными возможностями и амбициями; освобождают от громоздких действий, позволяя сосредоточиться на сути предмета, рассмотреть большее количество примеров и выполнить больше упражнений; предоставляют

широчайшие возможности для самопроверки на всех этапах работы.

Использование электронных учебных пособий позволяет повысить качество обучения, сделать его динамичным, решать несколько задач – наглядность, доступность, индивидуальность, контроль, самостоятельность. Применение электронных учебников и пособий целесообразно только в комплексе с другими обучающими системами, при этом, не отрицая, а дополняя печатные издания.

В ходе апробации различных инновационных технологий обнаружены не только высокая результативность знаний и умений школьников, но и развивающие возможности. При умелом использовании способов, приёмов развивающей технологии обучения русскому языку можно обеспечить прочное и осознанное усвоение учебного материала, успешнее реализовать весь комплекс образовательно-воспитательных задач, а главное – приобщить детей к изучению русского языка, развить глубокий интерес к предмету.

Главная цель использования инновационных технологий обучения русскому языку – это повышение качества знаний учащихся, развитие их интеллектуальных и речевых способностей.

Литература

1. Белькова, А. Е. Интерактивный метод обучения на уроках русского языка как способ повышения познавательной активности учеников [Текст] / А.Е. Белькова, Л.П. Лесниченко. – Молодой ученый. – Казань: Молодой учёный, 2015. – № 23 (103). – С. 1068–1071.

2. Инновационная школа: аксиомы и гипотезы: Учеб. метод. пособие/ Т.М. Ковалёва. – М. Воронеж: МПСИ МОДЭК, 2003. – 255 с.

3.Хуторской Андрей Викторович. Педагогическая инноватика: методология, теория, практика: науч. изд./А.В. Хуторской. – М.: УНЦ ДО, 2005 – 221с

4. Интернет в гуманитарном образовании : Учеб. пособие для студентов вузов / [Е. С. Полат и др.]; Под ред. Е. С. Полат. – М.: Владос, 2001. – 271 с.

5. <https://11-klassov.com/subjekt/russkiy-yazyk>

УДК 9424.167.4_1634

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ КАРАНТИНА

Елифанова Т.В.,

ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
г. Луганск

***Аннотация.** В статье проанализирован процесс становления инновационных методов обучения русскому языку в отечественной педагогике; описаны особенности применения инновационных методов в условиях длительного карантина; приведены примеры использования инновационных методов морфологии русского языка во время дистанционного образовательного процесса.*

***Ключевые слова:** инновационный метод, интерактивный метод, дистанционное обучение.*

Современное состояние методики обучения в школе показывает, что учителя все активнее употребляют инновационные способы в процессе работы. Пытаясь сделать урок более интересным, а усвоение детьми информации – более быстрым и глубоким, педагоги прибегают к сочетанию традиционных и новейших методов. Сегодня, в период всемирной пандемии, когда использование традиционных методов невозможно, важно оптимизировать силы и знания учителей для того, чтобы продолжить процесс обучения. Инновационные способы обязаны стать основой формирования современного урока.

Актуальность статьи заключается в нарушении проблемы выработки у учащихся морфологических навыков путем применения инновационных методов в целях сохранения учебного процесса в условиях длительного карантина.

Целью статьи является анализ использования инновационных методов в процессе обучения русскому языку в условиях длительного карантина.

Урок при дистанционном обучении имеет определенные особенности. В первую очередь, это виртуальная встреча, а не реальная. Хотя перестроиться на дистанционное обучение может быть тяжело, но новейшие методы позволяют учителю ненавязчиво и креативно продолжать образовательный процесс. В педагогике термин «инновация» (лат. – изменение, введение нового) обозначает нововведение, обновление процесса обучения.

Педагогическая инновация – процесс создания, распространения и использования новых средств для решения тех педагогических проблем, способы решения которых устарели. Сегодня педагогической проблемой

стало отсутствие возможности традиционного обучения в школе. Хотя такие ограничения временные, но образовательный процесс не может остановиться даже на некоторое время.

Инновационные методы – это методы, предполагающие рост роли учащегося в учебном процессе, смещение фокуса учебного процесса от учителя к учащемуся; усиление функции поддержки учащегося, помощи ему в организации индивидуального учебного процесса; возможность обратной связи учителя с каждым учеником в процессе использования обучающих технологий и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

В. Мануйлов отмечает, что «инновация означает преобразование, новизну, трансформацию; нововведение предполагает привлечение чего-нибудь действительно нового. Это предполагает вовлечение нового в цель и содержание урока, использование современных методов и форм обучения и воспитания, создание коллективной работы педагога и ученика, распространение новых взглядов на обучение и весь образовательный процесс в целом. Инновации сами не рождаются, они возникают как результат научных изысканий, попыток, исследований, передового педагогического опыта и экспериментов» [6].

Использование инновационных методов в процессе преподавания началось в XX веке и приобрело популярность в последнем десятилетии в связи с стремительным развитием ИКТ. К тому же инновационные технологии позволяют перейти от изучения абстрактного предмета к восприятию его как средства общения и мышления, а учебно-познавательную деятельность перевести на современный, творческий уровень. Внедрение

инновационных методов значительно улучшает качество подачи учебного материала и результативность его усвоения учащимися, обогащает содержание образовательного процесса, повышает мотивацию к изучению русского языка и литературы, создает условия для более тесного партнерства между учителями и учащимися [2]. Такое партнерство является залогом того, что педагог становится наставником для школьников не только при изучении предмета, но и в повседневной жизни. Поэтому использование инновационных методов чрезвычайно важно в процессе обучения.

Инновационные технологии содержат следующие подходы к преподаванию языков:

- 1) интерактивные методы преподавания;
- 2) использование технических средств обучения (компьютерных и мультимедийных, сети Internet) для контроля знаний, хранения и использования учебных материалов [1].

Хотя и временно, однако образование сегодня может существовать только при использовании технических средств. Это уникальный опыт для методистов и педагогов, поэтому мы описали инновационные методы в условиях, вызванных всемирной пандемией.

С внедрением дистанционного обучения учебные заведения начали применять технологию «вебинар». С помощью интернет-технологий вебинар сохранил главный признак урока – интерактивность, обеспечивающая моделирование функций докладчика, слушателя, которые будут работать интерактивно, коммуницируя по сценарию проведения такого урока [7]. Поэтому во время дистанционного обучения термин «урок» равен термину «вебинар».

Во время вебинара уместно использовать приемы иллюстрации и демонстрации с помощью интерактивных сравнительных таблиц, алгоритмов, презентаций, видеороликов. Как отмечает Д.А. Иванченко, «одним из психологических принципов развивающего обучения является формирование обобщенных приемов умственной деятельности, которые делятся на приемы алгоритмического типа и эвристические. Поскольку упражнения алгоритмического типа ориентируют учащихся на действия по готовому образцу, сковывая в какой-то мере поисковый процесс мышления, необходимо совмещать их с приемами эвристического типа, а именно: конкретизации, абстрагирования, варьирования, аналогии, постановки аналитических вопросов» [4].

Поэтому, подбирая приемы, что удачно дополняют материалы алгоритмического характера, следует обратить внимание на инновационный метод интерактивных упражнений. Это метод вариативных упражнений, которые по заданию похожи на традиционные, и способ их выполнения – другой. Например, условие традиционного вариативного упражнения: «Запишите прилагательные в две колонки в соответствии со способом их написания: отдельно или с дефисом», – и условие интерактивного вариативного упражнения: «Перетащите прилагательные в колонку с правильным написанием».

Использовать или создать интерактивное упражнение можно с помощью Интернет-сайтов. Приведем пример использования метода интерактивных упражнений с помощью learningapps.org для усвоения темы «Правописание наречий» в 7 классе.

Шаг 1. Учитель открывает сайт, раздел «Русский язык».

Шаг 2. Учитель выбирает тему «Наречие».

Шаг 3. Учитель выбирает упражнение «Правописание наречий».

Шаг 4. Учитель копирует веб-призвание на упражнение.

Шаг 5. Во время вебинара учитель посылает учащимся веб-призвания.

Шаг 6. Учащиеся открывают упражнение, читают задание: «Распределите наречия по группам в зависимости от написания».

Шаг 7. Учащиеся выполняют упражнение. Распределяют наречия: «(в)дали» – слитно, «(до)свидания» – раздельно, «(еле)еле» – с дефисом.

Шаг 8. Учащиеся кликают мышкой на «Окончить», и алгоритм программы проверяет правильность ответов.

Шаг 9. Учащиеся отправляют снимок экрана учителю для оценки.

Наибольшим риском при дистанционном обучении считаем утрату динамичности и эффективности вебинара. Предлагаем ознакомиться с инновационным методом временного обучения. Этот метод учитывает особенности работы мозга, чтобы помочь быстро усвоить теоретический материал. Его разработал нейровед Р. Дуглас Филдс на основе исследования того, как функционируют воспоминания. Идея заключается в последовательном изучении небольшого количества теоретического материала, чередуя с новым материалом, совершенно не касающимся теории.

Основными, по мнению исследователя, являются четкие временные рамки, установленные на

информационные блоки, из элементов которых построен урок. Учебный материал делится на основной (теоретический) и вспомогательный (развлекательный, творческий). Каждый теоретический блок чередуется со вспомогательным. Таким образом, отмечает ученый, можно оптимизировать естественный процесс кодирования памяти в мозге.

Для того, чтобы применить метод временного обучения на уроке, необходимо предварительно подобрать учебный материал, пригодный для разделения на блоки (в соответствии с временными рамками), приспособить его к блочной форме обучения и последовательно объяснять новый материал.

Инновационный метод обучения блогу может быть реализован с помощью программы Edmodo. Edmodo – это образовательная технологическая платформа, предлагающая коммуникацию, сотрудничество и возможность тренерской работы для общеобразовательных школ, колледжей и преподавателей. Система ориентирована на учителя: ученики и родители могут присоединиться к Edmodo только после приглашения.

Однако наибольшим преимуществом является то, что это закрытая защищенная сеть только для учителей и учеников, поэтому идеально подходит для применения метода ведения блога. Кроме того, его применение поможет перенести положительное отношение к социальным сетям на изучение русского языка.

Ведение блога – это творческое планирование, подбор гипотез, систематизация, описание темы в блоге. Этот метод требует систематичности, и лучше к нему возвращаться хотя бы один раз в месяц. Учитель создает страницу класса на платформе, где учащиеся освещают

тематический вопрос путем сообщений. В течение вебинара дети прорабатывают тему, подбирают проблемные вопросы, активно обсуждают публикации и пишут блог как домашнее задание. Следует разрешать учащимся самим выбирать темы для публикаций, однако натолкнуть на выбор общественно важных тем. Так, совмещая теоретический материал урока, можно добиться развития социокультурной компетентности.

Например, к теме «Предлоги» в 7 классе учащиеся в блоге описывают проблему загрязнения планеты, обязательно используя сложные предлоги.

Итак, инновационное обучение – это процесс, обновляющий учебную систему и исключающий возможность пассивности учащихся на уроке. Новейшие методы помогают установить партнерские взаимоотношения между учителем и учениками, что положительно влияет на процесс усвоения информации и формирование социокультурной компетентности.

Во время карантина возможно и нужно продолжать обучение с помощью инновационных методов. Использование интерактивных методов в условиях всемирной пандемии является необходимым элементом учебного процесса, способствующего формированию у учащихся глубоких теоретических знаний, практических навыков, стимулирует конструктивно-критическое мышление, пробуждает интерес и мотивацию.

Литература

1. Андреев А.А., Солдаткин В.И. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация / А.А. Андреев. – М.: МЭСИ, 2016. – 196 с.
2. Е. Долгих. Как провести дистанционный урок: 4 шага, чтобы не потерять класс / Блог Анны

Варенцовой (дата обращения: 11.05.2020). Режим доступа: <https://mel.fm/blog/anna-varentsova>

3. Дуглас Филдс Р. Сохранение воспоминаний / Р. Дуглас Филдс. – Scientific American, 2005. – С. 58–63.

4. Иванченко Д.А. Системный анализ дистанционного обучения / Д.А. Иванченко: монография. – М.: Союз, 2015. – 192 с.

5. Корба О.А. Дистанционное обучение в условиях пандемии: проблемы и перспективы // Образование и педагогика: теория и практика: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 4 дек. 2020 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 37-40.

6. Мануйлов В., Федоров И. Модели формирования готовности к инновационной деятельности / В. Мануйлов. – М.: Высшее образование в России. 2004. – №7. – С.56-64.

7. Невзорова М.С. Стратегии развития педагогики в контексте Индустрии 4.0 в условиях дистанционного образования // Цифровое образование: новая реальность : материалы Всерос. науч. конф. с международным участием (Чебоксары, 16 нояб. 2020 г.) / редкол.: Н.А. Чернова [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 55-58.

УДК 379.091.32:811.161.1-024.64:004.773

ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ УРОКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Бровкина Д.В.,

учитель русского языка и литературы

ГОУ ЛНР «Брянковский УВК №10»

г. Брянка

***Аннотация.** Статья посвящена характеристике онлайн-платформ, предоставляющих широкий функционал для создания интерактивных уроков по русскому языку. Установлено, что в условиях электронного обучения и применения дистанционных образовательных технологий элементы обучения видоизменяются, переносятся в цифровую среду. Выявлено, что каждая из образовательных платформ содержит обширные возможности для активизации познавательной деятельности учащихся на уроках русского языка.*

***Ключевые слова:** познавательная деятельность, дистанционное обучение, онлайн-платформа, электронная образовательная технология.*

К сожалению, современность бросила системе образования серьёзный вызов: пандемия Covid-19 перевела обучающихся из школ домой, а обучение стало дистанционным (ДО). Это стало проблемой и для учителей, и для обучающихся, и для их родителей, так как подобная практика ещё никогда не получала столь масштабный характер. Очевидно, что подход, учитывающий элементы электронного обучения и дистанционные образовательные технологии, оказался наиболее продуктивным с обучающей точки зрения.

Поэтому внедрение в дистанционное обучение электронных технологий, интернет-ресурсов и онлайн-платформ – перспективная задача современной системы образования, что свидетельствует об актуальности исследования.

Цель статьи – исследовать и охарактеризовать онлайн-платформы, предоставляющие широкий функционал для создания интерактивных уроков по русскому языку.

Прежде чем переходить к конкретным способам создания интерактивных уроков, необходимо кратко охарактеризовать структуру их проведения в условиях дистанционного обучения:

1. Анонсирующее занятие, во время которого будет объявлена траектория работы учащихся на время изучения темы или целого раздела (например, темой может стать «Местоимение», а разделом «Части речи»). Учителем подготавливается методический и иллюстративный материал по теме, который будет разослан учащимся для ознакомления.

2. Вводное занятие, которое может проходить в форме видеоконференции. Учитель с помощью презентации (или другого иллюстративного материала) предоставляет сжатое объяснение темы, отвечает на возникающие вопросы учащихся – т.е. создаёт некий блок информации, которая в дальнейшем будет самостоятельно повторена и закреплена учащимися.

3. Индивидуальная консультация с учениками с определёнными образовательными потребностями, которые не могут воспринять информацию на видеоконференции вместе со всеми или у которых не было возможности подключиться к трансляции.

4. Дистанционное тестирование и самооценка знаний. Данный урок направлен на практическое

закрепление полученных знаний. Проходя его, ученик должен продемонстрировать степень овладения материалом.

5. Выполнение виртуальных работ. Представляется, что данный вид урока может быть использован для уроков развития речи. К примеру, в ЯКлассе или Core можно создать вопрос с открытым ответом, куда ученик может написать сочинение, а учитель получит его в Личный кабинет.

6. Синхронная телеконференция – это вид связи, при котором учитель в режиме реального времени общается с учениками. Данный урок может быть использован для объяснения новой темы, работы над ошибками и т.п.

7. Асинхронная телеконференция – это запись учителем трансляции, во время которой возможно объяснение новой темы [2, с. 23–25].

Однако ни один из названных видов урока не будет успешен, если не будут соблюдены *требования*, диктуемые электронным обучением. Согласно им, учитель обязательно должен предоставить инструкцию по работе с предоставленным ресурсом или материалом урока. Сам материал (или сконструированный урок) должен быть методически грамотно структурирован: в нём желательны такие элементы, как иллюстрации (схемы лингвистического разбора, таблицы (частей речи, стилей речи и т.д.), презентации, теоретический материал, чередующийся с тренировочными заданиями, аудио- и видеоресурсы. Урок можно закончить заданиями для контроля знаний, умений и навыков (тесты, практические работы, электронные рабочие тетради); однако задания должны быть оригинальными во избежание списывания. Задания для проверки усвоения должны содержать возможность самоконтроля

– т.е. ответы должны автоматически проверяться, и правильный или неправильный ответ может быть увиден учеником [1, с. 91].

Соблюдая данные требования, учитель способен построить современный и качественный урок, который заинтересует обучающихся и активизирует их познавательную деятельность. Способы, с помощью которых учитель может повысить эффективность освоения темы урока в условиях дистанционного обучения, основаны на использовании различных цифровых платформ. Охарактеризуем те, что можно использовать на уроках русского языка.

Core – перспективная платформа для онлайн-обучения. Она позволяет создавать дистанционные уроки и интерактивные листы к ним совершенно бесплатно и с широким арсеналом инструментов. Зарегистрировавшись в *Core*, перед учителем открывается рабочее пространство – панель управления, где хранятся и складываются в папки созданные уроки. Рабочее пространство для редактирования урока содержит в себе несколько полей: слева собраны иконки, обозначающие тип электронного контента, в центре – полотно для создания дидактического материала, справа собраны кнопки управления. Для добавления необходимого элемента на страницу необходимо переместить его из списка слева на страницу центрального полотна. Урок создаётся довольно быстро и просто и может содержать в себе такие элементы:

1) «Текст» – в котором размещается и редактируется текст (например, теоретический материал, содержащий гиперссылки); в него же легко монтируются изображения.

2) «*Медиафайл*», позволяющий добавить видео- или аудиофайл размером до 100 мб или разместить ссылку со сторонних сайтов, причём учащемуся не требуется переходить по ссылке – видео уже будет размещено в структуре урока. Видео – ключевой элемент дистанционного урока. Не всегда учитель может выйти на связь с учащимися, а технические возможности не позволяют записать урок на видео.

3) «*Упражнение*», в который можно интегрировать контент с сайта Learning Apps (о нём см. ниже).

4) «*Документ*» – в структуру урока можно поместить документы различных форматов.

5) «*Тест*», позволяющий создать вопрос с однозначным и многозначным выбором с автопроверкой и поясняющими комментариями учителя, если учащийся прошёл тест неправильно. Тест – лёгкий и привычный способ проверки знаний, а Core облегчает работу учителя с помощью автопроверки.

6) «*Открытый вопрос*», позволяющий создать вопрос с ответом в открытой форме. Ответ придёт учителю в личный кабинет, а его проверка учителем – на электронную почту ученика. Элемент «открытый вопрос» очень важен для развития творческого потенциала ученика. Так как количество слов в ответе не ограничено, учащийся может вписать туда сочинение или изложение, творческую работу (придумать предложения, содержащие в себе изучаемые орфограммы и пунктограммы или часть речи, которая стала темой урока), тексты разных стилей и жанров (при изучении раздела «Стили речи»). Перед открытым вопросом можно поместить изображение картины, которую нужно будет описать в сочинении, – такая модель урока развития речи вполне уместна.

7) «Классификация», позволяющая создать задание на сортировку объектов по категориям. Количество категорий не ограничено. Это довольно удобное упражнение при изучении морфологических свойств частей речи или синтаксических функций членов предложений. Например: перед учеником список морфологических свойств частей, которые нужно «раскидать» по частям речи: «Имени существительному», «Имени прилагательному», «Местоимению» и т.д.

8) «Вопрос с автопроверкой», позволяющий создать задание с заданным ответом в виде числа, слова или комбинации слов. Удобное упражнение для учителей-словесников. С его помощью можно проверить как теоретический материал, так и практическое знание орфограмм и пунктограмм.

9) «Диалоговый тренажёр», с помощью которого можно создать игровой стимулятор с разными вариантами действия.

Интерактивное взаимодействие, визуальные материалы, подача в цифровом пространстве, возможность обратной связи с учителем, широкий инструментарий конструктора урока – это ключевые достоинства платформы Core, которые позволяют урок, способный активизировать познавательную деятельность учащихся. Однако творчество учителя-словесника в выборе и организации дидактического материала должна преобладать.

Следующий интересный ресурс – *Kahoot*, сервис для создания онлайн-викторин, тестов и опросов. Его познавательный потенциал в том, что в викторины привносится соревновательный элемент: после ответов на вопрос, выдаётся статистика – кто из учеников справился быстрее всех, кто ответил верно, а кто – нет;

в конце статистика суммируется и выдаётся результат учащегося, который справился успешнее остальных. Сервис Kahoot можно использовать и на очных уроках – достаточно наличие в классе компьютера, проектора и смартфонов у учеников. Есть ещё платформа для создания викторин – Quizizz. Её функционал напоминает Kahoot, и с помощью этой платформы можно также создавать и проводить игры, викторины, тесты и домашнюю работу. Основное отличие состоит в том, что при запуске викторины в классе учащиеся отвечают на вопросы, двигаясь в своём темпе, и не зависят от скорости ответов других участников.

Discord – это бесплатная программа, которая изначально создавалась для геймеров с целью обмена текстовыми и голосовыми сообщениями. Данную платформу возможно использовать и для дистанционного обучения, поскольку она помогает организовывать массовые онлайн-конференции. Функции сервиса доступны каждому владельцу современного компьютера или телефона бесплатно.

Преимущество данной платформы заключается в неограниченном количестве времени (тогда как конференции в Zoom или Skype можно создавать только на 30 минут), понятный интерфейс, наличие аудио- и видеосвязи, наличие группового общения в командных чатах, что позволяет создавать серверы для каждого класса, наличие чата, демонстрации экрана и выхода в эфир любому участнику конференции (удобно при изучении обобщающего материала или уроков развития речи, когда нужно опросить каждого обучающегося).

ClassDojo – является аналогом социальной сети для всего класса, даже для целой школы. В рамках этого приложения учитель может общаться с каждым обучающимся по отдельности, формируя тем самым

мотивацию к обучению. Приложение имеет определенные возможности: давать задания классу, разбивать обучающихся на группы, поддерживать связь с родителями, делиться фотографиями и новостями.

Classcraft – приложение схоже с описанным выше: для каждого обучающегося можно создать персонажа с определенным набором характеристик, которые повышаются при успешном выполнении заданий. Например, плохое поведение на уроке накладывает на персонажа этого ученика досадный эффект «замедления». Изучение каждого предмета разбито на главы. Прогресс в *Classcraft* похож на популярные онлайн-игры: захватывающая история, снаряжение и питомцы для персонажей и самое главное – всё это учитель может связать с тем учебным материалом, который изучает класс.

Joyteka – платформа, которая поможет разнообразить процесс дистанционного обучения escape-квестами, где обучающемуся для того, чтобы выбраться из комнаты, необходимо применить знания, полученные на уроке. По своему оформлению и уровню сложности платформа подходит для использования в начальной и средней школе. Здесь можно выбрать различные интерьеры для комнат и сделать тематический праздничный квест, оформленный соответственно, например, ко Дню защитника Отечества, Дню Луганской Народной Республики.

На сайте *WordMint* можно бесплатно и быстро создавать головоломки и тесты. Сайт предполагает создание определенных типов:

- «поиск слова» – классический филворд: сетка букв, в которой спрятаны нужные слова;
- «крсворд» – вопросы и форма с клеточками для ответов;

– «схватка слов» – список слов, в которых буквы перепутаны; нужно расположить их в правильном порядке;

– «соответствие» – два столбика слов или словосочетаний, между которыми нужно найти соответствие;

– «карты бинго» – сетка со словами или активностями, с которыми обучающиеся работают по заданным критериям;

– «рабочий лист» – форма для теста с выбором ответа из списка, опцией «Верно/Неверно» и короткими ответами.

Сайт «Русский онлайн» является образовательным ресурсом, где можно найти интеллектуальные и развивающие игры с примерами из классической литературы: «Интонации», «Коты и кошки в русской литературе», «Помогите Незнайке разобраться с русскими фразеологизмами».

С помощью *Mentimeter* можно создавать интерактивные презентации. Удобство *Mentimeter* заключается в том, что выступающий может чередовать слайды для показа и слайды для взаимодействия, проводя опросы, собирая мнения, организуя голосования. Можно поставить проблемный вопрос и мгновенно получить мнение класса: «Причастие – часть речи или форма глагола?». После этого уже может последовать презентация учителя, содержащая теоретический материал. Это ещё один из полезных веб-сервисов для учителя, который нужно иметь в своей копилке.

Один из способов активизации познавательной деятельности учащихся – это квест. Но его создание зачастую становится трудоёмким, длительным и масштабным процессом. В условиях дистанционного

обучения упростить создание квеста способна платформа *Learnis*. Она позволяет создать уникальную квест-комнату, поместить туда свою презентацию в виде изображений, видео и аудиофайлов. Подбирая «ключ» к каждой двери, ученик выполняет различные задания по теме урока и, если всё сделано верно, «открывает» дверь квест-комнаты, проходя дальше. Любую тему, проблему или раздел по русскому языку можно воплотить в форме квеста, который имеет игровой характер, способный увлечь учащихся.

Также в *Learnis* можно создавать интерактивные видео. К примеру, учителем найден видеоматериал о местоимении; в нём последовательно характеризуется местоимение как часть речи, его морфологические признаки, классы и т.д. Для того чтобы сделать видео интерактивным, на платформе достаточно установить в видео пометки на определённой минуте. Эта пометка – вопрос: «Что такое местоимение?», после него даётся поле для ответа, в который ученик вписывает полученную информацию из видео. И так на протяжении всего ролика. Достоинство в том, что ученик не может «промотать» видео на нужные ему места (технически это невозможно): ему придётся досмотреть видео до конца. А ответы на вопросы продемонстрируют учителю степень внимательности учащегося при освоении темы.

И последняя платформа, которую мы охарактеризуем (но не последняя в цифровом пространстве, которой можно воспользоваться в образовательной среде), – это *Lerning Apps*. Все упражнения имеют игровой и интерактивный характер; в библиотеке сайта их множество, каждый из которых доступен для использования. Можно создать упражнения по русскому языку для объяснения нового

материала, для закрепления знаний и навыков, тренинга и контроля. Упражнения можно создавать в виде онлайн-опросов, тестов, викторин, игр по типу «Самый умный», «Кто хочет стать миллионером», «Поле чудес» и т.д., кроссвордов. Недостаток данного сервиса заключается в том, что пока ученик не даст правильный ответ на вопрос, задание не завершится. Т.е. любое упражнение имеет скорее тренировочный характер, чем контрольный.

Таким образом, способ, с помощью которого можно активизировать познавательную деятельность учащихся на уроках русского языка в условиях дистанционного обучения, по существу, один – это внедрение в уроки электронных технологий, цифровых ресурсов, функционала сети Интернет. А платформ, предоставляющих широкие возможности для повышения качества современного урока, множество.

Литература

1. Зайченко Т.П. Основы дистанционного обучения : теоретико-практический базис : учебное пособие / Т.П. Зайченко – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 167 с.
2. Хусяинов Т.М. Основные характеристики массовых открытых онлайн-курсов (МООС) как образовательной технологии / Т.М. Хусяинов // Наука. Мысль. – 2015. – № 2. – С. 21–29.

УДК 373.091.33:811.161.1–027.44–026.26

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ BYOD НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Деркульская И.А.,

учитель русского языка и литературы
ГБОУ ЛНР «Краснолучская школа №10»
г. Красный Луч

***Аннотация.** В статье определено, что BYOD – это технология, при которой активно используются мобильные девайсы в обучении. Симбиоз деятельностного подхода и внедрения технологии BYOD дает учащимся мотивы для обучения, возможности свободного выбора способов решения проблем коммуникации, позволяет обосновать и целесообразно выбрать стиль и способы общения.*

***Ключевые слова:** технология BYOD, мобильное устройство, гаджет, девайс, приложение.*

Одной из важнейших задач усовершенствования качества современного образования является формирование личностной готовности детей к активной жизни, к творческой самореализации в цифровом обществе. В силу этих обстоятельств кажется естественным для педагогов прибегнуть к использованию некоторых возможностей мобильных устройств для организации работы на уроках русского языка и сознательному их включению в образовательный процесс. Нельзя сказать, что использование инновационной технологии BYOD в образовании развивается стремительно, но эту тенденцию уже сложно не брать в расчёт.

Цель статьи – определить особенности применения технологии BYOD на уроках русского языка.

Концепцию технологии BYOD (Bring Your Own Device) можно рассматривать как форму мобильного обучения (M-learning), которая предполагает использование персональных мобильных устройств (телефонов, планшетов, нетбуков) субъектами учебного процесса для осуществления беспрепятственного доступа к сетевым и специализированным ресурсам и услугам образовательного учреждения и Интернета [1]. Применение технологии BYOD дает возможность обучающимся в короткие сроки получать и обрабатывать информацию, проходить опросы, создавать закладки и др.

BYOD – относительно новая технология, которая появилась в работах Рафаэля Беллагаса (Rafael Bellagas) в 2005 году и переводится как «возьми свой девайс с собой» [2]. Основной причиной использования девайсов в школах является потребность в повышении результатов обучения и мотивации современных детей, потому что эпоха цифрового общества требует коренного изменения средств и технологий обучения. Поскольку даже с дошкольного возраста у многих детей появляются собственные девайсы, учителю и родителям важно способствовать их использованию именно с учебной целью, предостеречь детей от бесполезной потери времени в процессе их эксплуатации.

Устройства BYOD могут помочь учителям, ведь они могут обеспечить дифференцированную учебную деятельность для отдельных учащихся, удовлетворить их конкретные потребности, развить способности и улучшить приобретенные в процессе обучения умения и навыки, а также развить коммуникативную

компетентность. Устройства BYOD позволяют отдельным учащимся получить доступ к цифровым учебникам и другим учебным ресурсам во многих местах. Использование мобильных устройств позволяет создавать собственные учебные материалы в дополнение к использованию устройств для доступа к обучающему контенту, созданному другими. Это облегчает функции сбора данных на мобильных устройствах, включая возможность фотографировать и записывать видео, звуки, текст и находить информацию о местонахождении. Учащиеся могут совмещать, редактировать, делиться и добавлять новое к данным, собранным и созданным ранее. Это способствует расширению круга общения, сотрудничеству, партнерскому обучению и работе проектной группы.

В рамках данного исследования хотелось бы уделить внимание тем приложениям, которые могут быть использованы на уроках русского языка. Это те приложения, которые прочно вошли в ежедневную работу и, действительно, являются помощниками в обучении детей и организации уроков:

1. *Bookmate* (Букмейт) – компания, развивающая одноименный мобильный сервис для чтения книг, основанная в 2010 г. Саймоном Дайлопом и его бизнес-партнером Виктором Фрумкиным. Букмейт – это приложение для чтения книг по подписке с большой мультязычной библиотекой. Читателям Букмейта доступны 850 000 книг на 12 языках: русском, английском, испанском, бахасе, шведском, азербайджанском, казахском и др. языках. Читатели также имеют возможность создавать тематические книжные полки, оставлять впечатления о прочитанном, делать цитаты и делиться книгами с друзьями.

2. *Google* – крупнейшая поисковая система Интернета, принадлежащая корпорации GoogleInc. Поддерживает поиск в документах форматов PDF, RTF, PostScript, Microsoft Word, Microsoft Excel, Microsoft PowerPoint и др.

3. *Тест по русскому языку* поможет проверить свои знания по русскому языку. Предлагается ответить на 5 несложных вопросов по русскому языку, по окончании которых игра оценит уровень знаний и выдаст окончательную оценку.

4. *Фоксфорд* – это онлайн-школа для учеников 5–11 классов. На курсах школьники могут подтянуть или углубить знания, подготовиться к олимпиадам по основным школьным предметам.

5. *Youtube* (от англ. you – «ты», «вы» и англ. tube – «труба», жарг. англ. – «телевизор») – видеохостинговая компания, предоставляющая пользователям услуги хранения, доставки и показа видео. На сайте представлены фильмы, музыкальные клипы, трейлеры, новости, образовательные передачи, а также любительские видеозаписи, включая видеоблоги, слайд-шоу, юмористические видеоролики и прочее.

6. *Орфография русского языка* – это и тест, и игра, и викторина. Слова, в которых вы делаете ошибки, будут появляться в последующих тестах для того, чтобы вы наверняка их запомнили. Проверка орфографии поможет с пользой провести время и улучшить правописание и грамотность.

7. *Орфография* – полезная программа от студии PrismaLogic. Она содержит 200 текстовых карточек с пропущенными буквами: а, о, е, и т.п. Задача пользователей – решить грамматический пазл, выбрав правильный вариант из предложенных.

8. *Грамматика русского языка* – приложение составлено в виде таблиц и схем и имеет, в основном, практическую направленность. Здесь в краткой и доступной форме систематически изложены основные правила грамматики русского языка в объеме средней школы. Работает в режиме offline.

9. *Краткие содержания* – 30 произведений литературы с 9 по 11 класс в сокращенном виде.

10. *Слово дня – толковый словарь*. Каждый день приложение будет показывать новые актуальные слова и термины русского языка, значение которых многие не знают. Команда филологов изучает их определения в толковых словарях Даля и Ожегова и других авторитетных источниках. А потом адаптирует эту информацию в краткие определения для простоты понимания.

11. *Орфограф и «Ударник»* – это мобильные версии настольных игр от Pagedown Studio, которые помогут прокачать уровень владения русским языком и избежать досадных ошибок. Каждая игра представляет собой наборы из 120 карточек с заданиями. В обеих играх предлагаются слова, в написании и произношении которых люди чаще всего путаются. Принцип игры прост: в «Орфографе» пользователь должен отметить единственно верно написанное слово из трех вариантов, а в «Ударнике» – выбрать правильную ударную гласную.

Процессуальный этап применения технологии BYOD на уроках русского языка предусматривает выполнение учащимися заданий и упражнений с использованием их девайсов в процессе обучения. Приведем примеры таких заданий для учащихся 5-х классов:

Задание 1. На уроке вы прослушали объяснение слова «Лексика». Используя свой девайс, запиши аудиообъяснение к этому слову и отправь однокласснику, которого не было сегодня в школе.

Задание 2. Найди информацию на тему: «Словарное богатство русского языка» через поисковую систему Google и презентуй ее в классе.

Задание 3. Составь загадку с любым предложенным словом и отправь другу, родителям, брату и сестре, используя Вайбер. Узнай, сколько человек дали правильный ответ. Полученные результаты презентуй в классе (комар, свекла, ирис, экран и т.п.).

Задание 4. Представь, что ты сегодня идешь к бабушке, а мама очень хочет узнать, что вы делали сегодня в школе на уроке русского языка. Запиши короткое видеосообщение для нее.

Задание 5. Посмотри видеотрегмент, предложенный учителем, без сопровождения аудиозаписи. Воспроизведите его с одноклассником, а затем сравните полученное.

Задание 6. Посмотри на предложенный учителем фотоснимок.

Найди на телефоне секундомер и 30 секунд рассказывай однокласснику все, что увидел. Главное условие: говорить нужно все 30 секунд.

Задание 7. Прочти текст, представленный учителем. Выскажи свое мнение на диктофон и передай эту запись через социальную сеть. Пусть другой одноклассник поставит тебе оценку за правильность твоей речи.

Задание 8. Выполни упражнение 19 учебника. Найди синонимы для выделенных слов с помощью телефона.

Задание 9. Сфотографируй ребус и позови друзей на помощь в его решении. Создай собственный ребус в специальном приложении по изученной теме.

Задание 10. Найди объяснение слова «десница» и представь свою информацию в формате видеосообщения.

Предлагаемые виды задач можно легко адаптировать к любой теме урока. Необходимо помнить, что технология BYOD является только вспомогательным средством, а не основным источником знаний на уроке.

Применяя эту технологию на уроке впервые важно также помнить о том, что это может занять много времени. Поэтому рекомендуем попробовать выполнить задачи по типу тех, которые будут предложены на уроке, перед уроком или на дополнительных занятиях, чтобы дети четко осознавали, что от них требуют при использовании девайсов. Это поможет сохранить время на организационном моменте и сразу сосредоточит внимание детей на цели упражнения или задачи.

Таким образом, внедрение технологии BYOD требует от учителя готовности к организации образовательной деятельности учащихся, к инновационно-творческой деятельности в условиях компетентностного обучения. Обязательным условием является то, что педагог должен объяснить детям правила работы по применению девайсов, чтобы в будущем дети могли сами использовать гаджеты для самостоятельного обучения и получения информации. Важно помнить о главном лозунге учителя XXI века о том, что нужно научить детей учиться, предоставить им все возможности для того, чтобы вызвать у них интерес и заинтересованность учебным процессом, заложить

хорошую основу для обучения в средней и старшей школе, научить их социализироваться в обществе.

Литература

1. Кирилина Л.И. Современные технологии обучения русскому языку как средство повышения качества образования в условиях модернизации и профессиональная компетентность учителя / Л.И. Кирилина // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 6. – С. 82–88.
2. Stager-to-go «BYOD – Worst Idea of the 21st Century?» / Gary S. Stager. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stager.tv/?p=2397>, свободный. (Дата обращения : 19.02.2022 г.).

УДК [373.016:811.161.1]:[373.017.485.6]

МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лях О.Н.,

учитель русского языка и литературы
ГООУ ЛНР «Зимогорьевская средняя школа имени
И. Малько»,
г. Зимогорье

Аннотация. В единстве форм, средств и содержания обучения, которые способствуют погружению учащихся в медиадеятельность, возможно формирование медиакомпетентности личности. Современные интерактивные технологии и методы обучения являются основными в формировании медиакомпетентности

личности. Они способствуют превращению ученика в активного участника учебной деятельности и соответствуют особенностям его умственных, личностных и психических особенностей.

Ключевые слова: *медиадеятельность, медиакомпетентность, медиаграмотность, медиатехнологии, интерактивные методы обучения.*

Современное общество развивается в эпоху информатизации. Это характеризуется применением продвинутых технологий во многих сферах человеческой деятельности, в том числе в образовании. Одним из возможных путей решения задачи модернизации образования является разумное сочетание традиционных средств образования с современными информационными и компьютерными технологиями (ИКТ). Данные технологии служат средством для творческого и активного овладения учениками изучаемого предмета, служат для более высокого, качественного уровня изложения материала [1]. Применение ИКТ открывает множество новых возможностей для образовательного процесса.

Только в единстве форм, средств и содержания обучения, которые способствуют погружению учащихся в медиадеятельность, возможно формирование медиакомпетентности личности. Совершенствование культуры общения учащихся и их практических навыков владением языком является главной целью обучения русскому языку. Учитель должен создать такие условия, при которых каждый ученик сможет овладеть практическими навыками языка. Для этого необходимо выбрать методы обучения, позволяющие каждому учащемуся проявить креативность, самостоятельность, активность, активизировать познавательную деятельность [3].

Цель статьи – охарактеризовать методы и технологии формирования медиакомпетентности школьников на уроках русского языка.

Интерактивные и активные методы обучения являются основными в формировании медиакомпетентности личности. Они способствуют превращению ученика в активного участника учебной деятельности. Задачей медиаобразования и обучения русскому языку является формирование умения видеть, воспринимать, анализировать и понимать скрытый смысл медиатекста [4].

Возможности использования интернет-ресурсов огромны. Глобальная сеть Интернет создает условия для получения любой необходимой учащимся и учителям информации, находящейся в любой точке земного шара: страноведческий материал, новости из жизни молодежи, статьи из газет и журналов, необходимую литературу и т.д.

Активное и уместное использование ресурсов медиа на уроке русского языка является возможным и причинно-обусловленным исходя из специфики предмета, содержание обучения которому сводится к обучению различным видам речевой деятельности. Сейчас в сети Интернет существует огромное множество контента (фотографии, видео, рисунки, схемы, таблицы и т.д.), из которого учитель может с легкостью выбрать нужную для каждого урока информацию. Интернет с бесчисленным количеством сайтов является безграничным пространством для деятельности в плане применения на уроке русского языка с целью развития медиакомпетентности.

Русский язык как учебный предмет предполагает как можно более гибкое и широкое применение разнообразных технических средств обучения. Так что

вполне естественно, что в преподавании русского языка нашли активное применение новые возможности медиа.

Использование новых информационных технологий позволяет выделить следующие основные положения:

- применение медиатехнологий в обучении повышает эффективность преподавания, главная цель которого – совершенствование речевых навыков;

- средства медиатехнологий являются инструментом образования и воспитания учащихся, развития их информационной культуры, креативности, коммуникабельности, когнитивных способностей;

- применение средств медиа в обучении при отсутствии естественной языковой среды дает возможность создавать условия, наиболее приближенные к реальному общению [2].

В современной методике преподавания русского языка применению мультимедийных технологий отводится значительная роль. Рассмотрим основные варианты применения мультимедиа на уроках русского языка:

1. Электронный учебник и различные обучающие программы-тренажеры. Виды мультимедийных учебников:

- 1) на CD-ROM – как с печатным приложением, так и без него;

- 2) на сайтах Интернета (печатные приложения отсутствуют);

- 3) на CD-ROM – присутствует привязка к интернет-сайтам, как с печатным приложением, так и без него.

2. АВВУУ TUTOR – обучающая программа, которая помогает обучающимся лучше воспринимать и осваивать новый материал, когда перед ними на экране

компьютера находится какое-либо графическое изображение. Кроме того, электронные учебники помогают самостоятельно изучать материал урока, выполнять тренировочные упражнения на его активизацию, проходить тесты на выявление уровня усвоенного материала. Причем в некоторых из них содержатся разноуровневые тесты, проходя которые, ученик с каждым разом старается достичь более высокого уровня, при этом его оценивает компьютер. Таким образом, электронные учебники и учебные компьютерные программы существенно помогают в управлении учебной деятельностью, соревновательным элементом, осуществлении индивидуализации обучения.

3. Мультимедийные презентации помогают при выполнении и контроле промежуточного и окончательного результатов самостоятельной работы. Учитель имеет возможность использовать как готовую презентацию со специальных сайтов и форумов, сделанную его коллегами, так и создать собственную презентацию, нацеленную на конкретный тип урока и классный коллектив. Эффективность учебного материала, воздействующего на учащихся в форме презентаций, зависит от степени и уровня иллюстративности данного материала. Очень важно сделать учебный материал как можно более ярким и убедительным, так как чем выше визуальная насыщенность, тем лучше усваивается материал и тем выше его привлекательность для учащихся, что повышает их интерес и мотивацию. Презентации помогают акцентировать внимание учеников на наиболее важные моменты и сделать материал наглядным. Компьютерная презентация воздействует сразу на зрительную, эмоциональную и слуховую виды

памяти, а в некоторых случаях, в том числе и на моторную память. Таким образом, презентации помогают адаптировать учебный материал для учащихся и сделать его более эффективным.

4. Метод проектов. В настоящее время это одна из самых перспективных педагогических технологий, позволяющих как можно более полно раскрыть творческие способности учащихся и развить у них способности выбирать среди огромного количества информации – нужную. Исследовательская работа школьников и оценка этой деятельности – самые важные составляющие метода проектов.

5. Интернет-ресурсы. Мультимедийный интернет-ресурс – это ресурс, главная информация которого представлена в виде мультимедиа. Для подобных ресурсов характерны возможность содержания разнообразных видов информации, подлинность материалов, высокий уровень наглядности материалов, самостоятельность, увлекательность, моментальная обратная связь. Современные школьники, безусловно, готовы к урокам с использованием медиаресурсов.

Дети с малых лет овладевают компьютерными технологиями, поэтому они могут назваться медиаграмотными, однако нужно изучить инновационные и целесообразные методы, чтобы сформировать у них медиакомпетентность. Рассмотрим некоторые современные инструменты обучения русскому языку с точки зрения решения поставленной задачи:

1. Web-quest. Это инструмент обучения, основанный на запросах, который побуждает учащихся нести ответственность за свое обучение. Данный метод предполагает проблемно-поисковое задание, основу которого составляют ресурсы Интернета, указанные

учителем, и включает в себя с элементы ролевой игры. Ученикам даются проблемные задания, которые они решают с помощью указанных сайтов. В рамках веб-квеста применяются разнообразные виды заданий, например, сравнение, распознавание главной и второстепенной информации, ее систематизация, интерпретация, обобщение и прогнозирование.

2. Web-portfolio. Используется для саморазвития и самопознания. Суть заключается в том, что учащийся самостоятельно создает свое досье на указанном сайте. Там он отражает собственный опыт, демонстрирует достижения, исследования, оценивает себя, свои результаты, ставит цели и задачи, планирует знания и умения, которые желает достичь.

3. Projectwork. Это учебный опыт, который направлен на то, чтобы предоставить обучающимся возможность обобщать знания из различных областей обучения и критически и творчески применять их в реальных жизненных ситуациях. Этот процесс расширяет знания учеников и позволяет им приобретать навыки, такие как сотрудничество, общение и самостоятельное обучение, подготавливает их к обучению на протяжении всей жизни и к предстоящим задачам, стимулирует учащихся создавать собственные медиапродукты. Такой вид задания включает в себя самостоятельное планирование, проводимые исследования, презентацию результатов работы.

4. Work with video. Просмотр видеозаписей и работа с ними – важнейшие формы медиаобразования и одни из самых эффективных средств изучения материала.

5. Brainstorming/roleplay. Метод мозговой атаки и ролевая игра – решение проблемы творческим

способом, когда тем самым развивается креативность учеников.

6. QR-code. Включение QR-кодов в преподавание и обучение языку превращает унылый урок в динамичную, более отзывчивую среду. QR-коды облегчают ученикам доступ к библиотеке информации, которая дополняет их стандартную учебную программу и способствует совместному взаимодействию.

Представим примеры сайтов, используемых на уроке русского языка:

1. www.learningapps.org

Образовательный интернет-ресурс, нацеленный на поддержку процесса обучения при помощи интерактивных приложений. На ресурсе содержится множество интерактивных упражнений по 28 предметным областям, которые являются общедоступными. Можно взять как готовое упражнение, так и сделать его самостоятельно, с учетом конкретных целей и задач.

2. <http://goanimate.com/videomaker/quickvideo>

Сервер для создания видео «GoAnimate», цель которого – создание собственных анимированных видеоклипов. Для использования не требуется профессиональных знаний и навыков, он легок и быстр в использовании.

3. <https://www.baamboozle.com>

Учебный ресурс, который способен сделать ярче и интересней любой урок. На сайте содержится множество познавательных игр, среди которых можно выбрать подходящую, а можно создать свою. Такие игры способны понравиться любому поколению и расшевелить самую пассивную аудиторию. Кроме того, данный сервис предполагает работу в группах, а значит, способствует сплочению коллектива.

4. «Kahoot!»

Это бесплатная обучающая игровая платформа, которая делает обучение интересным – любой предмет на любом языке, на любом устройстве, для всех возрастов. Данный ресурс тренирует скорость реакции учащихся, способствует развитию скорости их мышления, способствует тренировке памяти и внимания. Однако, этот сервис предполагает наличие девайсов, подключенных к Интернету у всех учащихся. Существует возможность как самостоятельного создания теста, так и выбора готового.

5. Решу ЕГЭ/ОГЭ

Ресурс, на котором можно самостоятельно проверить свою готовность к итоговым экзаменам.

Таким образом, выбор таких методов говорит о том, что они соответствуют особенностям умственных, личностных и психических особенностей учеников и тем, что они способствуют формированию медиакомпетентности школьников на уроках русского языка.

Литература

1. Коренькова М.М. Использование мультимедийных средств обучения английскому языку / М.М. Коренькова, И.А. Малинина // Иностраный язык в национальном исследовательском университете: новые задачи и ценностные ориентации : сборник статей по материалам межвузовской научно-методической конференции. – Нижний Новгород : НИУ ВШЭ, кафедра иностранных языков, 2011. – С. 199–203.

2. Кривенок О.И. Мультимедийные технологии в преподавании иностранных языков / О.И. Кривенок. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ito.edu.ru/2008/MariyE1/III/III-0-16.html>, свободный. (Дата обращения : 20.02.2022 г.).

3. Стечкин И.В. Медиаобразование в школе : школьный интернет-портал / И.В. Стечкин, Д.А. Олеринская, Т.А. Круглова. – М. : Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. – 40 с.

4. Хлызова Н.Ю. Педагогические условия формирования медиа-компетентности вторичной языковой личности : дис. канд. пед. наук / Н.Ю. Хлызова.– М. : 2001.– 210 с.

УДК 373

**ВНЕДРЕНИЕ МЕТОДОВ И СРЕДСТВ
РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ УРОКОВ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС**

Легина А.В.,

учитель начальных классов высшей
квалификационной категории, заместитель директора по
УВР МОУ «Тираспольская гуманитарно-
математическая гимназия»;

Сивакова Н.В.

учитель русского языка первой
квалификационной категории,
директор МОУ «Тираспольская гуманитарно-
математическая гимназия»,
г. Тирасполь

Аннотация. Статья посвящена основным методам и средствам воплощения интегрированных уроков в учебный процесс в рамках начальной школы. Свои рассуждения мы подкрепляем выдержками из работ теоретиков интегрированного обучения Г. Ф. Федорца, Э. Л. Мельник и Л. А. Корожневой, А. А. Харунжева. Выстраивается система подобных уроков, основанная на целях обучения и содержании.

Ключевые слова: интегрированный урок, технология, вводно-обзорный урок, урок обобщения знаний, дидактическая единица.

Основой разработки интегрированных уроков является интегративно тематический подход, обоснованный Г. Ф. Федорцом [2, с. 90].

Интегративно-тематический подход означает, что за содержательную, методическую и организационную единицу процесса обучения берется не урок, а учебная тема (раздел) учебной дисциплины.

Под *учебной темой* следует понимать сложившуюся в дидактике и в частных методиках практику группировки учебного материала вокруг его основных, ведущих положений. Учебные темы расположены в содержании учебного предмета таким образом, что ведущие положения каждой темы, с одной стороны, подчинены общим идеям курса, а с другой стороны, раскрывают эти ведущие идеи, то есть в процессе изучения темы происходит конкретизация ведущих идей предмета.

Ведущие идеи учебного предмета – это такие положения (понятия, законы, принципы, теории, методы наук), которые выражают сущность изучаемого материала, сообщают ему внутреннее единство и органическую целостность, являясь своего рода мыслительными «вехами» в овладении предметным содержанием.

Таким образом, ведущие идеи выполняют функцию системообразующих связей в содержании учебных предметов, являясь «осью» этого содержания, вокруг которой и происходит объединение, концентрация учебного материала, то есть ведущие

идеи как бы «сшивают» узлы знаний (учебные темы) в единую систему.

Интегративно-тематический подход позволяет установить, что изучаемая тема может быть связана с другими темами учебного предмета и курса, а также с различными темами других дисциплин учебного плана.

Рассмотрим некоторые подходы к разработке технологии интегрированного урока.

Э.Л. Мельник и Л.А. Корожнева выделяют следующие этапы методики интегрированного урока в начальной школе:

1. Определение цели.
2. Разработка содержания. Для этого, по мнению авторов, необходимо:
 - а) выявить сходные темы в различных учебных предметах;
 - б) определить, какой учебный материал из других предметов можно включить в качестве компонента;
 - в) продумать оптимальное сочетание учебного материала предметов разных циклов;
 - г) подобрать дополнительный материал из разных областей наук.
3. Выбор методов, средств и форм обучения.
4. Анализ урока с позиций достижения заданных целей [1, с. 17].

А.А. Харунжев предлагает учителям следующий алгоритм разработки интегрированного урока:

- сформулировать цель и задачи урока;
- выбрать область наук для интеграции темы, параграфа;
- изучить основные вопросы по теме в выбранных областях наук;
- осуществить дифференциацию знаний;

- установить на основе анализа причинно-следственные и структурные связи;
- выделить единую философскую основу;
- осуществить синтез знаний (формирование единой концепции и мировоззренческих начал; формирование ориентировочной основы действия выраженной в материализованной форме);
- выработать идеи для концептуальных основ мышления учащихся;
- предложить выдвижение гипотез и проектов учащимися на уроке;
- продумать формирование посылок к решению проблемы;
- осуществить поиск глобальных решений проблемы с выходом на новые области знаний [3, с. 84-89].

А. А. Харунжев предлагает следующую технологию проведения интегрированного урока:

- сообщение темы и важности ее изучения в системе уроков;
- сообщение плана интегрированного урока и запись его на доске;
- сообщение указаний и требований к проведению урока;
- чередование монологического изложения материала с диалогическим, дискуссионным для установления обратной связи;
- обобщение и повторение материала;
- подкрепление монологического изложения материала наглядными методами иллюстраций и демонстраций;
- использование занимательных и исторических фактов;

- использование научных терминов, цитат, ссылок на источники;

- знакомство с учеными, занимающимися научными работами, связанными с темой урока;

- организация поиска решения, обсуждения проблемы (задачи), сравнение с известными решениями, нахождение оптимального решения учащимися;

- решение проблемы (задачи), сравнение с известными решениями, нахождение оптимального решения;

- в конце интегрированного урока сделать обобщения, выводы;

- познакомить учащихся с литературой и рекомендациями по ее использованию;

- дать домашнее задание;

- провести мониторинг учебного занятия [3, с. 84-89].

На наш взгляд, данная технология ничем не отличается от традиционных уроков.

Первый этап работы *подготовительный*. Он включает в себя следующие элементы: организацию творческой группы, планирование, конструирование содержания урока, репетиции. Рассмотрим каждый элемент подробно.

Организация творческой группы. Формирование команды учителей – это один из ответственных моментов работы над уроком, так как от взаимной совместимости и слаженности работы команды зависит успех урока.

Общеизвестно, что психологическая совместимость является важным фактором успеха работы любой группы людей. Поэтому важно, чтобы творческая группа создавалась с учетом взаимной совместимости. Только в атмосфере партнерства и

взаимной доброжелательности может родиться хороший урок.

Первым шагом в работе творческой группы является планирование.

Планирование урока. Во время работы над календарно-тематическим планированием необходимо определить количество интегрированных уроков, их тематику и сроки проведения. Это избавит от элемента случайности в проведении интегрированных уроков, позволит четко определить их роль и место в системе уроков, поможет планомерно вести работу по подготовке к интегрированному уроку. Планирование интегрированных уроков начинается с анализа учебных программ с целью выявления близких тем. Это поможет выявить тематику потенциальных интегрированных уроков. Однако нет необходимости реализовывать все возможные темы. Отбор тем осуществляется исходя из дидактических целей. Для этого необходимо ответить на вопрос: для чего проводится интегрированный урок? Какие образовательные цели он поможет решить?

Далее необходимо определить оптимальное количество интегрированных уроков. Критериями оптимальности являются их необходимость и достаточность для достижения поставленных образовательных целей.

Цель интегрированного урока – достичь целостного представления об изучаемом (явлении, событии, процессе, которые отражаются в теме, разделе программы и т.п.). Если поставлена цель сформировать целостные пропедевтические знания (вводно-обзорные) в начале изучения темы или раздела программы, то интегрированный урок проводится как вводный в тему или раздел.

Если урок проводится в конце изучения раздела, то он проводится как обобщающий. Возможно сочетание того и другого подходов одновременно, т.е. вначале дать *вводно-обзорный урок*, а в конце изучения темы или раздела как *урок обобщения знаний* по пройденному материалу.

Анализ педагогической практики показывает, что в настоящее время интегрированные уроки используются в основном как обобщающие. Это обусловлено тем, что учебный материал, как правило, изучается *индуктивным методом*, т. е. линейно-поступательно, шаг за шагом, от частного к общему, от простого к сложному. В этом случае целостное представление об изучаемом должно сформироваться в конце изучения материала на обобщающем уроке.

Процесс усвоения программы при таком подходе напоминает составление мозаики из различных цветных кусочков стекла, когда ученики соединяют расчлененные знания в единую картину. Учащиеся при таком способе, как правило, не видят взаимосвязи между уроками. А так как раздел программы представляет собой развернутую во времени картину, наполненную множеством фактов, то не каждому ученику удастся сформировать в своем сознании целостный ее образ. Если на основе *дедуктивного* подхода использовать интегрированный урок как пропедевтический, когда материал урока укрупняется до обзора раздела программы, то это поможет преодолеть фрагментарность видения, сформирует у обучающихся целостную и всестороннюю картину изучаемого, подготовит необходимую базу для более углубленного изучения на последующих уроках. При таком способе основной дидактической единицей становится не урок, а раздел программы. Отсюда

логически вытекает решение проблемы определения оптимального количества интегрированных уроков.

В итоге формируется система интегрированных уроков, обусловленная логикой изучения предмета. Данный подход соответствует диалектико-материалистическому методу познания: от общего (первичный синтез) к частному (анализ), от частного к общему (синтез). Вводно-обзорный урок создает у обучающихся целостную картину изучаемого. На последующих уроках материал детально рассматривается и анализируется. На заключительных уроках по разделу программы делаются обобщения и выводы.

На первый взгляд создается впечатление, что проблем с планированием интегрированных уроков нет. Однако анализ показывает, что существующие программы имеют слабые межпредметные связи, что не способствует интеграции знаний. Каждый предмет имеет свою логику построения содержания учебного материала, отличную от других предметов, поэтому в настоящее время осуществить интеграцию предметов крайне трудно без нарушения логики программы.

Литература

1. Мельник Э.Л. Интегрированное обучение в начальной школе: теория и практика / Э.Л. Мельник, Л.А. Корожнева. – СПб.: КАРО, 2003. – 192 с.
2. Федорец Г.Ф. Проблема интеграции в теории и практике обучения / Г.Ф. Федорец. – Ленинград: РГПУ, 1989. – 94 с.
3. Харунжев А.А. Интегрированный урок как один из способов формирования информационной культуры // Интеграция образования, 2003 г. № 3. – С. 84–89.

УДК 811.161.1

СТОРИТЕЛЛИНГ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Твердохлеб Е.В.,
заместитель директора по
учебно-воспитательной работе,
учитель русского языка и литературы
ГОУ ЛНР «Краснодонская средняя школа №2
имени Кавалера ордена Ленина
Н. П. Баракова»
г. Краснодон

***Аннотация.** Реформы в сфере образования учат педагогов совершенствовать свои знания и искать новые пути и технологии в организации образовательного процесса. Проблема развития речи является одной из самых острых в современном образовании. Задача педагога состоит в выборе оптимальных методов и способов организации работы направленных на развитие личности учащихся. Практическая ценность техники «Сторителлинг» состоит в подборе историй, соответствующих возрастным интересам детей и программным требованиям.*

***Ключевые слова:** сторителлинг, образовательный процесс, русский язык, обучающиеся.*

Не секрет, что когда школьникам нравится процесс обучения, они не только лучше усваивают материал, но и ищут способы узнать больше по интересующей теме. Благодаря их стремлению к новым знаниям формируется их взгляд на мир. Применение сторителлинга на уроках русского языка является эффективным способом повышения уровня

грамотности, так как он развивает все языковые навыки - чтение, разговорную речь и письмо.

Сторителлинг создает среду для богатого лингвистического и культурного обучения. Для детей это служит отличной возможностью для создания различных моделей использования языка. При правильном подборе материалов и наличии учителей, обладающих навыками более увлекательного и интересного изложения материала, достижение целей программ обучения языку становится более легкой задачей.

Сторителлинг в образовании – это одновременно наука и искусство донесения учителем информации с помощью знаний, рассказов, историй, которые возбуждают у школьника эмоции и размышления, то есть рассказ качественных историй. В сторителлинге нет ничего нового – люди рассказывают истории с древности.

История зависит от аудитории, для которой она предназначена. Любой тип истории основан на нескольких ключевых принципах, отличающих ее от простого цитирования фактов, таких как характер, интрига, сюжет.

Компоненты истории являются герой, сюжетная линия, тема и идея. Героем рассказа может быть объект, человек, явление, воображаемое существо, природа, символ. Сюжетная линия должна включать в себя введение, раскрытие сюжета, кульминацию и развязку [2].

Сторителлинг – это творческое повествование. В отличие от изложения фактов (передача, описание по памяти), основанного на восприятии, памяти и репродуктивном воображении, в основе творческого повествования лежит творческое воображение.

Основными компонентами такого повествования должны быть новые образы, ситуации или действия, созданные ребенком самостоятельно. В процессе обучающиеся применяют полученный опыт и знания, но объединяются они по-новому.

Нельзя отрицать, что некоторым обучающимся, особенно младшего и среднего школьного возраста, не хватает мотивации учиться. Большинство из них не видят смысла в получении знаний и в конечном итоге становятся равнодушны к процессу обучения. Поэтому учителю необходимо выбирать истории, которые будут стимулировать не только слушание, но и изучение. Когда возникает интерес к теме, отношение к ее изучению меняется, делая его приятным, значимым и понятным процессом для обучающихся.

Сторителлинг может сделать обучение более увлекательными. Однако создание увлекательных историй остается сложной задачей. Он может быть введен в образовательный процесс в качестве способа обучения с использованием существующих систем создания текстов и мультимедиа. У сторителлинга как и у любой педагогической технологии, есть определенные правила, свои цели и задачи, которые в конечном итоге должны сработать на результат.

Чтобы сделать сторителлинг на уроке более увлекательным необходимо следовать определенным правилам:

- 1) Выбирать правильный материал.

Даже опытному рассказчику необходимо совершенствоваться свои навыки и, в конечном счете, переходить на новые материалы, соответствующие интересам данного поколения. Не существует общей формулы того, что является идеальным материалом для повествования, поскольку его следует выбирать, исходя

из потребностей и интересов аудитории. В большинстве случаев мы выбираем материалы из личного опыта, которые любили слушать в детстве. Это, как правило, включает в себя сказки и фольклор.

Свежий подход к старым историям, а именно изменение некоторых элементов любимейшей истории, которые не повлекут за собой потерю ее оригинального смысла, может оказать положительное воздействие.

2) Живость содержания.

Оживление персонажей истории делает повествование увлекательным, поскольку оно позволяет аудитории видеть, чувствовать и слышать именно то, что хотел передать персонаж. Помните, что без эмоций истории становятся в основном мертвыми. Важно знать истории наизусть. Когда учитель знает содержание рассказа и заложенное в нем послание, его легче охарактеризовать. Необходимо уметь передавать чувства персонажей используя язык тела, жесты, мимику и тон голоса. Создание интересного контента поможет развить интерес обучающихся.

3) Максимизировать возможности для повышения грамотности.

Даже самого трудного ученика можно мотивировать послушать интересную историю. Рассматриваемый как один из способов решения проблемы грамотности, сторителлинг помогает развивать компетенцию учащихся во всех областях языка, моделируя навыки устной и письменной речи, ее понимания. Сторителлинг обучает чтению и аудированию, а также помогает развивать письмо. Учителя, которые используют рассказывание историй, должны выбирать материалы, соответствующие потребностям учащихся и учебной программе.

Эти истории должны содержать разнообразные сообщения, часто с картинками, чтобы привлечь внимание учащихся. Сторителлинг является одним из эффективных методов переноса учащихся в историю. Это помогает сформировать их мировоззрение.

4) Использование реквизита

Поскольку большинство детей учатся с помощью визуальных представлений, использование реквизита на занятиях с применением сторителлинга способствует более глубокому пониманию и оценке материала [3]. Реквизит помогает оживить линии и зацепить школьников, заставляя их больше концентрироваться. Удобный реквизит облегчает применение сторителлинга в классах. Он может варьироваться от цветов, мяча, куклы до куска ткани. Использование реквизита привлекает больше внимания и помогает лучше усвоить материал. Однако реквизит не должен отвлекать от основного смысла истории.

5) Вовлечение обучающихся.

Поскольку повествование основывается на сотрудничестве как рассказчика, так и аудитории, его лучше всего практиковать с участием детей. Необходимо рассказывать историю так, чтобы они могли общаться и взаимодействовать. Проконтролировать внимание обучающихся можно попросив их повторить некоторые строки, которые хотелось подчеркнуть. Так же можно проверить понимание учащимися, попросив их разыграть некоторые части истории. Для младших школьников это можно сделать даже с помощью воспроизведения звуков животных. После рассказа истории можно спросить учеников о возможном окончании истории или задать вопросы по содержанию истории.

Некоторым обучающимся даже можно поручить поочередно выступать в качестве соучредителей в начале занятий. В качестве домашнего задания можно предложить некоторым ученикам попрактиковаться в пересказе истории перед классом на следующий день. Вовлечение учащихся в занятия не только развивает их когнитивные навыки, но и повышает уверенность в разговорной речи и мотивацию к обучению.

Далеко не все современные обучающиеся любят читать. Обилие разнообразной информации в интернете и общение в социальных сетях сформировало у пользователей привычку бегло просматривать все появившееся на экране. Останавливаются только на самом интересном — если успеют его заметить.

Визуальный сторителлинг — это комикс, инфографика, GIF, иллюстрации, презентации или фотоколлаж. Он может использоваться в интернете, на телевидении, в печатной продукции, в рамках образовательного процесса с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий [3]. У визуальной информации три преимущества перед текстом:

- быстрее воспринимается;
- вмещает больше информации;
- преодолевает языковой и культурный барьер.

Сторителлинг помогает значительно упростить сложные для понимания сообщения, которые содержат новые идеи, абстрактные тезисы или сложные мысли. Способность привлечь внимание аудитории и воздействовать на неё через эмоциональную составляющую сделали сторителлинг незаменимым инструментом преподавания русского языка.

Литература

1. Валеева Е. В. Образовательный сторителлинг на уроках литературы и русского языка / Е. В. Валеева // Школьные технологии. – 2020. – № 4. – С. 94 – 98.
2. Ермолаева Ж. Е., Лапухова О. В. Сторителлинг как педагогическая техника конструирования учебных задач в вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 6 (июнь). – Режим доступа: <http://e-kon-sept.ru/2016/16132.htm/> (Дата обращения: 20.11.2021).
3. Краснова Т. И. Смешанное обучение: опыт, проблемы, перспективы // В мире научных открытий. 2014. № 11. с. 10–26.
4. Применение техники сторителлинг на уроках русского языка как средство формирования коммуникативной компетентности. Режим доступа: <https://pandia.ru/text/80/690/89537.php> (Дата обращения: 08.11.2021).

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
Открытой научно-практической конференции

*Редакционная коллегия оставляет за собой право
технического и стилистического редактирования
статей.*

*Авторы статей несут полную ответственность за их
содержание.*

Под общей редакцией – **Соболева И.А.**
Верстка – **Серебряк М.В.**
Дизайн обложки – **Немец О.П.**

Подписано в печать 25.05.2021 г. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать ризографическая.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 17,09.
Заказ № 57.

Издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, Т/ф: (0642)58-03-20
E-mail: knitaizd@mail.ru